

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Учебно-научный центр
изучения этнополитических
и этнокультурных процессов

Актуальные вопросы
реализации
«Стратегии государственной
национальной политики
Российской Федерации
на период до 2025 года»

Материалы Всероссийской
экспертно-аналитической
конференции

Москва, 19 декабря 2017 г.

Москва
2017

УДК 323.1(470+571)(08)

ББК 66.3(2Рос)я43

А43

Редколлегия

*М.М. Магомедов, А.Б. Безбородов,
О.В. Павленко, М.А. Омаров, С.В. Баах*

Рецензенты

*М.Ю. Мартынова
доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
директор Института этнологии и антропологии РАН*

*В.И. Коваленко
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой российской политики
факультета политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова*

Содержание

Приветствия

<i>М.М. Магомедов</i>	9
<i>И.И. Гильмутдинов</i>	15
<i>И.В. Баринов</i>	18

Сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России

Б.В. Аксюмов

Дискурс о гражданской и цивилизационной идентичности в контексте «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года»	27
---	----

Ф.С. Арония

Проблемы регулирования межэтнических конфликтов в современной России	36
---	----

В.Ю. Зорин

«Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»: промежуточные итоги и новые акценты	41
--	----

С.В. Киселёв

О реализации «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» на территории Республики Карелия	58
--	----

Г.В. Косов, А.А. Вартумян, Р.Х. Усманов

Информационные сюжеты национально-культурного и этнорелигиозного самоопределения народов Северного Кавказа (по материалам северокавказских СМИ)	68
--	----

Н.И. Новикова

Право коренных малочисленных народов
на принятие решений: гарантии и практики
на российском Севере 78

В.С. Христофоров

Вопросы национального строительства
на Северном Кавказе: между светской
модернизацией и шариатом (1922–1929) 89

Ю.П. Шабает

Правовые и доктринальные основы
региональной этнополитики 98

М.М. Шахбанова

Правовой статус малочисленных
народов Дагестана: состояние и тенденции 109

В.К. Шабельников

Национальная политика как психологический
фактор целостности России 124

Социокультурная адаптация
и интеграция иностранных граждан
в российское общество

В.А. Ачкасов

Некоторые проблемы интеграции иммигрантов
в российское общество 147

С.М. Брызгалова

Комплексный экзамен в системе адаптации
и интеграции мигрантов 162

М.А. Бурда

Механизмы селективной трудовой миграции
как один из способов адаптации
трудовых мигрантов 169

<i>В.А. Волох</i>	Факторы мигрантофобии в структуре межэтнических отношений	176
<i>Н.В. Курдюмов</i>	Трудовая адаптация мигрантов на российском рынке труда – важное условие социокультурной адаптации	184
<i>В.В. Комаровский</i>	Международный опыт адаптации трудовых мигрантов	190
<i>М.А. Омаров</i>	Проблемы миграции и этнических диаспор в современном мире	200
<i>В.А. Суворова</i>	Интеграция мигрантов как основа национальной безопасности государства	214
<i>Ш.С. Сулейманова</i>	Влияние миграционных процессов на межнациональные и межконфессиональные отношения в России	220
<i>Е.В. Фролова</i>	Принимающее население и мигранты в Республике Татарстан: показатели групповой дистанции и особенности социального взаимодействия	230
<p>Образование, патриотическое и духовно-нравственное воспитание детей и молодежи в контексте государственной национальной политики</p>		
<i>А.Л. Андреев</i>	Преподавание истории в контексте духовно-нравственного воспитания студенчества	239

Н.Ф. Донская

Просветительский проект «Согласие народов.
Созвучие культур»: формирование патриотических
ценностей и интереса к национальным культурам ... 249

Л.Ф. Кацис

Проблемы преподавания теологии авраамических
религий в вузах Российской Федерации 259

Д.М. Солодовник

Роль исламского образования
в становлении российской идентичности 265

Языковая политика в контексте реализации
«Стратегии государственной национальной политики
Российской Федерации на период до 2025 года»

П.-К. Броше

От статистики до реальности:
роль аудиовизуальной продукции
в формировании конкретного понятия
о мультикультурализме страны 277

М.П. Леонова

Сохранение греческого языка как одного
из элементов этнокультурного и языкового
многообразия народов России 280

М.М. Магомедханов

Этноязыковая политика в Дагестане:
советский опыт и современные реалии 285

А.Б. Шлуинский

Сохранение языкового разнообразия России:
актуальные задачи 293

Приветствия

М.М. Магомедов

*заместитель руководителя
Администрации Президента
Российской Федерации*

Пять лет назад была принята Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года – период, с точки зрения исторических процессов, небольшой, но очень важный для промежуточных оценок и определения планов на будущее. Ситуация в сфере межнациональных отношений изменилась довольно сильно. И изменилась в лучшую сторону.

Это особенно заметно, если вспомнить предшествующий период, когда практически ежегодно происходили резонансные тревожные события, такие как, например, конфликт в г. Кондопоге Республики Карелия (2006 г.), беспорядки на Манежной площади в Москве (2010 г.) и другие.

С 2013 года стали регулярно проводиться опросы настроений граждан в сфере межнациональных отношений сразу по нескольким темам. Для сравнения скажу, что в феврале и ноябре того года доля граждан, положительно оценивающих отношения между людьми разных национальностей, составляла лишь 55,5%. Сегодня этот показатель составляет 79,7%. В 2013 году каждый четвертый россиянин допускал возможность конфликта в населенном пункте своего проживания. Сегодня таких респондентов лишь 14,3%.

Убежден, что предпринятые в 2012 году и в последующие годы меры, а это, прежде всего, Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия» и другие решения Главы государства,

привели к возникновению стабильного тренда на улучшение состояния межнациональных отношений в стране.

Ключевыми событиями, конечно же, стали образование Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям и утверждение Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года.

Стратегия, по сути, является стержневым элементом, основой нового этапа реализации государственной национальной политики. В ней заложена формула межнационального согласия, ставшая базовым элементом государственной национальной политики современной России. Это – упрочение единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации) на основе сохранения и развития этнокультурной самобытности народов России.

В целях реализации Стратегии планы ее реализации приняты на федеральном¹ и региональном уровне².

Если говорить о промежуточных итогах реализации Стратегии, то можно выделить следующие основные достижения.

Во-первых, внедрение предусмотренного Стратегией программно-целевого подхода к реализации государственной национальной политики. На федеральном уровне путем утверждения Правительством Российской Федерации сначала федеральной целевой программы, а затем государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» с общим объемом бюджетных ассигнований на период с 2017 по 2025 год почти в 26 млрд рублей предусмотрены как федеральные мероприятия, так и субсидии регионам на развитие аналогичных целевых программ на местном уровне.

Во-вторых, определение границ ответственности в сфере межнациональных отношений путем законодательного закрепления ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений³. В настоящее время в каждом субъекте Федерации есть ответственное за состояние межнациональных отношений должностное лицо на уровне заместителя главы

региона, также есть ответственные лица и в муниципальных образованиях.

В-третьих, создание специального уполномоченного органа в сфере реализации государственной национальной политики – Федерального агентства по делам национальностей.

Сегодня необходимо четкое понимание того, что эффективность реализации государственной национальной политики в стране может быть обеспечена только в условиях непрерывной и согласованной деятельности федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества с комплексным использованием политических, правовых, организационных, социально-экономических, информационных и иных мер.

Если раньше не было единого механизма финансирования мероприятий государственной национальной политики на федеральном уровне, сложно было найти ответственных за эффективную реализацию государственной национальной политики в регионах и муниципалитетах, то сейчас сложилась четкая управленческая вертикаль, которая позволяет не только контролировать ситуацию, но и планировать ее, используя механизмы государственной программы, государственной системы мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций.

В этих целях Администрацией Президента Российской Федерации ежегодно начиная с 2014 г. проводятся семинары-совещания с должностными лицами высших исполнительных органов государственной власти регионов, ответственными за сферу межнациональных отношений. В ходе совещаний особое внимание руководителей регионов и муниципалитетов обращается на важность того, чтобы управленческая система, сформированная на федеральном уровне и основанная на взаимодействии органов власти и институтов гражданского общества, была должным образом организована и дальше по вертикали – на уровне субъектов и муниципальных образований. Семинары-совещания проходят во всех федеральных округах, проводится детальный анализ ситуации в сфере межнациональных отношений, основанный, в том числе, на оценке населением

эффективности деятельности региональных органов государственной власти в области реализации государственной национальной политики. Данная практика высоко оценена Президентом Российской Федерации и будет продолжена.

Вместе с тем ключевые решения принимаются главой государства по итогам заседаний Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, куда входят представители крупнейших общероссийских объединений финно-угорских народов России, народов Кавказа, коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, общероссийских организаций девятнадцати народов России, а также представители заинтересованных федеральных органов власти, ведущих научных и экспертных организаций.

Для решения текущих вопросов деятельности Совета сформирован президиум. Из числа членов Совета и привлеченных к его работе экспертов созданы две рабочие группы (одна постоянная и одна временная) и семь комиссий по основным направлениям реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Деятельность Совета имеет достаточно широкое освещение в средствах массовой информации.

По итогам всех заседаний Совета было дано 86 поручений Президента Российской Федерации. Подавляющее большинство из них исполнено и снято с контроля. За пять лет работы Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, реализации Стратегии госнацполитики удалось сдвинуть ситуацию в сфере межнациональных отношений в положительную сторону. Но не сомневаюсь, что предстоит сделать еще многое. Ведь деятельность в этой сфере требует каждодневного внимания, прежде всего, к целому ряду важных вопросов, среди которых:

- сохраняющееся влияние на молодежь радикальных экстремистских идеологических течений, проникающих из-за рубежа, в том числе религиозных и националистических;
- снижение численности населения в отдельных регионах страны;
- новые точки напряженности в межнациональной сфере в связи с изменением в отдельных населенных пунктах

- сложившегося национального баланса с учетом демографических и миграционных процессов;
- рост этнической преступности;
  - длительные межнациональные и международные конфликты;
  - проблемы в сфере языковой политики, касающиеся изучения государственного русского языка и сохранения языков народов России, обеспечения прав граждан на добровольное изучение родного языка и государственных языков республик, находящихся в составе Российской Федерации;
  - целенаправленное воздействие иностранных структур в целях формирования групп влияния на объединения народов России.

Наблюдая за современной ситуацией в мире, следует отметить, что этнополитический и этнорелигиозный факторы продолжают оставаться в числе актуальных вызовов и угроз национальной безопасности нашего государства. Не прекращают своей активности экстремистские и националистические организации, имеющие внешнее управление. В этой связи требуется четкое взаимодействие всех заинтересованных органов власти на местах по профилактике любых форм дискриминации по признакам расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, а также по предупреждению попыток разжигания расовой, национальной и религиозной розни, ненависти либо вражды. Факторам и силам, разделяющим наше общество, мы должны противопоставить альтернативу.

И этой альтернативой является гражданская российская нация, формирующаяся на основе духовно-нравственного единства и этнокультурного многообразия многонационального народа Российской Федерации.

В завершение хочу напомнить слова нашего национального лидера, Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина: «Много стран, где проживают люди разных народностей и даже языков. <...> Вроде бы Россия в этом смысле не уникальна, но есть и уникальная составляющая, которая заключается в том, что у нас страна всегда была очень толерантна к другой культуре, к другим языкам и к другим вероисповеда-

ниям. Она строилась изначально как многонациональная страна, и в основе этого строительства всегда лежало уважение к соседям, уважение к другим нациям, народностям, народам, языкам, культуре и религии. Это было одно из основных составляющих строительства Российского государства»⁴. Этим мы и должны руководствоваться!

Примечания

---

¹ «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2013–2015 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 июля 2013 г. № 1226-р [в редакции распоряжения Правительства Российской Федерации от 15 сентября 2015 г. № 1815-р] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 30 (часть II). – ст. 4141; «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2016–2018 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2015 г. № 2648-р [в редакции распоряжения Правительства Российской Федерации от 27 октября 2016 г. № 2254-р] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 1 (часть II). – ст. 257.

² Планы реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации утверждены практически во всех субъектах Российской Федерации.

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части определения полномочий и ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений: Федеральный закон от 22 октября 2013 г. № 284-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 43. Ст. 5454.

⁴ Встреча с участниками XIX Всемирного фестиваля молодежи и студентов [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента Российской Федерации. – 15 октября 2017 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55842> (дата обращения: 17 декабря 2017 г.).

И.И. Гильмутдинов

*председатель Комитета Государственной Думы
по делам национальностей Федерального собрания РФ*

Единение граждан страны, народностей и общин, поддержка их языков, культуры и духовности, сохранение межнационального мира и согласия в России – это цели, которые пять лет назад были обозначены в Стратегии государственной политики Российской Федерации. И те люди, для кого общественная или государственная жизнь связана с вопросами национальной политики, не могут отрицать, что за последние пять лет сделано было больше, чем за предшествующие десятилетия. Задачи национальной политики вышли на первый план во многом благодаря нашему Президенту, его чуткому пониманию значимости вопросов укрепления благополучия в межнациональной сфере. Оглядываясь назад, можно искренне порадоваться тому, как много сделано. Но чем больше сделано, тем шире нам открываются горизонты дальнейшей работы.

Межнациональные отношения составляют важнейшую часть общественно-политической жизни России. Мы одно из самых многонациональных государств мира. И наше главное преимущество в том, что на протяжении тысячелетней истории народы России жили в согласии и взаимном уважении. В уважении к прошлому, к национальным и религиозным традициям, языкам всех народов. Эти фундаментальные принципы отражены не только в законодательстве, проявляются они в повседневной жизни, в соседстве храмов с мечетями, во взаимном уважении, которое прививается нашим детям, начиная с самого раннего дошкольного возраста.

С пониманием этой значимости разрабатывалась и была принята пять лет назад Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Сегодня в каждом субъекте действует региональное законодательство по развитию основных направлений национальной политики, на федеральном уровне ведет работу созданное в 2015 г. Федеральное агентство по делам национальностей. Впервые в истории современной России с 2017 года действует государственная программа «Реализация государственной национальной политики Российской Федерации» с общим ежегодным финансированием мероприятий государственной национальной политики порядка 2,5 млрд рублей. По всей стране открываются и действуют Дома дружбы. В ближайшее время мы надеемся, по просьбе членов Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям появится и федеральный Дом дружбы, где свою деятельность смогут представить все федеральные национально-культурные автономии, другие крупные общественные организации этнокультурной направленности.

Также важно, что принимаемые в нашей сфере меры проходят этапы научного обоснования и общественного обсуждения. Вопросы национальной политики обсуждают в Российской Академии наук, РАНХиГС, МГУ, РГГУ, во всех наших профильных академических институтах.

Отрадно, что широкий круг мероприятий, проводимый на уровне государства, встречает большую поддержку и участие федеральных национально-культурных автономий, молодежных и других общественных организаций и движений этнокультурной направленности. Их активная деятельность стала заметна не только в кругу признанных специалистов сферы межнациональных отношений, ее стали видеть и ею интересоваться большинство наших граждан.

Мне приятно, что на конференции собралось так много представителей общественных движений. Со многими мы знакомы и ведем работу в рамках федеральных национально-культурных автономий, Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям и, конечно, Комитета Государственной Думы по делам национальностей.

Как Вы помните, на состоявшемся в Астрахани заседании Совета при Президенте по межнациональным отношениям Президент отдельно сказал о необходимости поддержки некоммерческих организаций, деятельность которых связана с межнациональным сотрудничеством, с сохранением и защитой культуры, традиций, языков народов России.

Особенно востребована сегодня такая деятельность среди молодежи. В субъектах нашей страны накоплен большой опыт работы в этом направлении. Успех студенческого спорта, волонтерского движения, Всемирного фестиваля молодежи и студентов и других крупных общероссийских и международных проектов говорит о широких возможностях, созданных для молодежи.

Нам многое предстоит, как я уже сказал. Созданы управленческие структуры и консультативные советы в каждом регионе, но нам предстоит повысить их эффективность. В каждом субъекте действует законодательство в сфере государственной национальной политики, но нужно уйти от его декларативности, приблизить, сделать понятным для людей. Мы приняли государственную программу, но важно расширить и наполнить ее качественным содержанием по каждому из направлений. Мы не должны закрывать глаза на повсеместную смену этнокультурного состава населения России. В некоторых регионах каждый четвертый ребенок за школьной партией – это инофон, мы должны уже сейчас разрабатывать необходимые мероприятия по социальной и культурной адаптации мигрантов и их семей к бесконфликтной жизни в нашей стране и обществе.

Преуспеть в решении этих и многих других задач национальной политики – в части популяризации и поддержки родных языков, национальных культур, этнокультурного и просветительского туризма – можно только совместными усилиями. Надеюсь, что каждое из высказанных на конференции предложений будет воплощено.

И.В. Баринов

*руководитель Федерального агентства
по делам национальностей*

Уважаемые коллеги!

Сегодня действительно знаковое событие: ровно 5 лет со дня подписания Указа Президента № 1666 «О Стратегии реализации государственной национальной политики».

Вне всякого сомнения, Стратегия была и остается основополагающим документом всей нашей сферы, своего рода ее идеологическим каркасом. И это несмотря на то что за последние 5 лет национальная политика претерпела колоссальные изменения как под действием внутренних тенденций, так и под влиянием геополитических факторов. Некоторые разделы нуждаются в актуализации: и перечень вопросов, требующих особого внимания государственных и муниципальных органов, и анализ текущего состояния межнациональных отношений, и обзор негативных факторов, и другие моменты. Однако значение этого документа, его принятие и начало реализации, переоценить сложно. Именно 2012 год ознаменован началом нового этапа развития государственной национальной политики и стартом формирования многоуровневой системы государственного управления, основанной на взаимодействии федерального, регионального, муниципального уровней власти и институтов гражданского общества.

Сохраняют свою актуальность пять основных целей Стратегии, на достижение которых направлена деятельность Федерального агентства по делам национальностей. По-прежнему приоритетами для нас являются: упрочение

общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации; сохранение и развитие этнокультурного многообразия; гармонизация межнациональных отношений; обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств, и, конечно, особое звучание, с учетом соответствующего поручения Президента и наделения нашего ведомства новыми полномочиями, приобретает деятельность по выстраиванию системы успешной социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов.

Эффективность управленческих решений, принятых в рамках реализации Стратегии, подтверждают данные многочисленных социологических исследований последнего времени, фиксирующих значительное снижение в стране уровня социальной напряженности на этнической почве. Но мы прекрасно понимаем, что достигнутое согласие это не константа, поэтому продолжаем постоянный межнациональный и межрелигиозный диалог, совершенствование механизмов реализации Стратегии.

Главное, чему учит нас многовековой исторический опыт, – единство многонационального народа не может быть достигнуто искусственно, по указанию и принуждению. Единство возникает и укрепляется только в процессе нашего совместного деятельного служения общим духовным ценностям, интересам нашей страны, основы которых заложены в Стратегии.

Именно во исполнение пункта 26 этого документа нами была разработана государственная программа, принятие и начало реализации которой в 2017 году стало самым значительным событием не только для Агентства, но и для всего нашего общества.

Подчеркну, что это первая и по сути уникальная государственная программа, во-первых, принимая во внимание специфику регулируемой сферы, в основе которой лежат очень тонкие и чувствительные взаимоотношения людей разных национальностей и вероисповеданий; а во-вторых, учитывая ее консолидирующую роль: именно в этом документе

нами впервые была успешно реализована попытка объединить до сих пор разрозненные мероприятия федеральных министерств и ведомств, направленных на реализацию целей и задач Стратегии государственной национальной политики.

Мы понимаем, что любая проблема в нашей сфере носит комплексный и многоплановый характер. Не надо пренебрегать межведомственным взаимодействием при реализации национальной политики и на региональном, и на муниципальном уровнях, так как это дает возможность направлять на решение задач национальной политики дополнительное финансирование, выделяемое на мероприятия сферы образования, культуры, спорта и других.

Для поддержки регионов ФАДН России ежегодно распределяет субсидии на гармонизацию межнациональных отношений. В 2017 году 339 млн рублей были доведены 61 субъекту, в 2018 году общая сумма станет еще меньше с учетом секвестирования бюджета. Это, безусловно, небольшие деньги, но и они должны быть использованы с максимальным результатом. Поэтому необходимо обратить внимание на региональные программы, их приведение в соответствие с государственной.

Мы постоянно транслируем регионам необходимость их активного включения в общегосударственную межнациональную повестку. Праздники – День России, День российского флага, День русского языка, День народного единства и другие – не должны быть в тени региональных и замыкаться внутри одной национальности. Сегодня наша общая задача – формировать общегосударственные ценности, идеалы, способствующие укреплению общероссийской гражданской идентичности, безусловно, не оставляя без внимания заботу о сохранении того уникального этнокультурного многообразия, которым богата наша страна. И форматы, подходы к решению тех или иных задач, должны отвечать запросам времени и целевой аудитории, на которую они рассчитаны. Иначе мы обречены проводить мероприятия исключительно для отчета.

Другая проблема, тесно связанная с заикливанием на региональной повестке, – это преобладание увеселительных и развлекательных мероприятий без должной идеологиче-

ской, содержательной составляющей, со всеми вытекающими последствиями. Фестивали и праздники составляют 80% от всех мероприятий в составе региональных программ. С нашей точки зрения, данный дисбаланс необходимо устранить. Должен сказать, что есть региональные программы, где в основе мероприятий по гармонизации межнациональных отношений лежат события, которые никак не способствуют укреплению мира и согласия между народами России. А между тем каждый регион – это одна из частиц, из которых складывается единая картина страны. Не всегда региональная политика в полной мере работает на решение задач, обозначенных в Стратегии, а значит, эти вопросы нуждаются в корректировке и поэтому именно деятельность по повышению эффективности реализации государственной национальной политики на местах сейчас приковывает все наше внимание.

Два года назад нами была разработана и предложена субъектам система унификации органов власти, занимающихся регулированием межнациональных и межрелигиозных отношений. Сегодня в большинстве регионов этот процесс перешел в финальную стадию, и сейчас все усилия сосредоточены на завершении унификации на уровне муниципальных образований, которых в России насчитывается свыше 22 тысяч. Однако есть субъекты, до которых в силу разных причин достучаться, к сожалению, до настоящего момента не удается, хотя таких – единицы.

Нами была выявлена и существенная диспропорция в численности сотрудников, занятых в нашей сфере на региональном уровне. В Ставропольском крае с численностью населения порядка 3 млн человек, сложнейшей национальной и конфессиональной структурой, регулированием межнациональных отношений занимается 8 человек, в Республике Бурятия с населением около миллиона – 28, в Татарстане – 97, в относительно небольшой Мордовии – 36, а в соседней Чувашии – 5. В Тверской области указанной тематикой по факту занимается один сотрудник, похожая ситуация в Липецкой и Ивановской областях. Примеры, которые указывают на необходимость завершения процесса унификации исполнительной вертикали власти в соответствии с нашими рекоменда-

ями, можно продолжить, хотя дело, безусловно, не только и не столько в количестве сотрудников, сколько в эффективности их работы.

Национальная политика требует четкого, взвешенного и системного подхода, глубокого понимания сути межнациональных противоречий, гибкости и способности принимать быстрые и ответственные решения, даже больше, чем любая другая сфера деятельности, потому что цена ошибки слишком велика. Мы хорошо знаем, как быстро банальный бытовой конфликт без своевременных квалифицированных действий способен приобретать межнациональный акцент и разрастись до федерального уровня. Поэтому мы поставили перед собой задачу выстраивания более совершенного механизма повышения профессионального уровня сотрудников, задействованных в нашей сфере. И если в этом году обучение по программам повышения квалификации прошло немногим более 200 человек, то в следующем – воспользоваться специальной образовательной программой смогут уже около трех тысяч служащих.

Очень кратко остановлюсь еще на одном важнейшем направлении реализации Стратегии – профилактике экстремизма.

Экстремизм, как и терроризм, прикрывающийся религиозной риторикой, очень помолодел. Террористами-смертниками становятся молодые люди от 16 лет. Как показывает практика, сегодня уже ни материальный достаток, ни уровень светского образования, ни даже социальное положение не являются определяющими факторами и не влияют на степень восприимчивости к радикальным идеям. Современные социальные и психологические технологии позволяют создавать все новые и новые методики манипуляции сознанием человека. Поэтому, чтобы победить болезнь радикализации, надо бороться не только с ее симптомами, но и укреплять духовно-нравственный иммунитет общества, уделяя особое внимание выстраиванию системы религиозного образования и массового просвещения. Системная профилактика распространения экстремистских идей среди молодежи возможна только через образовательный и воспитательный процессы

начиная с раннего детского возраста, когда закладываются основы личности ребенка. Иначе мы окажемся просто не конкурентоспособны в условиях агрессивной пропаганды со стороны экстремистских организаций. Совсем недавно мы во второй раз провели совместно со всеми регионами нашей страны по-настоящему беспрецедентную акцию, приуроченную ко Дню народного единства – Большой этнографический диктант. В этом году к нам присоединилось 15 зарубежных стран, и он стал по-настоящему международным. По предварительным подсчетам, только в онлайн-формате диктант написали более 200 тысяч человек, еще 167 тысяч написали очно. В этом году был целый ряд удивительных и даже уникальных площадок – диктант писали моряки ледокола «Владивосток», ребята из можайской колонии, кадеты Кубани, участники форума «Сообщество», 3 тысячи сотрудников одной из компаний Екатеринбурга, космонавты на МКС. По итогам акции вышло 14 тысяч публикаций в СМИ. Но было и то, что нас действительно разочаровало, хотя и не стало неожиданностью, – это результаты. Самые скромные знания показали молодые люди в возрасте от 15 до 30 лет. Поэтому в 2018 году совместно с Минобрнауки России, мы продолжим не только большую просветительскую работу, но и деятельность по включению этнокультурного содержания в образовательный процесс. Подчеркну, что в этноконфессиональном просвещении нуждаются все наши граждане. Хотя среди многих и даже весьма высокопоставленных региональных чиновников бытует мнение, что если в субъекте Федерации преобладает моноэтническое население, то национальной политикой можно не заниматься. Это не так. Жители как раз моноэтнических регионов, не имея навыков межкультурной коммуникации, представлений об этнокультурном многообразии страны, в большей степени, чем кто-либо другой, подвержены вовлечению в конфликты и другим деструктивным влияниям, являются легкой добычей для идеологов радикального ислама. Мы стараемся менять ситуацию путем вовлечения молодежи в межнациональную коммуникацию и одним из самых удачных форматов для этого являются молодежные лагеря, три из которых мы провели самостоятельно в этом году, а в сле-

дующем – к ним по договоренности с Ольгой Юрьевной Васильевой добавятся совместные с Минобрнауки России тематические смены. Завершая свое выступление, отмечу, что сегодня затронул только часть актуальных вопросов реализации Стратегии государственной национальной политики. Напомню, что в ее реализации задействовано почти два десятка министерств и ведомств. От нашей совместной деятельности зависят стабильность и благополучие многонационального и многоконфессионального народа России. Поэтому в ней не должно быть слабых мест. И мы приложим все усилия, чтобы наша работа была максимально полезной и эффективной как для отдельно взятого человека, так и для общества в целом.

Благодарю за внимание!

Сохранение и развитие
этнокультурного многообразия
народов России

Б.В. Аксюмов (*Ставрополь*)

Северо-Кавказский федеральный университет
aksbor@mail.ru

Дискурс о гражданской и цивилизационной идентичности в контексте «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года»

В Российской Федерации, государстве, состоящем из множества этнических и конфессиональных групп, каждая из которых обладает своей культурной спецификой, задача по формированию общей интегрирующей идентичности становится особенно сложной. Термин «россияне», активно продвигавшийся в общественное сознание с начала 1990-х гг., по большому счету так и не оправдал тех ожиданий, которые на него возлагались. Но не потому, что сам термин был выбран не совсем удачно, а потому, что конституирующая данное понятие коллективная идентичность оказалась недостаточно сильной для того, чтобы реализовать в социальной практике идеи единства российского народа (российской нации). Речь в данном случае идет о российской гражданской идентичности, в основе которой лежат символы новой российской государственности, чувство патриотизма и гражданское самосознание.

Как показывают социологические замеры последних лет, российская гражданская идентичность в целом сформирована. Так, по данным замеров 2011 г., проведенных коллективом Института социологии РАН, 95% опрошенных в стране идентифицировали себя как «граждане России», при этом 72% ощущают свою общность с гражданами России

© Аксюмов Б.В., 2017

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ №16-03-00038 «Технологии противодействия укреплению общероссийской идентичности как фактор рисков национальной безопасности».

«в значительной степени». Судя по результатам опросов, это «наиболее сильная, уверенная идентичность среди других наиболее значимых идентичностей»¹. Согласно исследованиям 2016 г., представление «мы – граждане России» стало не только разделяемым более $\frac{2}{3}$ населения, но и устойчивым. Оно воспринимается как русскими, так практически в равной степени и людьми других национальностей (74% и 68% соответственно)².

В то же время можно утверждать, что в ряде национальных республик Российской Федерации гражданская идентичность означает скорее лояльность к государству, которое рассматривается как патриархальное начало, нежели реальное чувство причастности к его ценностям и символам. Образующийся в таком случае аксиологический вакуум с успехом наполняет этноконфессиональная специфика. В этом смысле современный вариант российской гражданской идентичности недостаточен для «купирования» межэтнических и межконфессиональных противоречий, поскольку обеспечивает единство российской нации только на уровне гражданского самосознания, когда субъект, независимо от своей этноконфессиональной принадлежности, полагает, что быть гражданином России для него важно. Генеалогия подобных установок может быть самой различной – от искренней гордости за новое российское государство и его символы до разного рода прагматических интересов. Тем не менее подавляющее большинство российских исследователей именно гражданскую идентичность считают единственной возможностью консолидации нации, формирования духовной общности российского народа и общего культурно-аксиологического пространства, внутри которого этнокультурные различия утрачивают свой конфликтогенный потенциал.

Подобное представление о гражданской идентичности доминирует в важнейших стратегических документах, принятых в последние годы. Так, в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года ставка сделана на укрепление российского гражданского самосознания (гражданской идентичности) при одновременном сохранении и развитии этнокультурного многообразия наро-

дов России. По мнению авторов документа, в итоге это позволит гармонизировать межнациональные отношения. Эти же идеи заложены в федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России», утвержденной в августе 2013 г. В то же время в документе говорится о слабости общероссийского гражданского самосознания (общероссийской гражданской идентичности) «при все большей значимости этнической и религиозной самоидентификации». Данный тезис очень важен с точки зрения понимания связи между гражданской идентичностью и преодолением межэтнических и межконфессиональных противоречий в современной России. Проблема в том, что гражданская идентичность в силу своей формальности не способна стать реальной основой культурно-аксиологической общности российского народа и тем самым выступить фактором снижения этноконфессиональной конфликтности, фундированной на выраженных и намеренно демонстрируемых этнокультурных различиях.

В полиэтничном российском государстве культурные ценности, традиции и обычаи явно выпадают из смыслового объема понятия «гражданская идентичность», поскольку прочно входят в сферу охвата таких видов идентичности, как этническая и конфессиональная. В этом смысле гражданская и этноконфессиональная идентичности чаще всего выступают не как взаимодополняющие, а как конкурирующие между собой³. Альтернативность этнической (этноконфессиональной) идентичности по отношению к гражданской идентичности, более того, фактическое доминирование первой над второй лежат в основе конфликтов на этноконфессиональной почве, возникающих в различных регионах Российской Федерации, а также в центральных городах страны, принимающих на себя существенные потоки не только внешней, но и внутренней миграции.

Недостаточность гражданской идентичности как основы национального единства проявляется в межкультурных отношениях в российском обществе, когда представители различных культурных ареалов нередко ощущают взаимное отчуждение, а иногда и враждебность. В общественном

сознании по-прежнему доминируют, а зачастую усиливаются многочисленные стереотипные представления. Это ведет к разобщенности людей, которые, являясь гражданами одного государства, не понимают, в чем заключается их единство, не видят для себя общих целей и социокультурных ориентиров. В условиях межкультурной разобщенности, дисгармонии мировоззренческих принципов и ценностных приоритетов гражданская идентичность выступает в роли формального маркера принадлежности граждан к определенному государственному целому и не более того. Гражданское сообщество современной России, формируемое на основе гражданской идентификации, лишено глубинных интегрирующих связей, того цементирующего аксиологического начала, которое делает общество сплоченным, консолидированным, уменьшает вероятность возникновения конфликтов между гражданами на основе принципиальных ценностных противоречий, прежде всего касающихся сферы межнациональных отношений.

Этнокультурные различия в условиях доминирования этноконфессиональной идентичности приобретают существенное значение в процессе формирования отдельных людей и целых социальных групп. В результате этнокультурные различия и их культивирование становятся первостепенной ценностью, и уже с самого раннего возраста в человека закладывается представление о его этнокультурной исключительности. Ценности гражданской идентичности позднее накладываются на уже сформированный этноконфессиональный культурно-аксиологический фундамент и не способны составить им реальную конкуренцию в ментальном мире субъекта. По этой причине факт общего согражданства никоим образом не компенсирует дезинтегрирующую по самой своей сущности силу этнокультурных различий, которые в условиях тесного контакта между различными социокультурными нормами и моделями поведения приобретают выраженный конфликтогенный характер.

Ситуация в России чем-то напоминает ситуацию в ряде стран Западной Европы, в которых также наблюдаются серьезные проблемы в области межнациональных отношений и где не могут найти устойчивый баланс между необходи-

мостью интеграции, формирования светского общества с доминированием ценностей секулярной культуры, с одной стороны, и свободой в проявлении этнокультурной и этноконфессиональной специфики – с другой. Несмотря на определенное сходство, ситуация в России принципиально иная, чем в Европе: большая часть российских мусульман являются представителями народов, имеющих на территории России этническую родину. Они не являются мигрантами или их потомками. Российское социокультурное пространство уже изначально формировалось как пространство аутентичное. В данном случае это означает, что наслаивавшиеся на русское этнокультурное ядро иные этнокультурные элементы воспринимались не как нечто внешнее и чуждое, а как в потенциале своем интегративная часть имеющегося социокультурного и цивилизационного целого. Всегда сохранялось этнокультурное разнообразие, однако оно никогда в российской истории не имело абсолютного характера, по сути исключающего возможность интеграции. Благодаря мягкой и разумной политике российского государства, этнокультурные различия интегрировались в общероссийский цивилизационный фундамент, конституируемый прежде всего содержанием русской культуры (в широком смысле).

Благодаря наличию такой интегрирующей платформы этнокультурные различия, хотя и оставались во всей своей полноте, тем не менее, не выступали фактором дезинтеграции, возникновения конфликтов на этнической и конфессиональной основе. Современная Российская Федерация как правопреемница богатейшего наследия тысячелетней российской истории призвана продолжить традицию гармоничного сосуществования различных этносов, религий, культурных принципов и норм. У России в этом смысле гораздо лучшие стартовые позиции, чем у Европы или Соединенных Штатов Америки, которые, по сути, не имеют других реальных возможностей решения проблемы гармонизации этнокультурных различий, кроме проведения политики мультикультурализма. При всем многообразии определений данного понятия наиболее операциональным и соответствующим реальным социальным практикам является понимание мультикультуль-

турализма как макрокультурной модели, предполагающей сосуществование этнокультурных различий в общем (но не едином) социокультурном пространстве с практически нулевыми перспективами интеграции. Неудивительно, что заявления лидеров некоторых европейских стран о провале политики мультикультурализма не сопровождаются (по крайней мере, пока) какими-либо альтернативными мерами в сфере организации поликультурного пространства возглавляемых ими государств.

В современной России перспективы интеграции и эффективной гармонизации этнокультурных различий на базе общероссийской культурно-цивилизационной платформы с русской культурной доминантой гораздо весомее и имеют гораздо более существенный и позитивный исторический бэкграунд. Следует признать, что формировавшаяся столетиями общность народов России испытывает сегодня серьезный кризис, связанный с макросоциальными потрясениями прошлого столетия и постсоветскими трендами, ориентированными на этнокультурное и религиозное возрождение. В то же время традиции бесконфликтного сосуществования, позитивный опыт бытия в единой стране, в одной и той же цивилизации никуда не делись, просто они оказались временно заблокированы и оттеснены на периферию социальной эволюции постсоветского российского государства. Преодолеть этот кризис путем формирования и укрепления общероссийской гражданской идентичности вряд ли возможно. Успешное формирование этого вида идентичности можно рассматривать только как первый шаг на пути к интеграции, ренессансу на время утраченной гармонии в этнокультурном многообразии российского социума. Вторым и самым решительным шагом в этом направлении должно стать формирование цивилизационной идентичности новой России, той идентичности, на основе которой возможно будет воссоздать единое социокультурное пространство всех народов Российской Федерации.

Интерес со стороны научного сообщества к цивилизационной идентичности как новой возможности обеспечения национального единства России актуализировался после

предвыборной статьи В.В. Путина «Россия: национальный вопрос». По словам автора, «цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности». Формирование цивилизационной идентичности должно опираться на некий сохранившийся на протяжении столетий культурный код⁴. Затем тема поиска цивилизационной идентичности получила продолжение в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. В ней также используется понятие культурного (цивилизационного) кода как основы формирования общенациональной идентичности. В то же время само слово «цивилизация» в тексте Стратегии не упоминается ни разу.

В научном социогуманитарном дискурсе тема российской цивилизационной идентичности рассматривается прежде всего в контексте кризиса макроидентичностей и необходимости формирования макроидентичности в современном российском социуме. Так, И. Кондаков отмечает, что в условиях размывания евроидентичности проблематика российской цивилизационной идентичности является в известной мере эталонной и «первопроходческой»⁵. Предпринимаются попытки дать определение понятию «цивилизационная идентичность». По словам З. Жаде, «это такой уровень идентификации, выше которого может быть только идентификация планетарного масштаба»⁶. Цивилизационная идентичность новой России должна фундаментироваться на надэтнических и надконфессиональных основах. Как отмечает М. Мчедлова, «параметры российской цивилизации позволяют акцентировать необходимость надэтнических и надрелигиозных, а именно цивилизационных идентификационных проектов, способных цементировать социальное пространство»⁷. При этом А. Верховский и Э. Паин указывают на использование политической элитой тематики цивилизационной идентичности «для консолидации общества на основе представлений об общей историко-культурной сущности, а также для противопоставления своей особой, уникальной общности “чужим”»⁸. Отме-

тим, что в подобной практике нет ничего плохого, поскольку в построении любой сложной идентичности выраженный элемент конструирования неизбежно присутствует. В то же время очевидно, что без наличия объективной основы, а именно солидного культурно-исторического бэкграунда, все усилия по формированию макроидентичности, подобной цивилизационной идентичности, обречены на провал.

В парадигме цивилизационной идентичности новое российское государство представляет собой исторически обусловленную модификацию культурно-цивилизационной традиции, развивающейся уже более тысячи лет. В опоре на трансисторические цивилизационные принципы, символизирующие непрерывность развития, целокупность тысячелетнего существования России в мировой истории должно осуществляться формирование не только цивилизационной, но и гражданской идентичности новой России. Слабость гражданской идентичности во многом обусловлена несформированностью цивилизационной идентичности, утратой глубинной связи с цивилизационным кодом России и ее культурно-историческим наследием. Полноценная гражданская идентичность, конституирующая такие важнейшие параметры жизни человека, как ценности, смыслы, принципы, культурные нормы, возможна только на основе цивилизационной идентичности. Поскольку эта последняя находится в настоящий момент лишь в стадии зарождения, рефлексирясь в качестве абстрактного «цивилизационного кода», граждане России часто не чувствуют своей общности, у них по существу отсутствуют общие социокультурные ценности и ориентиры, что приводит в том числе к межнациональным и межконфессиональным конфликтам.

Модель цивилизационной идентичности современной России не может и не должна быть линейной и однонаправленной. С одной стороны, она должна конструироваться в опоре на прошлое. В этом смысле конкретным материалом для формирования цивилизационной идентичности должны выступать лучшие образцы и символы богатейшего культурно-исторического наследия России, ее славная многовековая история. С другой стороны, сегодня дискурс должен

вестись не о русской (российской) цивилизации вообще, а именно о современной российской цивилизации, формирующейся в сложных геополитических и социокультурных реалиях XXI века.

Примечания

¹ *Дробижева Л.М.* Российская идентичность и тенденции в межэтнических установках за 20 лет // Россия реформирующаяся. 2011. № 10. С. 74.

² *Горшков М.К.* О гармонизации межэтнических отношений в пореформенной России: контекстуальный подход // Гуманитарий Юга России. 2017. № 2 (6). С. 22.

³ *Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В.* Портфель идентичностей молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 20.

⁴ *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос. Сайт Председателя Правительства Российской Федерации В.В. Путина. [Электронный ресурс] URL: <http://premier.gov.ru/events/news/17831/> (дата обращения: 30.01.2012).

⁵ *Кондаков И.В.* Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 283.

⁶ *Жаде З.А.* Российская цивилизационная идентичность в меняющемся мире // Власть. 2014. № 4. С. 57.

⁷ *Мчедлова М.М.* Национальный вопрос сегодня: ракурсы осмысления // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 1 [107]. С. 103.

⁸ *Верховский А.М., Паин Э.А.* Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути» // Политическая концептология: Журнал мецдисциплинарных исследований. 2013. № 4. С. 24.

Ф.С. Арония (*Москва*)

факультет политологии МГУ им. М.В. Ломоносова
feria.aronia@gmail.com

Проблемы регулирования межэтнических конфликтов в современной России

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью изучения практик снижения напряженности в межэтнических и межконфессиональных отношениях, которая ведет к разделению общества и создает угрозу государственному единству многонациональной России.

Вопрос поддержания межнационального мира и согласия является одним из приоритетных в деятельности государственной власти Российской Федерации. 19 декабря 2012 г. утверждена Стратегия Государственной национальной политики РФ на период до 2025 года (№ 1666); в том же году создан Совет по межнациональным отношениям при Президенте России. Внесены поправки в Федеральный закон Российской Федерации от 22 октября 2013 г. (№ 284-ФЗ), в соответствии с которым реализация предпринимаемых мер возложена не только на Правительство, но и на органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений. Также Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2015 г. № 168 образовано Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН), а Постановлением Правительства от 28 октября 2017 г. № 1312 утверждена Государственная Система мониторинга межнациональных и межконфессиональных отношений.

Кроме того, насущность данного вопроса вызвана масштабной трудовой миграцией в Россию из СНГ и некоторых стран дальнего зарубежья. В этой связи особое значение обретает проблема интеграции мигрантов, приоритетность которой подчеркивается в основополагающем документе – Концепции Государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года¹. Помимо этого, ФАДН России при участии заинтересованных федеральных органов исполнительной власти, научных и экспертных организаций подготовило и внесло в Правительство РФ проект федерального закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»².

В условиях сложной динамики межнациональных отношений в Москве актуализирована потребность исследования источников системных и ситуационных причин, ведущих к росту межэтнического противостояния.

Изучив различные подходы и позиции исследователей, можно сделать вывод о том, что межэтнические конфликты – это один из видов социальных конфликтов, субъектами которого являются группы, образованные по принципу этнической принадлежности. Эти конфликты возникают на основе общественных противоречий, при этом жесткой зависимости между ними не существует. Межэтнический конфликт без наличия под собой объективного противоречия невозможен, но при этом наличие противоречия не обязательно ведет к появлению конфликта. Межэтнические конфликты характеризуются осознанным и выраженным взаимным отрицанием интересов и ценностей различных этнических групп³.

Этнический конфликт – явление не только распространенное, но и многоликое, отличающееся большим разнообразием форм. Каждая конфликтная ситуация уникальна по источникам возникновения, формам взаимодействия сторон и последствиям. Вместе с тем научный анализ конфликтов предполагает их классификацию по типам на основании сходства существенных признаков⁴.

Определение типа конфликта является одним из первых и исключительно значимых шагов его анализа. Основная цель разработки любой конфликтологической типологии – поиск наиболее эффективных способов разрешения и урегулирования противостояния.

Существует множество классификаций конфликтов, но представить единую универсальную типологию, которая носила бы исчерпывающий характер, мы не можем. Здесь важен синтез различных типологий, которые дополняются и совершенствуются с учетом происходящих событий и тенденций развития межэтнических процессов. Это позволяет объективно реагировать на межэтнический конфликт при поиске методов воздействия.

Государственное регулирование в сфере межэтнического взаимодействия должно ориентироваться в первую очередь на предупреждение конфликтов, на диагностику их латентных форм. В этой связи мониторинг этносоциальной и этнополитической ситуации в Москве, координация работы всех ветвей власти по данным вопросам, сотрудничество госаппарата с общественными национальными организациями имеют большое значение. Ряд действий, предпринимаемых национальными организациями как посредниками, содействуют формированию интеграционных установок у мигрантов. Среди них – разъяснение иностранным работникам требований российского миграционного законодательства; содействие в оформлении разрешительных документов и легализации правового статуса; помощь в освоении русского языка; использование ресурсов социальных сетей диаспор для решения вопросов пребывания и трудоустройства мигрантов; взаимодействие с лидерами групп мигрантов, обеспечивающих контроль над их пребыванием и деятельностью; неформальное покровительство и защита мигрантов.

Одновременно диаспорой могут предприниматься действия, напрямую способствующие формированию анти-интеграционных установок у мигрантов в их взаимодействии с принимающим обществом. Существуют определенные социальные, экономические и национально-культурные факторы, влияющие на противоречивое поведение мигрантов. Эти причины лежат

как в плоскости национально-культурных противоречий, так и социально-бытовой неустроенности и неблагополучия⁵.

Становится очевидным, что помимо формирования механизмов социальной адаптации мигрантов в России на местном уровне необходимо межгосударственное взаимодействие с целью повышения юридической грамотности иностранных граждан, въезжающих на территорию России, преимущественно в Москву, предупреждение их о возможных рисках.

Особенно стоит отметить важную роль средств массовой информации в формировании политических и духовно-нравственных ценностей современного общества. При этом СМИ могут оказывать как положительное влияние, так и являться катализатором этнополитической напряженности⁶. Государственные и негосударственные информационные источники обязаны освещать ситуацию объективно и являться фактором, стабилизирующим межнациональные отношения в обществе, а не разрушающим многонациональный общественный организм.

Положительные практики в национальной политике могут стать серьезным консолидирующим фактором, если в ней будут учитываться и отражаться этническое многообразие народов России, богатство их культур, обычаев и традиций, как общее достояние единой российской нации, укрепляющее российскую государственность. Национальная политика должна учитывать динамику процессов, способствовать преодолению противоречий в межнациональных отношениях, определять пути и средства достижения межнационального согласия и сотрудничества. Национальная политика может стать серьезным консолидирующим фактором, если она в полной мере будет отражать многообразные интересы народов, проживающих на территории Российского государства.

Примечания

---

¹ Президент утвердил Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15635>

² URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=home#doc/PRJ/163189/4294967295/0>

³ *Ямсков А.Н.* Этнический конфликт: проблемы дефиниции и типологии // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред. М.Б. Олкотт, В.А. Тишкова, А.М. Малашенко. М., 1997.

⁴ *Аклаев А.Р.* Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент: Учеб. пособие. М., 2008. С. 104.

⁵ Модели интеграции мигрантов в современной России. [Электронный ресурс] URL: <http://www.carim-east.eu/publications/>

⁶ *Дзялошинский И.М.* Журналист и информация. М., 1998. С. 43.

В.Ю. Зорин (Москва)

заместитель директора

Институт этнологии и антропологии РАН

v.y.zorin@mail.ru

«Стратегия государственной
национальной политики
Российской Федерации на период до 2025 года»:
промежуточные итоги и новые акценты

Исполнилось пять лет с момента выхода Указа Президента РФ В.В. Путина, которым он утвердил «Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Сегодня есть прямая мотивация и все основания уточнить изменения, которые произошли, подвести промежуточные итоги реализации доктринального документа, уточнить цели и приоритетные направления работы, понять перспективы общественных процессов в этнополитике государства.

Прежде всего, следует напомнить, что «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (далее – Стратегия) в виде проекта прошла серьезную общественную экспертизу. Было организовано широкое обсуждение проекта Стратегии с участием депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации ФС РФ, всех субъектов Российской Федерации, Общественной палаты РФ, Русской православной церкви, духовных управлений мусульман, буддистов, иудеев, общественных объединений, научных организаций. Проект был направлен во все субъекты РФ, где он обсуждался экспертами, активистами и лидерами этнических групп, общин, диаспор. В проект было внесено 3500 поправок и корректировок

с учетом всех высказанных мнений. Ни один документ, ни одна концепция, принятая в стране в последние годы, не проходила такой массовой экспертизы¹. Поэтому «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» в полной мере является документом общественного согласия, компромиссным документом, что крайне важно для России как многосоставной федерации.

В качестве значимых итогов реализации этого важнейшего доктринального политического документа можно выделить следующие:

- государство вернулось в сферу межнациональных отношений, продекларировало современное понимание национального вопроса в контексте общегражданского дискурса²;
- складывается система органов власти и управления в данной сфере при формировании широкой системы общественно-консультативных органов (советов, комиссий);
- удалось сформулировать достоверные цели и приоритеты государственной национальной политики на федеральном уровне, которые получили поддержку в обществе³;
- достигнуто новое качество национально-культурного самоопределения при разнообразии форм этнокультурной самоорганизации граждан;
- расширились сферы социально ответственного функционирования национально-культурных объединений и автономий в профилактике национализма, радикальных и экстремистских настроений, в адаптации мигрантов и содействии соотечественникам за рубежом.

Стратегия позволила актуализировать этнокультурный суверенитет страны и отечественные традиционные подходы к сохранению культурного многообразия. Притом что мы не отказываемся от таких европейских программ, как толерантность, мультикультурализм, политкорректность, от защиты интересов коренных малочисленных народов и национальных меньшинств, от защиты региональных языков⁴. Однако российская практика и более чем 1150-летний опыт совместного проживания разных народов шире, глубже и фундаментальнее европейского опыта⁵. Это обусловлено бóльшим

этнокультурным и этноконфессиональным разнообразием российского общества, чем разнообразие европейских сообществ. Например, в Европе на одну страну в среднем приходится 9–10 языков, тогда как в РФ – 277 языков, наречий и диалектов, причем 89 из них используются в качестве языков обучения (30) и изучения (59).

Сегодня национальная политика реализуется в новых условиях, которые обусловлены как внутренними, так и внешними факторами. Так, широкий патриотический подъем изменил общественную атмосферу. Оппоненты России в стране и за рубежом предрекали, что геополитическое давление, санкции, экономические и финансовые проблемы создадут межнациональную напряженность. Однако россияне, как всегда, на риски и угрозы ответили ростом сплоченности. По данным социологов, межнациональные проблемы ушли сегодня из числа основных озабоченностей нашего общества. Многие отечественные и зарубежные эксперты отмечают, что идет явное улучшение межнациональных и межконфессиональных отношений. Это характерно практически для всех субъектов Российской Федерации не как разовое явление, а как долговременный тренд. Самые свежие исследования свидетельствуют, что данная тенденция стала константой даже в тех регионах, где проходили в прошлом этнические и этнополитические конфликты⁶.

Можно с уверенностью сказать, что проект единства российской гражданской нации выдержал очередные испытания⁷. Это является важным фактором преодоления ксенофобии, экстремистских и радикальных настроений, национализма и религиозной нетерпимости. Последние события в Сирии, безрезультатные попытки «раскачать» наше общество посредством преодоллимпийских провокаций, безуспешность новых санкций доказали верность наших людей идеалам единства, справедливости и патриотизма.

Учитывая содержание современных политических и этнополитических процессов в государственном и мировом масштабе, отметим, что перед российскими школами политологии, как и перед всей отечественной гуманитарной наукой в целом стоит задача формирования собственных националь-

ных подходов к тектоническим геополитическим процессам современности. «Речь идет не только о консолидации сил, но и о том, чтобы, не игнорируя и не отвергая достижений западной политологии, последовательно продолжать нарабатывать собственные подходы к актуальным вопросам мировой политики с позиций российских цивилизационных ценностей и традиций отечественной политической мысли»⁸.

Этот вывод в полной мере относится и к такой ее отрасли как этнополитология, которая неуклонно развивается в стране, формируется в самостоятельное и востребованное направление политологического знания⁹. За этот небольшой с точки зрения истории период многое изменилось как в жизни, так и в науке. Накоплено новое гуманитарное знание о прошлом и настоящем нашей страны, получили научное осмысление общественно-политические процессы российского общества в постсоветский период. Политология, этнополитология сегодня как никогда востребованы обществом, значительно расширена область их практического применения, особенно мониторинговая и прогностическая функция.

Соответствующие целые научные школы сложились сегодня в Российской академии наук (Институт этнологии и антропологии РАН, Институт социологии РАН), Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Здесь, например, только на кафедре национальных и федеративных отношений за 25 лет выпущено 120 кандидатов наук, десятки докторов наук, сотни дипломированных специалистов. Факультет политологии МГУ в рамках научного и учебного направления только в 2016/2017 учебном году обучил более ста студентов, а на факультете государственного управления реализуется направление подготовки «Государственное и муниципальное управление» и магистерская программа «Управление в сфере межнациональных и государственно-конфессиональных отношений»¹⁰. Уже второй год при Поволжском государственном технологическом университете (факультет управления и права) работает магистерская программа «Национальная политика РФ и управление этноконфессиональными отношениями». С 2014 г. в Санкт-

Петербургском государственном университете открыта кафедра этнополитологии, Министерство образования и науки РФ утвердило Государственный образовательный стандарт подготовки специалистов в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений

По поручению Президента РФ в Российской академии наук при ее Президиуме создан *Научный совет РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений*. Научные, экспертные советы создаются сегодня при различных общественных организациях, при органах законодательной и исполнительной власти. Экспертное сопровождение политики государства в сфере межнациональных отношений выходит сегодня на новый качественный уровень, прежде всего, в отношении сохранения этнокультурной самобытности этнических сообществ и упрочения российской гражданской идентичности¹¹.

Одним из основных принципов государственной национальной политики Российской Федерации является обеспечение гарантий прав коренных малочисленных народов (малочисленных этнических общностей), включая поддержку их экономического, социального и культурного развития, защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни. Среди важнейших задач подчеркивается создание условий для участия коренных малочисленных народов в решении вопросов, затрагивающих их права и интересы. Следует напомнить еще одну новеллу из этого доктринального документа, где говорится о повышении уровня адаптированности традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов к современным экономическим условиям с учетом обеспечения защиты их исконной среды обитания и традиционного образа жизни. Немало сделано в отношении коренных народов Севера, в то же время цели, поставленные Стратегий в этом направлении, реализованы не полностью и требуют своего уточнения и расширения спектра действий с учетом того, что малочисленные народы проживают и в других регионах, в частности, на Северном Кавказе¹².

На современном этапе стоит сложная задача – закрепить положительный результат в условиях новых вызовов и рисков,

с которыми наша страна столкнулась в последнее время. Это, в первую очередь, социально-экономический кризис как явление, к сожалению, не одного лишь нынешнего года. В условиях определенного социального напряжения очень важно, чтобы определенные силы не осуществили усилий по этнизации социальных противоречий и социальных конфликтов, попытки чего уже просматриваются. С одной стороны, ни в коем случае нельзя замалчивать межнациональную напряженность и весь негатив межэтнических отношений списывать на бытовые причины. С другой стороны, не менее опасно переводить социально-экономические проблемы исключительно в этническую или этнополитическую плоскость.

Российские эксперты едины во мнении, что идет явное улучшение межнациональных и межконфессиональных отношений и межэтническое согласие упрочилось¹³. Однако академик РАН В.А. Тишков считает, что «расслабляться не стоит. Остаются возможными случаи спонтанного недовольства и массового выхода за правовое поле», при этом современные дискуссии базируются на долговременных противоречиях по проблеме российской нации¹⁴. Член Общественной Палаты РФ И.Е. Дискин предупреждает о том, что «попытки атаковать концепт гражданской нации продолжаются, и их нельзя недооценивать».

Мы наблюдали эти попытки в ходе дискуссии о так называемом «Законе о российской нации». Причины этого, прежде всего, в слабом информационном обеспечении реализации Указа Президента РФ, утвердившего «Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», и всего пакета соответствующих доктринальных документов. Несмотря на развернутую работу по реализации Стратегии в обществе и на очевидные результаты, в экспертном сообществе, в СМИ отмечается скепсис, недоверие и даже жесткая критика как самой стратегии государственной национальной политики, так и техник и технологий ее реализации. На обыденном уровне слышатся такие категоричные замечания, что «национальной политики нет» или что «национальная политика ангажирована и работает на интересы отдельных народов, этнических групп или субъектов РФ».

Самым сложным вопросом в сфере реализации национальной политики является противодействие экстремизму. Вопросы профилактики и противодействия экстремизму, проблема снижения негативизма межгрупповых отношений, задача формирования установок толерантного поведения являются постоянным предметом анализа и обсуждения координационных структур органов государственной власти всех регионов.

Можно отметить за последние годы тенденцию снижения активности националистических, экстремистских организаций. Некоторые организации, не находя поддержки у населения, прекратили свое существование. Но деятельность отдельных представителей этих организаций переместилась в виртуальные социальные сети, в блогосферу, в интернет-пространство. В завуалированных формах групповой активности проявления националистически мотивированной деятельности все же имеют место.

Особая зона риска – современная молодежь, главный объект идеологической обработки и нападков со стороны экстремистов, радикалов, прежде всего ИГИЛ (запрещенной в России террористической организации)¹⁵. Нужна серьезная работа по противодействию экстремистским и радикальным взглядам среди школьников и студентов; может быть, целесообразно увеличить в учебных планах присутствие дисциплин, которые посвящены упрочению национальной безопасности, профилактике терроризма (террология), что особенно актуально в некоторых регионах РФ¹⁶.

Также важно в условиях сильнейшего внешнего давления повышать культуру межнационального общения, а этому мешает «этнокультурный дальтонизм», узкий этнокультурный кругозор молодежи. Наши студенты лучше знают культуру зарубежных стран, чем культуру своих соседей по региону или округу, хотя демонстрируют интерес к этническим и конфессиональным аспектам общественных и межличностных отношений. Следовательно, надо очень серьезно заниматься этнологическим всеобучем, чтобы граждане РФ ясно представляли, в какой стране, с каким этническим окружением они живут, каковы интересы соседних народов, каковы

их традиции и обряды. В 2017 г. в стране второй раз проведен «Большой этнологический диктант» на знание культур и народов нашей страны. Для написания диктанта было открыто 2600 площадок по всей стране и за рубежом, а в 2016 г. их было всего около 800. На этих площадках свои знания о традициях, культуре, истории народов России проверили 167 тысяч человек – в 5 раз больше в сравнении с прошлым годом, в организации электронных площадок диктант в режиме онлайн написали более 200 тысяч участников¹⁷. К сожалению, в целом по стране участники в среднем получили всего 3,3 балла. Данное начинание нужно поддержать и сделать проведение диктанта во всероссийском масштабе ежегодным и традиционным.

Одним из недостатков в реализации современной этнополитики, как отмечается в Стратегии, является отсутствие межведомственной координации. Следует отметить, что в определенной степени эта задача начинает решаться в президентской вертикали власти и управления, как в Администрации Президента РФ, так и в системе консультативных органов (Совет при Президенте РФ по межнациональным отношениям, аппараты полномочных представителей Президента РФ и общественные советы в федеральных округах РФ).

Однако на уровне Правительства РФ и исполнительной власти эта задача в полной мере не реализована. Создание в 2013 г. Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН) оказалось половинчатым решением, как мы и предполагали, так как по своему статусу ФАДН не обладает правом координации управленческих действий. Созданная же Межведомственная рабочая группа по реализации государственной национальной политики при заместителе Председателя Правительства РФ не собиралась уже два года.

Подводя промежуточные итоги реализации Стратегии, следует отметить, что в связи с новыми вызовами в этой работе появились новые акценты и новые подходы. В наиболее концентрированном виде они содержатся в Перечне поручений Президента РФ по итогам заседаний Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям в Астрахани (2016 г.)¹⁸ и Йошкар-Оле (2017 г.)¹⁹.

В поручениях, прежде всего, речь идет о совершенствовании правовой базы этнополитики. Базовые законы были разработаны и приняты еще на рубеже 2000-х гг., в связи с чем требуется их обновление. Президент РФ в этой связи поручил:

- Президиуму Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям представить предложения о подготовке проекта нормативного правового акта, регулирующего отношения в сфере укрепления единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации);
- Правительству РФ разработать проект федерального закона, устанавливающего правовые, организационные и экономические основы социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграции в российское общество;
- Правительству Российской Федерации рассмотреть совместно с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации вопрос о нормативном закреплении процедуры этнологической экспертизы и представить соответствующие предложения; обеспечить доработку проектов нормативных правовых актов, нацеленных на совершенствование отнесения граждан к коренным малочисленным народам Российской Федерации.

Сейчас ведется активная работа по реализации этих поручений.

Намечен и осуществляется целый комплекс мер по повышению роли институтов гражданского общества в реализации государственной национальной политики. И это отвечает общему тренду российского общества. В Стратегии особо подчеркивается, что цели государственной национальной политики достигаются совместными действиями гражданского общества и государства на основе конституционных принципов демократии и федерализма, принципов единства, патриотизма и социальной справедливости, стабильного и суверенного развития России, уважения национального достоинства ее граждан и служат основой для решения долгосрочных задач государственного строительства, успешного развития страны в экономической и социально-культурной сферах.

По данным Министерства юстиции РФ, в стране насчитывается около двадцати одной тысячи зарегистрированных некоммерческих организаций, каждая третья из них в своих уставных целях имеет этнокультурное содержание. Практика показала, что национально-культурные объединения и некоммерческие организации являются активным сектором гражданского общества. При правильной постановке взаимоотношений с органами власти и управления они становятся реальными помощниками и партнерами в реализации целей и задач этнополитики государства.

За последние два года в законодательство Российской Федерации внесены изменения, предусматривающие дополнение перечня общественно полезных услуг, которые могут оказываться социально ориентированными некоммерческими организациями, направленными на осуществление межнационального (межэтнического) сотрудничества, социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов, на сохранение и защиту самобытности, культуры, языка и традиций народов России, развитие этнотуризма.

В 2017 г. реорганизована система президентской грантовой поддержки НКО. Во втором конкурсе президентских грантов победило рекордное количество межэтнических проектов. Итоги были опубликованы на официальном сайте Фонда президентских грантов 22 ноября. В категории «Укрепление межнационального и межрелигиозного согласия» – 101 победитель. В других категориях оказалось еще около 50 проектов, связанных с гражданской и этнической тематикой. Для сравнения – в первом конкурсе 2017 г. с межнациональной темой были связаны 40 выигравших заявок.

Среди победителей – молодежный проект межнационального согласия «Маяки Дружбы. Россия сближает» (почти 13,5 млн рублей), «Лица России. XXI век» (5,7 млн руб.), «Мы вместе!» (5,95 млн руб.), «Вместе мы – Россия» (6 млн руб.), проект по организации деятельности сети ресурсных центров в сфере национальных отношений (5,6 млн руб.), проект народного единства «Белые журавли России» (8,6 млн руб.), фестиваль русского гостеприимства «Самоварфест» (9,5 млн руб.) и другие.

Всего во втором конкурсе выиграли 2243 некоммерческие организации из всех 85 регионов страны. Из них 1881 организация (84%) расположена в регионах, еще 261 (12%) территориально находится в Москве, но реализует проекты общероссийского или межрегионального масштаба. Общая сумма грантов во втором конкурсе – 4,4 млрд рублей²⁰.

Последовательно повышается роль и надделение новыми полномочиями ФАДН. В 2017 г. на ФАДН возложены задачи по обеспечению адаптации и социальной интеграции мигрантов. Многие эксперты придерживаются мнения, что вероятны перспективы разрастания этого органа до уровня профильного министерства с функциями координации деятельности федеральных органов исполнительной власти в этнополитике²¹. Такая перспектива представляется не только оправданной, но и в высокой степени целесообразной.

Осуществляется перенос центра тяжести практической работы по реализации стратегии на уровень субъектов РФ и на уровень муниципальных образований. Здесь особая ответственность ложится на органы местного самоуправления – город, село, район. Ведь именно там принимаются практические решения, выделяются места для строительства культовых сооружений, образуются общественно-консультативные советы и дома национальных культур, формируются школьные классы с этнокультурным компонентом. Именно на местах зарождаются реальные противоречия, которые могут привести к конфликтам на межэтнической основе. Квалификация руководителей, работающих в этнокультурной сфере, тоже нуждается в повышении. В РФ около двадцати трех тысяч органов местного самоуправления, которые нуждаются в специалистах, обладающих хотя бы минимальными знаниями в этнокультурной политике, традициях и обычаях российских народов, этнических групп, диаспор, общин, что особенно важно для полиэтнических макрорегионов²².

В ряде округов и субъектов федерации уже развернули работу в этом направлении. Для закрепления этой тенденции Президентом РФ поручено разработать и утвердить методические рекомендации для органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправ-

ления по актуальным вопросам реализации государственной национальной политики, формированию в местном сообществе позитивных межнациональных и этноконфессиональных отношений, а также по выявлению и предупреждению межнациональных конфликтов. Также Президентом РФ рекомендовано органам исполнительной власти субъектов РФ обеспечить определение органами МСУ должностных лиц, ответственных за реализацию государственной национальной политики на территориях муниципальных образований и предусмотреть при проведении Всероссийского конкурса «Лучшая муниципальная практика» отдельную номинацию «Национальная политика», обеспечив внесение соответствующих изменений в нормативные правовые акты.

Важнейшим направлением реализации Стратегии является создание и внедрение в субъектах Российской Федерации государственной информационной системы «Система мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций». Сегодня к ней подключены большинство регионов страны, многие органы местного самоуправления. Экспертный научный и общественный мониторинг имеет свою богатую традициями историю. С 1993 г. в Институте этнологии и антропологии РАН существует Центр этнополитических исследований под руководством академика В.А. Тишкова, который ежегодно выпускает доклад «Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах».

Опыт мониторинга межэтнических отношений и религиозной ситуации, в частности в субъектах РФ нескольких федеральных округов – ЦФО, ЮФО, СКФО, ПФО – существенно пополнен в ходе реализации проектов Распределенного научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем Министерства образования и науки РФ, который возглавляет академик В.А. Тишков.

С 2013 г. сообщество региональных экспертов в указанных округах готовит аналитическое описание, мониторинг, экспертизу и независимую оценку состояния межэтнических отношений и этноконфессиональной ситуации. Исследуется

деятельность власти и общества по стабилизации межэтнических отношений и религиозной ситуации, по проведению миграционной и языковой политики, по профилактике межэтнической напряженности и конфликтов. В экспертных докладах выявляются успехи в реализации Стратегии, проблемы и конфликтные прецеденты в ходе управленческого процесса, фиксируются сохраняющиеся угрозы и риски в субъектах РФ, а также даются рекомендации по достижению межнационального согласия, упрочению единства российской гражданской нации.

В Южном научном центре РАН сложилась целая школа этноконфликтологии под руководством профессора В.А. Авксентьева, аналогичные центры имеются во многих научных учреждениях, вузах страны, этнокультурных НКО и правозащитных организациях.

На современном этапе внедряются новые подходы в финансировании реализации Стратегии. Так, начиная с 2017 г. разработана и внедрена Государственная программа РФ «Реализация государственной национальной политики» и поручено:

- обеспечить внесение в Государственную программу РФ «Реализация государственной национальной политики» изменений, предусматривающих предоставление на конкурсной основе начиная с 2018 г. субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ в рамках указанной Государственной программы, исходя из оценки эффективности реализации региональных программ по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России и с учетом региональных особенностей;
- разработать базовый (отраслевой) перечень государственных и муниципальных работ и услуг в сфере государственной национальной политики РФ для профильных государственных и муниципальных учреждений (дома дружбы народов, этнокультурные парки, этнографические деревни, образовательные и иные организации).

Прилагаются усилия по совершенствованию инфраструктуры этнополитики. В частности, предполагается создание дополнительного объекта многофункциональной

инфраструктуры («Дом народов России») для поддержки и стимулирования деятельности федеральных национально-культурных автономий и межнациональных общественных объединений, участвующих в реализации государственной национальной политики РФ.

Также предусматривается повышение профессионализма работников органов управления, отвечающих за реализацию государственной национальной политики. В этом направлении предусматривается утверждение профессионального стандарта специалиста в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, над проектом которого активно работают сейчас ученые и практические управленцы.

Закономерно, что Стратегия не может отвечать на все вопросы современного общества, предложить универсальный рецепт решения всех проблем для всех этнокультурных сообществ и регионов, но она представляет собой своеобразный гуманитарный стандарт. «Стратегия – не Библия и не Коран и требует актуализации». Об этом заместитель главы Администрации Президента РФ М. Магомедов заявил на конференции «Актуальные вопросы реализации “Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года”» 19 декабря 2017 г. М. Магомедов пояснил, что новый документ создаваться не будет – речь идет о правке некоторых существующих положений. Он добавил, что в целом Стратегия – современный документ с правильными целями и задачами²³.

В механизмах реализации Стратегии заложены возможности уточнения ее приоритетных направлений, что закономерно в новых геополитических условиях. Важно учитывать новые политические риски и вызовы, среди которых миграция, международный терроризм, радикальные экстремистские взгляды и действия, ставящие под угрозу безопасность граждан. Стратегия должна служить делу воспитания патриотизма, объединения представителей всех национальностей, сохранению этнокультурной специфики субъектов РФ, содействовать гармонизации межэтнических отношений.

Главная задача этнополитики на современном этапе – оптимальное соединение проекта многообразия страны и

этнокультурного развития отдельных общностей и регионов с проектом российской гражданской нации и обеспечением гражданского единства. Опираясь на многовековой опыт государственно-правового регулирования межнациональной политики в нашем Отечестве, мы решим эту двуединую задачу. Многонациональность и поликонфессиональность и далее будут одним из важнейших ресурсов государственного строительства, укрепления общественного согласия в России, повышения ее международного авторитета.

Примечания

¹ *Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А.* Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление духовной общности российской нации // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2014. Вып. 236. С. 16.

² *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос. «Самоопределение русского народа – это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром» // Независимая газета. 2012. 23 января; Национальный вопрос в российской общественно-политической жизни. Материал к слушаниям на тему «Национальный вопрос в общественно-политической жизни России» / Под ред. М.В. Романова, В.В. Степанова. М.: Общественная палата, 2013. 168 с.

³ *Тишков В.* Федеральная власть и законодательный ресурс этнокультурного развития // Вестник Российской нации. Избранные публикации 2008–2014 гг. С. 628–637.

⁴ Европа меньшинств. Меньшинства в Европе / Отв. ред. и сост. М.Е. Кавицкий, М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2016. 302 с.

⁵ Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / Отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с.

⁶ *Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хопёрская Л.Л.* Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2010. 264 с.

⁷ *Абдулатипов Р.* Обустройство Российской нации как национальная идея России в XXI в. // Вестник Российской нации. Избранные публикации 2008–2014. Спецвыпуск. С. 32–72.

⁸ *Якунин В.И.* Предисловие // Россия в современной архитектуре международной безопасности: вызовы и перспективы: Материалы науч. конф. Нижний Новгород, 28–30 сент. 2015 г. / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: МГУ, 2016. С. 5.

⁹ *Аствацатурова М.А.* Этноконфликтология и этнополитология: новые реакции на старые и новые запросы северокавказского регионального ландшафта // Этнические проблемы современности. Вып. 20. / Науч. ред. В.А. Авксентьев. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. С. 40–52.

¹⁰ [Электронный ресурс] URL: http://spa.msu.ru/page_247.html

¹¹ Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Российская полит. энцикл., 2013. 485 с.

¹² Состояние межнациональных отношений и религиозная ситуация в СКФО (первое полугодие 2016 г.) / Под общ. ред. В.В. Тишкова. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. 193 с.

¹³ *Дробижева Л.М.* Потенциал межэтнического согласия: осмысление понятия социальная практика в Москве // СОЦИС. 2015. № 11. С. 81–89.

¹⁴ *Тишков В.А.* Российская нация и ее критики // Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 576–577.

¹⁵ Угроза ИГИЛ: пути противодействия национально-религиозному экстремизму. Сборник информационно-аналитических материалов / Сост. А. Брод. М.: Московское бюро по правам человека, 2015. 160 с.

¹⁶ *Аксюмов Б.В.* Террористическое подполье на Северном Кавказе: идеологическая сущность // Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы / Под ред. Г.Г. Матишова, Н.И. Голубевой, В.А. Авксентьева. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2011. 328 с.

¹⁷ [Электронный ресурс] URL: http://www.spbnd.ru/news/cultural_news_spb/actual/10603/

¹⁸ Заседание Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям в Астрахани. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53173>

¹⁹ Заседание Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55109>

²⁰ [Электронный ресурс] URL: <http://nazaccent.ru/content/26001-rekordnoe-chislo-mezhnacionalnyh-proektov-poluchilo-prezidentskie.htm>

²¹ [Электронный ресурс] URL: <http://nazaccent.ru/content/26222-fadnu-oficialno-poruchili-adaptaciyu-migrantov.html>

²² Участие органов государственной власти, местного самоуправления и институтов гражданского общества в реализации государственной национальной, миграционной и языковой политики Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе. Экспертный доклад. Рец. Б.В. Аксюмов. М.; Пятигорск; Ставрополь: ПГУ, 2016. 126 с.

²³ [Электронный ресурс] URL: <https://www.kp.ru/daily/26771/3805354/>

С.В. Киселёв (*Петрозаводск*)

*Министерство национальной
и региональной политики Республики Карелия
nationalkom@karelia.ru*

О реализации «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» на территории Республики Карелия

Вопросы реализации государственной национальной политики сегодня являются одними из приоритетных в нашей стране. Этот процесс затрагивает сферы образования, культуры, молодежной политики, здравоохранения, социального обеспечения и многие другие. Наряду с органами государственной власти, органами местного самоуправления активными субъектами государственной национальной политики являются научное сообщество, некоммерческие организации.

Учитывая эти и другие факторы, Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин в декабре 2012 года утвердил «Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

Необходимо отметить, что Стратегия разработана в целях упрочения общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации), сохранения и развития этнокультурного многообразия народов России, гармонизации национальных и межнациональных отношений, обеспечения равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии

и других обстоятельств, успешной социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов.

Во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 года № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» распоряжением Правительства Республики Карелия от 30 ноября 2015 года № 718р-П утвержден «Комплексный план мероприятий по реализации “Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года” в Республике Карелия на 2016–2018 годы».

Комплексный план позволяет системно решать вопросы реализации государственной национальной политики на территории Республики Карелия.

Во всех муниципальных районах и городских округах Республики Карелия распоряжениями и постановлениями администраций местного самоуправления утверждены планы мероприятий, направленные на реализацию полномочий в сфере реализации государственной национальной политики Российской Федерации на территории муниципального района / городского округа.

Также заключены и действуют многосторонние Соглашения о сотрудничестве между Министерством национальной политики, Министерством внутренних дел по Республике Карелия, социально ориентированными некоммерческими организациями со всеми муниципальными районами и городскими округами. Соглашения регулируют вопросы взаимодействия в области реализации государственной национальной политики, развития государственно-конфессиональных отношений, поддержки социально ориентированной деятельности национальных общественных объединений и религиозных организаций в сфере национального (этнокультурного) развития народов Российской Федерации, проживающих на территории муниципальных районов и городских округов, межнационального и межконфессионального сотрудничества, духовно-нравственного развития населения, социально-культурной адаптации мигрантов, профилактики экстремизма на национальной и религиозной почве.

В рамках Соглашений во всех муниципальных районах и городских округах Республики Карелия действуют Консультативные советы по реализации национальной политики и развитию межнациональных и государственно-конфессиональных отношений при главах администраций муниципальных районов и городских округов. В состав советов входят представители правоохранительных органов, религиозных и общественных объединений и движений Республики Карелия, осуществляющих деятельность на территории муниципальных районов и городских округов. Наличие таких консультативных органов позволяет налаживать контакты между органами местного самоуправления и национальными и религиозными объединениями, действующими на территории муниципального района / городского округа, и в случае возникновения межнациональных и межконфессиональных конфликтов незамедлительно реагировать на них с целью определения причин конфликтной ситуации и разрешения противоречий.

Также в рамках Соглашений органами местного самоуправления в Республике Карелия осуществляется анализ принимаемых мер, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, поддержку и развитие языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории муниципальных образований, реализацию прав национальных меньшинств, обеспечение социальной и культурной адаптации мигрантов, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов. Поступающая от органов местного самоуправления информация сводится Министерством национальной политики в ежеквартальный отчет.

Органами местного самоуправления всех муниципальных районов / городских округов ситуация в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений на территории муниципального района / городского округа оценивается как спокойная. Конфликтных ситуаций, имевших место в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений в 2017 году, органами местного самоуправления не зарегистрировано.

Ведущими партнерами органов государственной власти и органов местного самоуправления в сфере реализации государственной национальной политики являются общественные организации. Сегодня 80 национальных общественных объединений и 220 религиозных организаций являются партнерами органов государственной власти и органов местного самоуправления, взаимодействие с которыми рассматривается как один из основных принципов государственной политики в сфере национального развития, гармонизации межнациональных отношений и осуществляется в рамках реализации совместных этнокультурных и этносоциальных проектов.

В Республике Карелия большое внимание уделяется поддержке деятельности некоммерческих организаций и обеспечению социально-экономических условий для эффективной реализации государственной национальной политики Российской Федерации на территории Республики Карелия; важно отметить, что в 2017 году в рамках государственной программы Республики Карелия «Развитие институтов гражданского общества и развитие местного самоуправления, защита прав и свобод человека и гражданина» на 2014–2020 годы при поддержке Министерства национальной политики реализуются 17 проектов социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в сфере государственной национальной политики и государственно-конфессиональных отношений. Общий объем финансирования проектов составил 3 миллиона рублей.

Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений занимает центральное место в рамках осуществления Комплексного плана мероприятий по реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации в Республике Карелия.

Среди основных мероприятий, проведенных в 2017 году, следует отметить:

- IX межконфессиональный фестиваль «Душа Карелии» (апрель, г. Петрозаводск), собравший более 100 участников. На фестивале «Душа Карелии» прозвучали произведения из литургического обихода русских и зарубежных композиторов, канты и духовный стих, богослужебные

- песнопения на церковно-славянском, латинском и других языках;
- открытие 12-го Центра межнационального сотрудничества на базе Этнокультурного центра «Калевалатало», являющегося площадкой для проведения мероприятий в сфере межнациональных отношений и оказывающего информационную, консультационную помощь мигрантам (август, п. Калевала);
  - фестиваль «Карельские мужские игры» и татарский праздник «Сабантуй собирает друзей» (сентябрь, с. Крош-нозеро, Пряжинский национальный район). В состязаниях «Карельских мужских игр» приняли участие 11 команд из Петрозаводска и Пряжинского района. Спортсмены соревновались в прохождении переправы по параллельным веревкам, стрельбе из лука, кююкья (карельских городках), распилке и рубке бревен на скорость, перетягивании каната. Гостям Сабантуя предлагалось поучаствовать в шуточных спортивных играх: бег в мешках, бег с ведрами на коромысле, битье горшков с завязанными глазами, бег с ложкой с яйцом;
  - программа «Мы живем в Карелии» (октябрь, г. Кондопога). Мероприятие направлено на формирование культуры мира и согласия в обществе, популяризацию национальных традиций народов, проживающих в Республике Карелия. Более 100 зрителей концерта увидели выступления ансамбля марийской музыки «Акрет мари», армянского хореографического ансамбля «Наири» и фольклорного ансамбля немецкого танца «Фольклореваген».

Сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России – важнейшая цель реализации государственной национальной политики.

В этой связи субъектами реализации государственной национальной политики были запланированы и реализованы следующие проекты и мероприятия:

- диктант на карельском языке (апрель). В данной акции, приуроченной ко Дню карельской и вепсской письменности, приняли участие жители Петрозаводска, Костомукши, Лоухского, Сегежского, Прионежского, Суоярвского,

Медвежьегорского, Пряжинского национального, Олонецкого национального, Калевальского национального муниципальных районов, а также Санкт-Петербурга и Финляндии – всего более 300 участников.

- этнокультурный лагерь «Встреча юных на карельской земле» (июнь, г. Петрозаводск). Организаторами лагеря выступили Министерство национальной политики, Министерство образования Республики Карелия, Петрозаводский государственный университет, Республиканский Центр детско-юношеского туризма. В мероприятиях лагеря приняли участие более 20 школьников 8 и 10 классов, изучающих карельский, вепсский, финский языки. Программа лагеря в этом году включала в себя языковую школу, экскурсии в Дом Кантеле и музей занимательной науки Петрозаводского государственного университета, мастер-класс по карельской национальной игре кююккя.
- с марта по июнь в республике проходил фестиваль финно-угорской молодежи «Молодость Карелии», включивший в себя республиканский конкурс знатоков карельского, вепсского и финского языков «КарелиЯ – это Мы», молодежный конкурс творческих видеосюжетов «Моя Карелия», выступления молодежных творческих коллективов в сельских поселениях Олонецкого района. 10 июня в День Республики Карелия в г. Олонце прошел гала-концерт фестиваля. Он показал интерес молодежи к языку и традиционной культуре карелов, вепсов и финнов республики, любовь и уважение к своим традициям и корням. Всего в фестивале приняло участие более 800 человек.
- научно-практическая конференция «Статус карельского языка в системе языков народов Российской Федерации: правовые, лингвистические, культурные аспекты» (сентябрь, г. Петрозаводск), на которой рассмотрены вопросы нормативно-правового регулирования статуса карельского языка и правоприменительной практики в данной сфере.
- фестиваль-конкурс «Вепсская сказка» (ноябрь, с. Рыбрека Прионежского района) состоялся уже в четвертый раз. В этом году мероприятие было приурочено к празднованию Дня народного единства. В фестивале приняли уча-

стие десять творческих коллективов из вепсских сельских поселений Прионежского муниципального района, города Петрозаводска, Ленинградской и Вологодской областей – всего более ста человек.

В настоящее время за счет средств бюджета Республики Карелия выходит 5 республиканских периодических изданий на языках прибалтийско-финских народов Карелии, выпускаемых подведомственным Министерству автономным учреждением Республики Карелия издательством «Периодика».

1) газета «Oma Mua» («Родная земля») выпускается еженедельно на карельском языке тиражом 300 экземпляров;

2) газета «Kodima» («Родная земля») выпускается ежемесячно на вепсском языке тиражом 600 экземпляров, распространяется бесплатно жителям вепсских сельских поселений;

3) газета «Karjalan Sanomat» («Новости Карелии») выпускается еженедельно на финском языке тиражом 500 экземпляров;

4) журнал «Carelia» («Карелия») выпускается на финском языке с приложениями – на карельском языке альманах «Taival» («Тайвал»), на вепсском языке альманах «Vereztullei» («Свежий ветер»). Журнал и альманахи выходят тиражом по 300 экземпляров;

5) детский журнал «Kipinä» («Искорка») выпускается на трех языках: карельском (тиражом 920 экз.), вепсском (тиражом 270 экз.) и финском (тиражом 2230 экз.). Журнал выходит ежемесячно по четыре выпуска на каждом языке в год. «Kipinä» распространяется за счет средств бюджета Республики Карелия по школам республики и предоставляется бесплатно детям, изучающим карельский, вепсский или финский языки.

Также ежемесячно в трех районных газетах, издающихся в национальных муниципальных районах Республики Карелия (Калевальском, Олонецком, Пряжинском), выходит полоса на карельском языке. Издательство «Периодика» курирует данную работу. Публикация страниц на карельском языке в районных средствах массовой информации финансируется из бюджета Республики Карелия.

Одним из направлений работы является создание условий для социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов на территории Республики Карелия.

Для успешной адаптации мигрантов в принимающее сообщество в 12 городах Карелии на базе районных библиотек и этнокультурных центров функционируют Центры межнационального сотрудничества, в которых ежемесячно проходит не менее 2-х тематических мероприятий. Особое внимание в работе Центров уделяется трудовым мигрантам, а также группам риска, к которым относятся социально уязвимые категории граждан: женщины-мигранты, безработная молодежь, подростки из неблагополучных семей, дети-сироты и другие.

Центры обеспечены аппаратурой для выхода в Интернет, работы в программе «Skype», что дает возможность гражданам, выбравшим местом проживания Республику Карелия, общаться с родственниками, искать работу, место обучения.

Организация работы Центров позволяет выявлять проблемы, намечать пути их решения, разрабатывать рекомендации по реализации мероприятий, направленных на адаптацию и интеграцию мигрантов, для государственных и муниципальных служащих, работников государственных и муниципальных учреждений и мигрантов.

С целью принятия выверенных управленческих решений в сфере реализации государственной национальной политики в Республике Карелия действуют координационные органы государственно-общественного взаимодействия, созданные при Главе Республики Карелия, органах государственной власти Республики Карелия, в состав которых входят представители национальных общественных и религиозных объединений. Среди них следует отметить:

- 1) Совет при Главе Республики Карелия по межнациональным отношениям;
- 2) Совет представителей карелов, вепсов и финнов Республики Карелия при Главе Республики Карелия;
- 3) Совет при Главе Республики Карелия по содействию развитию гражданского общества и правам человека;

- 4) Комиссия по вопросам религиозных объединений при Главе Республики Карелия;
- 5) Рабочая группа по вопросам, касающимся российского казачества в Республике Карелия;
- 6) Республиканская термино-орфографическая комиссия при Главе Республики Карелия.

В текущем году состоялось 13 заседаний обозначенных координационных органов государственно-общественного взаимодействия, на которых рассматривались вопросы гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений, профилактики экстремистских проявлений, этнокультурного развития коренных народов, поддержки социально значимой деятельности религиозных организаций.

Исходя из анализа достигнутых результатов реализации «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации...» на территории Республики Карелия в 2017 году, можно сделать вывод, что обстановка в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Карелия остается стабильной и управляемой, предпосылки к осложнению межнациональных и межконфессиональных отношений сведены к минимуму. Данный вывод подтверждается данными постоянного еженедельного мониторинга состояния межнациональных (межэтнических) отношений, который осуществляется совместно с Центром противодействия экстремизму Министерства внутренних дел Российской Федерации по Республике Карелия. В течение 2017 года сведений о возможных конфликтных ситуациях в Республике Карелия на этнической и религиозной почве не поступало.

Министерство национальной политики регулярно организует опросы общественного мнения. Итоги последних опросов 2015–2017 годов также свидетельствуют о стабильной обстановке в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений. В частности, доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений в Республике Карелия, по данным опроса, проведенного в 2017 году автономной некоммерческой организацией «Центр содействия развитию территорий», составляет 82%.

В 2018 году прогнозируется повышение активности некоммерческих организаций в реализации социально значимых проектов и программ в сфере реализации государственной национальной политики. Это обусловлено увеличением объема субсидий для НКО, предусмотренных в бюджете Республики Карелия, что, в свою очередь, приведет к увеличению общего числа мероприятий и повышению количества участников событий (в том числе в районах республики), направленных на этнокультурное развитие народов, укрепление межнационального и межконфессионального диалога.

Г.В. Косов (*Пятигорск*)

Пятигорский государственный университет
kossov1@yandex.ru

А.А. Вартумян (*Пятигорск*)

Северо-Кавказский федеральный университет
pragru@mail.ru

Р.Х. Усманов (*Астрахань*)

Астраханский государственный университет
usmanr@mail.ru

Информационные сюжеты национально-культурного и этнорелигиозного самоопределения народов Северного Кавказа (по материалам северокавказских СМИ)

Проблемы национально-культурного и этнорелигиозного самоопределения находятся в центре внимания северокавказских и ставропольских СМИ. Исследования публикаций по данной тематике (в том числе и их контент-анализ с выявлением соответствующих лексем) являются значимым направлением политологических изысканий. Их актуальность обусловлена тем, что информационный портрет этнических групп и межэтнических отношений крайне важен с точки зрения создания общественного мнения и общественного настроения.

Целевые публикации, опосредованно и непосредственно относящиеся к процессу национально-культурного и этнорелигиозного самоопределения, фиксируются, в частности, в таких популярных электронных ресурсах, как «Кавказ сегодня», «КавПолит», «Кавказский узел», «Вестник Кавказа», «Кавказский дневник», «OnKavkaz» и «Эльбрусид».

Анализ информационных материалов (около 1590 информационных единиц – публикаций за два полугодия) позволяет говорить о том, что основные темы интернет-пространства вообще (в преломлении к Северному Кавказу), и «этнических СМИ» в частности связаны с *«исторической памятью и болью»*, *«черкесским вопросом»* и *«возрождением народов»*. Анализ публикаций второго полугодия выявил несколько новых сюжетов, которые не были представлены в анализируемых публикациях в первом полугодии, однако их новизна условна, так как они отражают не самостоятельные проблемы, а симптоматичное проблемное поле исторической памяти, приоритетов мифологии и культуры, противоречий межэтнических отношений, а также отношений этнических сообществ и власти. Также это проблемное поле содержит: акцентуацию роли и сохранения родных языков, героизацию исторических сюжетов и отдельных личностей; противопоставление и зачастую сравнение этнических групп с негативной коннотацией.

Проблемно-тематическая спецификация сюжетов информационных ресурсов, акцент на определенных информационных поводах позволяют говорить не только о реализации национально-культурного самоопределения народов в самом широком его понимании, но и о новом витке данного процесса. Этот виток детерминирован как внутривнутриполитическими, так и геополитическими процессами. Среди них: управленческая корректировка политического дизайна в рамках реализации «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», потребовавшая ускорить процесс кристаллизации единой российской гражданской нации; современные мировые вызовы, непосредственно затронувшие РФ и приведшие к геополитизации межэтнических и этноконфессиональных отношений; хаотизация мирового политического пространства, выстраивание «правил игры» в новом глобальном мировом порядке.

Провластные интернет-издания (например, «Кавказ сегодня», «Победа 26», «РИА КЧР»), в первую очередь, призваны выступать проводниками идеи упрочения единства российской гражданской нации через патриотически ориен-

тированные сюжеты. Также такие интернет-издания призваны формировать адекватную профессиональную реакцию на эффективные формы и методы национально-культурного самоопределения, равно как и на попытки негативного использования национально-культурного контента. Однако эти источники явно проигрывают оппозиционно настроенным интернет-изданиям, которые критично относятся к содержанию и практикам такового в общем контексте реализации государственной национальной политики.

Можно фиксировать замалчивание сюжетов, так или иначе касающихся проблем и противоречий национально-культурного и этнорелигиозного самоопределения, а также невнятную или слабоаргументированную позицию по острым вопросам, связанным с языковой политикой, религиозными и этническими традициями, неоднозначными вопросами истории.

В то же время проблемные аспекты, кризисные сюжеты национально-культурного и этнорелигиозного самоопределения активно поднимаются, комментируются в оппозиционных интернет-изданиях и на оппозиционных сайтах. Именно сюжеты, посвященные проблемам национально-культурного и этнорелигиозного самоопределения без должного аргументирования и оценки и дальнейшего информационного сопровождения, становятся точками роста социальной/этнической/религиозной активности, точками преломления этнического и религиозного сознания, ареной катализации и институирования новых проявлений этнической идентичности (взглядов, действий, этнических чувств, «этноощущений»).

Симптоматичной является особенность публикаций «этнических СМИ», имеющих негативный контент, т. е. тех публикаций, которые отражают экстремистские и террористические проявления. В них не указывается этническая принадлежность человека, что соответствует правовым и морально-нравственным принципам обеспечения прав гражданина РФ и принципам функционирования СМИ в РФ. Отказ от информационного фиксирования этнической и религиозной принадлежности в СМИ (которая была распространена в 90-е гг. – начале 2000-х гг.) не дает возможности для фактической ситуации развиваться в информационном поле (и не

только) в русле этнических интерпретаций, в том числе и конфликтогенных. Месседж о том, что терроризм (экстремизм) не имеет этнического или регионального лица, воспринят журналистами «этнической журналистики». Так, например, можно встретить такой термин по отношению к человеку, задержанному по подозрению в террористической деятельности: нальчанин – житель Нальчика, не житель КБР, ни тем более «лицо кавказской национальности». В то же время очевидно, что использование названия города в качестве идентификационного маркера того или иного человека, обвиненного в преступлении, не может в полной мере исключить из информационного и общественного дискурса проблему этнической и религиозной принадлежности. Налицо не очень удачная попытка определить новые параметры для идентификации конкретного человека.

В публикациях, отражающих правозащитный процесс, часто делается акцент на этнической принадлежности героя информационного повода. Так, «Кавказский узел» 16 января 2017 г. в публикации «Аднан Хуаде» связал его уголовное преследование с защитой прав черкесов¹. Информационная единица говорит о А. Хуаде как о черкесском активисте, которого, по его словам, «преследуют за отстаивание права своего народа на признание геноцида черкесов». В этой же статье подчеркивается, что «власти России до сих пор не приняли решения о признании геноцида черкесов во время войны», что усиливает драматизм публикации, настраивая восприятие читателя на априори праведное повеление *героя* и изначально предвзятое отношение к нему со стороны структур власти. Такая трактовка информации может быть использована деструктивными элементами для протестной мобилизации части населения.

Вопросы национально-культурного и этнорелигиозного самоопределения – одни из самых сложных и эмоциональных, так как они связаны с такими личностными категориями, как духовность, мораль, совесть. В СМИ регионов Северного Кавказа публикации данной проблемно-тематической группы представлены широко. Очень важно в публикациях подобного рода грамотно и корректно осветить возникающие

внутриконфессиональные и межконфессиональные противоречия, религиозные праздники, обряды, традиции, а также мировоззренческие и духовные аспекты этноконфессионального самоопределения.

При этом в СМИ участились процессы героизации отдельных личностей, актуализации народных традиций, ритуалов, преданий, а также конфликтный «дележ» мифологического и историко-культурного наследия. Все это ярко представлено в сюжетах, посвященных Руслану Гвашеву, объявившему голодовку в знак протеста против решений Лазаревского районного суда Сочи по делу о молитве возле Тюльпанового дерева.

В материалах анализируемых сайтов, на страницах Facebook по отношению к Р. Гвашеву присутствуют такие эпитеты, как *«патриот России»*, *«защитник ущемленных в правах людей»*, *«Руслан Гвашев уже навсегда войдет в историю как “гений места”, охраняющий души своих предков от беспамятства потомков»*. Процессу героизации, создания новых мифов, культа жертвенности способствовал многодневный обряд в честь Р. Гвашева, о котором рассказал *«Кавказский узел»* 8 ноября 2017 г.²

Попытку сблизить процессы национально-культурного самоопределения и упрочения единой российской гражданской нации сделал Арсен Каноков, бывший глава Кабардино-Балкарии, а ныне сенатор, который подчеркнул, что Р. Гвашев *«просто выполнял не ущемляющий ничьих прав ритуал»*. *«Ведь надо учитывать, что на Кавказе помимо федеральных законов существуют культурно и исторически сложившиеся традиции и ритуалы. Каков смысл в том, что власти упорно хотят называть это нарушением? Понимают ли они, что таким образом провоцируют протестные настроения?»*³.

Героизация новых лиц, обращение к героическим страницам или личностям прошлого, закрепление на уровне праздников / дней памяти исторических сюжетов, борьба за историко-культурные приоритеты, разнонаправленное толкование исторических сюжетов и роли отдельных персоналий чаще всего находятся в стороне от общероссийского гражданского идентификационного тренда. Вместе с тем зачастую

в СМИ утверждается, что подобные праздники / памятные дни сплачивают людей разных этнических групп, формируют некую единую макрорегиональную северокавказскую социальную общность. Данная общность упрочивается именно на базе региональных северокавказских приоритетов (уникальность, автохтонность, титульность, разделенность, репрессированность, религиозность и др.). Однако данная общность должна быть «вмонтирована» в процесс единения российской гражданской нации. С целью интенсификации процесса национально-культурного самоопределения наблюдаются попытки формирования новых памятных дат мобилизующего этнического содержания.

Существенный блок публикаций посвящен институированию национально-культурных организаций, фондов, центров – площадок национально-культурного самоопределения: Фонд содействия развитию карачаево-балкарской молодежи «Эльбрусид», Совет старейшин черкесов-шапсугов, Совет старейшин черкесского народа, Совет старейшин балкарского народа, республиканское отделение Ассоциации жертв политических репрессий, Конгресс карачаевского народа, Адыгэ Хасэ и др.

Деятельность этих организаций в публикациях связывается с выполнением ими следующих функций: просветительно-благотворительная, правозащитная, поддержание и актуализация исторической памяти, объединение разделенных и разобщенных частей соответствующих народов, субъективирование адыгов (черкесов) и тюрок в международных отношениях, исполнение законов и международных актов в отношении разделенных народов, малочисленных народов, репрессированных народов и соотечественников за рубежом.

В информационных материалах подчеркивается, что именно национально-культурные организации влияют на формирование активной жизненной позиции многих молодых людей, являются центрами притяжения и формирования сознания принадлежности к этнокультурной, этноконфессиональной общности.

На сайте «OnKavkaz» размещены несколько публикаций, которые акцентируют внимание читателя на молодеж-

ной проблематике. Так, в статье «Не благодаря, а вопреки. Как молодежи Кавказа удастся реализоваться и приносить пользу своим народам»⁴ обосновывается мысль о том, что «общественные лидеры после многолетнего усердия с уверенностью смотрят в будущее». При этом подчеркивается, что молодежь имеет шансы на самореализацию и раскрытие своего потенциала на благо своих народов не при поддержке официальных региональных властных структур и чиновников, а с помощью национально-культурных общественных организаций северокавказских народов, имеющих филиалы по всей России, или с опорой на собственный энтузиазм.

Интересный месседж, адресованный молодежи, мы находим в статье на сайте «Эльбрусоид» «Алихан Алхазов. Успех спортсмена – это не случайность»⁵. Посыл статьи состоит в том, что не стоит замыкаться в рамках идентичности одного этноса, так как прорыв и великие достижения возможны только при совместных усилиях граждан, принадлежащих к разным народам и культурам. Этот посыл является вкладом в акцентирование преимуществ гражданской консолидации и гражданского единства.

Представляется, что достижения северокавказской молодежи в сфере науки, культуры, искусства, спорта необходимо максимально тиражировать в официальных и неофициальных средствах массовой информации и коммуникации с целью формирования позитивного образа Северного Кавказа и популяризации идеи единства российской нации.

В СМИ презентуется деятельность национально-культурных организаций, дизайнеров, центров и фондов культуры, домов национальных культур и центров дружбы. Больше внимания в СМИ уделяется выставкам, культурным мероприятиям, событиям образовательной, просвещенческой направленности в деятельности национально-культурных организаций, мероприятиям, нацеленным на упрочение исторического сознания, на развитие национальных языков, на творческо-проектную деятельность, направленную на сохранение этнокультурной самобытности народов СКФО.

С сентября 2017 г. на анализируемых сайтах стали фиксироваться статьи, объединенные одним сюжетом – «моло-

дежь – будущее нашей страны». Так, на сайте «Эльбрусоид» красной нитью стала прослеживаться идея о том, что настоящий патриот своей малой родины – это человек, знающий язык и традиционную культуру. Но при этом подбор материала, расположенного на сайте, позволяет говорить о том, что модераторами предпринимается попытка объединить две тенденции: национально-культурное и этнорелигиозное самоопределение и формирование единой гражданской российской нации. Посыл, который направлен на потребителей контента – единство в многообразии.

Популярными сюжетами в СМИ являются акции и мероприятия, посвященные сохранению и развитию национальных языков, традиций, культур, организации и проведению этнокультурных фестивалей и конкурсов. В публикациях акцентируются ценности народов региона, их традиции и обычаи. Также СМИ транслируют позицию этнических активистов по таким проблемам, как сохранение традиций, языка, взаимодействие с органами власти и МСУ.

Отметим, что на исследуемых сайтах значимое место занимают сюжеты, связанные со спортивной и культурно-духовной жизнью народов, что направлено на поддержание этнического единства, на акцентирование направлений национально-культурного и этнорелигиозного самоопределения. При этом можно говорить о тенденциях непосредственного формирования общего северокавказского единства и о тенденциях опосредованного формирования общероссийского гражданского единства (*«мы россияне», «в многообразии наша сила»*).

В СМИ отражена традиционно значимая позиция национально-культурных и этнорелигиозных активистов, которая трактует язык как фундамент сохранения и возрождения этноса. В связи с этим на изучаемых интернет-ресурсах много внимания уделялось Дню адыгского языка. Не только язык, но и более широко – черкесская этнографическая и этнополитическая символика являются неизменным атрибутом исторической памяти.

На многих сайтах в 2017 г. после высказанного мнения Президента РФ В.В. Путина о необходимости соблюдать

принцип добровольности изучения языков народов РФ (прежде всего теми гражданами, для которых данные языки не являются родными) оживилась острая дискуссия о языковой политике в РФ. Эта дискуссия актуализировалась как ответ на решение Прокуратуры РФ по поводу преподавания родного языка в школах Татарстана и Марий Эл.

На анализируемых интернет-ресурсах появилось множество целевых материалов, посвященных языковой проблематике, причем акцент в них делается на необходимости сохранения родного языка и высказывается сожаление о том, что он забывается молодежью.

Кроме материалов, посвященных языковой проблематике, можно выделить следующие сюжеты, которые направлены на национально-культурную, этноконфессиональную мобилизацию, на углубление процесса национально-культурного самоопределения. Эти сюжеты отличаются эмоциональностью, так как связаны с ситуациями репрессий, реабилитации народов, с исторической памятью о потерях и страданиях.

Данная проблемно-тематическая группа вызывает живой интерес и массовое обсуждение в СМИ за счет экспрессивного восприятия целостности фактов и событий. Публикации данной проблемно-тематической группы анализируемого периода для представителей адыго-абхазских и тюркских народов интересны, в первую очередь, почитанием памяти жертв репрессий, войн, конфликтов, в частности, освещением и решением проблем репатриации народов. Данные информационные сюжеты актуализируют этническую идентификацию и этническое единство, патриотизм.

Проблема реабилитации репрессированных народов является одной из основных на анализируемых интернет-ресурсах СКФО.

Отметим, что Кавказская война, как фундаментальный сюжет, вокруг которого могут формироваться все остальные эпизоды исторической памяти адыго-абхазских народов, является наиболее частым информационным поводом в СМИ Северного Кавказа.

Итогом обзора интернет-публикаций могут быть следующие рекомендации, связанные с информационным сопро-

вождением выявленных проблем в электронной среде: вывод острых проблем из сферы политики; недопущение политизации земельного вопроса, вопроса реабилитации и т. д.; уход от целенаправленной этнизации, этнической героизации проблем; уход от замалчивания проблемных точек; привлечение в качестве экспертов по проблеме в целях комментирования ситуации авторитетных религиозных и общественных деятелей.

Примечания

---

¹ URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/296036/> (дата обращения: 11.12.2016).

² «Жители аула в Сочи провели многодневный обряд в честь Гвашева». 8.11.2017. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/312155/>

³ «Сенатор Каноков выступил в поддержку Руслана Гвашева». 20.09.2017. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/309864/>

⁴ OnKavkaz. 03.12.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://onkavkaz.com/news/1994-ne-blagodarja-a-vopreki-kak-molodezhi-kavkaza-udaetsja-realizovatsja-i-prinosit-polzu-svoim-nar.html>

⁵ [Электронный ресурс] URL: <http://www.elbrusoid.org/articles/interview/494538/>

Н.И. Новикова (Москва)

Институт этнологии и антропологии РАН
natinovikova@gmail.com

Право коренных малочисленных народов на принятие решений: гарантии и практики на российском Севере

В статье на основании анализа международных стандартов, российского законодательства и опыта полевых этнографических исследований анализируется одно из ключевых понятий Стратегии государственной национальной политики – право коренных малочисленных народов* на принятие решений, затрагивающих их законные интересы. Рассматривается его реализация в законодательной сфере и при взаимодействии этих народов с промышленными компаниями.

В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, принятой в 2012 г., содержится ряд положений, непосредственно касающихся коренных малочисленных народов. Основными вопросами государственной национальной политики, требующими особого внимания государственных и муниципальных органов, названы четыре, среди которых – обеспечение прав коренных малочисленных народов и национальных меньшинств. Один из принципов национальной политики – обеспечение гарантий прав коренных малочисленных народов (малочисленных этнических общностей), включая поддержку их экономического, социального и культурного развития, защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни.

© Новикова Н.И., 2017

* В данной статье термины «коренные малочисленные народы», «коренные народы», «аборигены» используются как синонимы.

Наряду с другими задачами национальной политики по совершенствованию государственного управления названы следующие:

- создание условий для участия коренных малочисленных народов в решении вопросов, затрагивающих их права и интересы;
- повышение уровня адаптированности традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов к современным экономическим условиям с учетом обеспечения защиты их исконной среды обитания и традиционного образа жизни.

Таким образом, в отношении коренных малочисленных народов на федеральном уровне ставится двуединая задача сохранения их культуры, образа жизни и адаптации их традиционной деятельности к современным экономическим условиям. Среди всех коренных малочисленных народов особое место принадлежит народам, проживающим в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока¹.

Принятие Стратегии государственной национальной политики предполагает дальнейшее развитие правовой системы государства. Для коренных народов особенно острым является вопрос об их действительном контроле над использованием ресурсов, которые составляют основу их жизнеобеспечения. Эта политическая и правовая комплексная проблема требует изменения и общественной, и научной антропологической парадигмы. Важно от формального провозглашения равенства всех народов перейти к предоставлению им права на осознанное, предварительное и свободное согласие на принятие решений по вопросам, затрагивающим их законные интересы. А это означает как для должностных лиц, так и для исследователей отход от представлений об ущербности коренных народов, ограничения их действительного равенства и свободного самобытного развития². На практике управленческие решения часто строятся на ставших или считающихся устоявшимися моделях, не учитывая, соответствуют ли они локальным практикам и современным представлениям аборигенов. В России, когда основным источником права является закон, особенно важно, чтобы принятие решений строилось на

актуальной этнологической экспертизе. Вместе с тем нужно отметить, что современное федеральное законодательство исходит из определения коренных малочисленных народов как ведущих традиционный образ жизни. Вопросам же их адаптации к современным условиям, связанным с урбанизацией, промышленным освоением северных территорий, миграционными процессами и в целом с модернизационными процессами, в законодательстве уделяется мало внимания, что вызывает необходимость принятия программ и других документов на региональном уровне.

Контроль над судьбой коренных народов в международном праве и российском законодательстве

Международное право исходит из того, что права коренных народов связаны с обеспечением им доступа к определенным территориям, которые, равно как и находящиеся на них ресурсы, составляют основу их жизнеобеспечения: «Ни один народ ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств существования»³. В 2007 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию о правах коренных народов, в которой сформулированы наиболее общие положения, характеризующие нормы для национальных государств, в которых проживают данные народы. В Декларации о правах коренных народов подчеркивается их роль в осуществлении контроля над принятием решений:

Ст. 32.

1. Коренные народы имеют право определять приоритеты и разрабатывать стратегии освоения или использования своих земель или территорий и других ресурсов.

2. Государства добросовестно консультируются и сотрудничают с заинтересованными коренными народами через их представительные институты с целью заручиться их свободным и осознанным согласием до утверждения любого проекта, затрагивающего их земли или территории и другие ресурсы, особенно в связи с освоением, использованием или разработкой их полезных ископаемых, водных или других ресурсов.

3. Государства обеспечивают эффективные механизмы справедливого и честного возмещения в связи с любой такой деятельностью, ими принимаются надлежащие меры для смягчения ее неблагоприятных последствий для окружающей среды, экономики, общества, культуры или духовного развития⁴.

Ключевым является принцип свободного предварительного и осознанного согласия (СПОС) коренных народов на осуществление деятельности, затрагивающей их интересы. У некоторых активистов аборигенного движения в России сложилось негативное отношение к СПОС, которое они воспринимают как принуждение к безусловному согласию, поэтому требуется определенная работа по разъяснению этого права. Приведу лишь некоторые полезные документы. В 2017 г. Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН было опубликовано руководство по применению этого принципа в практической деятельности по осуществлению проектов на территориях проживания коренных народов. В нем согласием называется коллективное решение обладателей прав, полученное через свободно избранных представителей. Это «свободно принятое решение, суть которого может быть выражена следующим образом: “да”, “нет” или “да, но при определенных условиях”, включая возможность пересмотра этого решения в случае изменений предлагаемого мероприятия или поступления новой информации, имеющей к нему отношение; коллективное решение, принятое людьми, которых это касается (например, на основе консенсуса или большинством голосов), в соответствии с их обычаями и традициями; выражение прав (на самоопределение, на землю, на ресурсы, территории и культуру); согласие дается или не дается поэтапно, за определенные периоды времени в отношении различных стадий или этапов мероприятий в рамках проекта. Это не разовый процесс»⁵.

СПОС неразрывно связано с научным и общественным дискурсами в странах применения. Его осуществление по необходимости строится на признании за этими народами права выбирать приоритеты своего развития. У «Европейского банка реконструкции и развития» (ЕБРР) также есть документы, определяющие его деятельность в отношении

коренных народов, в первую очередь «Требование ЕБРР к реализации проектов № 7. Коренные народы». В этом документе указывается, что инвестиционные проекты могут «помочь коренным народам реализовать их чаяния, направленные на социальное и экономическое развитие». При этом при оценке воздействия признается, что коренные народы в странах деятельности банка могут уже не быть исключительно заняты традиционным жизнеобеспечением, в их расселении и культуре могли произойти со временем изменения. Традиционное хозяйствование, при оценке воздействия, следует трактовать гибко (включая в него такие современные разновидности, как этнотуризм и переработка пищевой продукции). В требованиях банка указывается на важность традиций и обычного права, в том числе при регулировании землепользования. А компенсация коренным народам при выполнении проектов рассматривается как крайняя мера, когда невозможно обеспечить им доступ к ресурсам. Таким образом, требования ЕБРР представляют собой более адекватную трансформациям политику в отношении коренных народов при планировании и осуществлении деятельности, которая затрагивает их права и интересы в современных условиях⁶.

Российская Федерация по Конституции 1993 г. провозгласила гарантии защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни, прав коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации (ст. 69). Особой компетенцией органов государственной власти была признана «защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей» (ст. 72). В развитие этих положений были приняты три федеральных закона, определяющие правовое положение аборигенных народов: «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Фе-

дерации». Появились статьи, касающиеся коренных народов, и в других законах.

Ключевым коллективным правом этих народов по российскому законодательству названо участие в осуществлении контроля над использованием земель различных категорий, необходимых для осуществления традиционного хозяйствования и занятия традиционными промыслами малочисленных народов, и общераспространенных полезных ископаемых в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов; на возмещение убытков, причиненных им в результате нанесения ущерба исконной среде обитания малочисленных народов хозяйственной деятельностью организаций всех форм собственности, а также физическими лицами. Последнее право предоставляется также лицам, принадлежащим к этим народам. Коренные малочисленные народы имеют право участвовать в проведении этнологических экспертиз. Это означает, что они могут ее инициировать, участвовать в ее проведении и знакомиться с результатами и рекомендациями экспертов⁷.

Принятие Конституции 1993 года для Российской Федерации означало стремление учитывать в своем законодательстве те принципиальные подходы к защите прав коренных малочисленных народов, которые выработаны международным сообществом, при условии, что они не вступают в противоречие с положениями Конституции⁸. Необходимость обращения к международно-правовому статусу коренных народов определяется тем, что они составляют часть мирового сообщества, подобные народы выделяются в разных странах, они определяются как имеющие специальные права ввиду их особого исторического и культурного развития. Международной и российской практикой стало создание специальных неправительственных организаций коренных народов. В 1990 году состоялся Первый съезд коренных малочисленных народов Российской Федерации и была учреждена их Ассоциация. Появился институт для защиты прав этих народов и возможности установления диалога с органами государственной власти.

Одним из шагов на пути складывания действительного партнерства коренных народов с органами государственной

власти стало подписание 11 декабря 2017 г. Соглашения о сотрудничестве между Комитетом Государственной Думы по делам национальностей и Общероссийской общественной организацией «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока». Задачей сотрудничества является совершенствование законодательства в области национальной (этнической) политики и системы защиты прав коренных малочисленных народов. Хотелось бы дальнейшего продвижения по этому пути и принятия договора, по которому все законы, касающиеся этих народов, проходили бы экспертизу их всероссийской общественной организации, но для этого потребуется большая работа с обеих сторон. Уже сегодня при Комитете национальностей создан Экспертный совет, в который входят лидеры коренных народов. Ассоциация активно участвует в обсуждениях законопроектов и с ФАДН. Эта практика показывает, что не всегда удается достигнуть консенсуса и существует опасность силовых решений. В течение последнего десятилетия было принято несколько законов, существенно сужающих систему защиты прав коренных малочисленных народов.

Взаимодействие коренных малочисленных народов и промышленных компаний на Севере

Достижение действительного партнерства коренных народов с промышленными компаниями на Севере России сегодня становится одним из условий не только выживания этих народов, но и защиты геополитических интересов государства, обеспечения работы важнейших отраслей экономики. Добыча углеводородов, политика государства в сфере недропользования и само присутствие промышленных компаний существенно изменили социально-экономическое и этнокультурное развитие народов Севера. В настоящее время мы можем говорить лишь о начале процесса осознания взаимной ответственности и взаимной заинтересованности в установлении новых отношений. Причем партнерство не может установиться автоматически. В современных условиях про-

мышленное освоение Севера – это процесс активного взаимодействия, вызывающий различные последствия и несущий в себе взаимные риски. Во взаимодействии с промышленными компаниями особенно важными являются консультации с коренными малочисленными народами и возможность для них сказать «нет» осуществлению проектов, нарушающих их права и законные интересы.

Для того чтобы коренные малочисленные народы могли принимать решение, очень важен материальный потенциал – они должны иметь не только право контроля за использованием ресурсов, но и право приоритетного доступа к ним, в первую очередь к рыболовным и охотничьим, которые составляют основу их жизнеобеспечения. Важно, чтобы бюджеты их домохозяйств строились не только на государственной поддержке и компенсациях промышленных компаний, но и на гарантированных им возможностях свободно распоряжаться природными богатствами.

В отношениях с компаниями необходимо также учитывать состояние психологического здоровья коренных народов, которые часто испытывают стресс от соседства с нефтяниками, газовиками и т. п. Неприязненные отношения обычно возникают вследствие отсутствия знаний друг о друге, многие нефтяники, десятилетиями работающие на Севере, с непонятной гордостью в голосе говорят, что никогда не видели аборигенов и не стремятся узнать о их жизни и культуре. Можно сказать, что нефтяники и другие промышленные работники как группы формировались и существуют теперь как отдельные сообщества, не имеющие и не стремящиеся иметь связи с местным населением. В последние годы политика некоторых компаний меняется, они начинают больше задумываться о корпоративной социальной ответственности, принятии специальных регламентов в отношении коренных народов.

Можно сказать, что первоначально существовало настороженное отношение нефтяников и др. и аборигенов друг к другу, которое в значительной степени строилось на дилемме «местные – мигранты». В последние годы во взаимном восприятии этих групп населения происходят изменения. Важной чертой нефтяного/газового и других сообществ является то,

что они живут здесь же, стали соседями местного населения и, во всяком случае до пенсии, а некоторые и дальше, будут жить на Севере. За последние годы взаимная экзотизация образов «нефтяников» и аборигенов уступает место складыванию представлений о них, как о «людях, живущих по соседству».

В то же время как в начале промышленного освоения, так и сегодня аборигены, занимающиеся традиционным природопользованием и хозяйством, испытывают стресс из-за соседства с «нефтяниками». Некоторые ханты и ненцы активно протестуют, другие апатичны, так как не верят в возможность изменений. С этим связано недоверие и неприятие этнологической экспертизы со стороны коренного населения. Даже если они и помогают исследователям, то часто лишь потому, что считают, что компании все равно будут делать свое дело, если уж пришли на эту землю. Важными инструментами решения этой проблемы может стать как принятие специального федерального закона, так и включение соответствующих статей в закон о недрах и ресурсные кодексы.

Опыт изучения правового регулирования взаимодействия коренных народов и промышленных компаний показывает его недостаточность для установления справедливых отношений партнерства, соуправления. Строгое следование принципу СПОС может способствовать разрешению сложного клубка противоречий. Сегодня создается новая правовая площадка для решения данной проблемы – разработан законопроект о публичной нефинансовой отчетности и план его выполнения. Экспертный совет Комитета национальностей начал переговоры о возможном учете интересов коренных малочисленных народов в этом процессе. Продолжается также работа по принятию Правил поведения работников промышленных компаний при взаимодействии с коренными малочисленными народами (в ХМАО и Республике Саха (Якутия)) или выработке органами местного самоуправления правил проведения общественных слушаний с учетом кочевого образа жизни (Тазовский район ЯНАО) и т. д. Безусловно, все эти документы, как и законы, защищающие права коренных народов, появились под влиянием борьбы аборигенных народов.

Таким образом, право на принятие решений для выстраивания партнерских отношений и защиты законных интересов коренных малочисленных народов должно быть подкреплено законодательно, в первую очередь в законе о недрах и ресурсных кодексах, а также законом об этнологической экспертизе. Во-вторых, материально, через развитие аборигенного предпринимательства. И наконец, психологически, через создание здорового климата взаимодействия с органами государственной власти и промышленными компаниями и доверия к ним со стороны коренных малочисленных народов.

Примечания

¹ Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение / Под ред. В.А. Тишкова. М.; СПб.: Нестор-история, 2016. С. 24–28.

² *Гоголев П.В.* Конституционно-правовые основы государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. М.: МГУ, 2014. 335 с.; *Кряжков В.А.* Традиционный образ жизни коренных малочисленных народов в конституционно-правовом измерении // Государство и право. 2017. № 12. С. 44–55; *Новикова Н.И.* Коллективное право коренных народов на самобытное развитие: культурная ценность или конфликт интересов // Коллективные права этнических сообществ: проблемы теории и практики / Под ред. Ю.В. Попкова, И.С. Тарбастаевой. Новосибирск: ИФПР СО РАН, 2017. С. 110–120.

³ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, 1966. [Электронный ресурс] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml

⁴ Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. [Электронный ресурс] URL: http://www.ohchr.org/Documents/Publications/UNDRIPManualForNHRIs_ru.pdf

⁵ Свободное, предварительное и осознанное согласие: Право коренных народов и рекомендуемые меры работы с местными общинами: Практическое руководство для персонала проектных команд. М., 2017. С. 16.

⁶ Экологическая и социальная политика. Европейский банк реконструкции и развития, 2014. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ebrd.com/downloads/research/policies/esp-russian.pdf>

⁷ Федеральный закон от 30.04.1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (с изм. и доп.). [Электронный ресурс] URL: <http://constitution.garant.ru/act/right/180406/>

⁸ Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. М., 2009. С. 551.

В.С. Христофоров (Москва)

*Институт российской истории РАН,
Российский государственный гуманитарный университет
xvsarhiv@rambler.ru*

Вопросы национального строительства на Северном Кавказе: между светской модернизацией и шариатом (1922–1929)

Поликонфессиональный и полиэтничный Северный Кавказ, традиционно находившийся в зоне перекрестного интереса великих держав, в 1920-е гг. по-прежнему оставался ареной политических баталий. Масштабная советская модернизация Северного Кавказа стала разворачиваться сравнительно позже, нежели во «внутренних» регионах России, что было продиктовано сложностью и затяжным характером межнациональной, социальной и идеологической борьбы, а также влиянием религиозного фактора и интересом иностранных государств к региону¹.

Этническая пестрота региона обусловила разнообразие проблем и конфликтов, требующих политического урегулирования и последующего его закрепления в нормативных правовых актах. Каждая из противоборствующих сторон предлагала свои идейные основания для интеграции и преобразования общества: шариат (в устах северокавказских лидеров) и светская модернизация, по сути продолжавшая имперский проект интеграции в тело общей российской государственности через массовое образование, новую идеологию и пропаганду новых идей (в представлении большевиков). В исторических реалиях данного региона столкновение этих двух установок фактически выливалось в противостояние светского начала

© Христофоров В.С., 2017

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00310А.

и религиозного: борьбу за шариатизацию общества или против нее, за создание государства на религиозных или светских началах. Именно поэтому при исследовании кавказских сюжетов 1920-х гг. необходимо сосредоточиться именно на противостоянии новой власти и национально-религиозных лидеров Северного Кавказа, учитывая при этом гетерогенность местной интеллектуальной элиты, представленной светской национальной интеллигенцией (джадидами) и религиозными лидерами, разнонаправленность ее общественных интересов². Как указывает академик В.К. Акаев, «...эти парадигмы, отражающие противоположную идеологическую ориентированность национальной интеллигенции и духовенства, не раз столкнутся в бурных политических процессах в Чечне. Аналогичная ситуация складывается в Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии»³.

В своей статье мы постараемся сосредоточить свое внимание не столько на сути противостояния двух проектов устройства северокавказского социума, сколько на понятийных особенностях, принципиальных подходах к осмыслению северокавказских проблем, характерных для советских спецслужб в 1920-е гг.

Анализируемые нами неопубликованные, сохранившиеся в Центральном архиве ФСБ России, специальные «Обзоры положений на Восточных окраинах и сопредельных с ними стран», информационные сводки и аналитические записки по Северному Кавказу, а также обзоры «Политического состояния СССР», которые готовились ежемесячно в Информационном отделе ГПУ–ОГПУ СССР в 1922–1929 гг., дают возможность представить, каким виделось северокавказское общество из центра. Кроме того, изучение архивных документов проливает свет на неизвестные страницы деятельности российских спецслужб на новом историческом этапе. Рассматриваемые уникальные материалы также помогают прояснить принципиальные подходы и управленческие методы одного из важных элементов российской государственной машины – Восточного отдела ГПУ–ОГПУ.

После установления контроля над основной частью Северо-Кавказского региона в конце 1921 г. в Москву регуляр-

но направлялся информационно-аналитический материал по Северному Кавказу и Закавказью. Особенно часто в центр приходили сведения по самым беспокойным районам Северо-Восточного Кавказа – Чечне и Дагестану⁴. С конца 1922 г. основная нагрузка по сбору и анализу информации по «восточным окраинам» легла на Восточный отдел ГПУ–ОГПУ. В рамках своих полномочий ВО ОГПУ курировал деятельность полномочного представительства (ПП) ГПУ–ОГПУ по Юго-Востоку в г. Ростов-на-Дону, с октября 1924 г. – ПП ОГПУ по Северокавказскому краю (СКК), в состав которого входили 15 областных и окружных отделов.

По оценке экспертов ГПУ, содержащейся в обзоре № 4 по состоянию на 1 января 1923 г., население Северного Кавказа представляло собой «благоприятную почву для контрреволюции, носящей национальную и религиозную форму, особенно в пределах 3-х племен: аварцев, чеченцев и ингушей. Остальные племена: кумыки (а также кази-кумыки), лезгинны, даргильцы, осетины и черкесы более развиты и мирны, явления, характеризующие быт первой группы горцев, [здесь] проявляются слабее.. так, что в общем и целом [эти народы] приемлют и сочувствуют Соввласти. Но из трудящихся масс до сих пор не выдвинулись администраторы и руководители и, таким образом, Советская власть здесь **ФАКТИЧЕСКИ НЕ СУЩЕСТВУЕТ** (выделено в источнике. – В. Х.) и созданные по ее конституции органы на местах заполнены беками, муллами и почетными стариками. Деятельность подобных органов Советской власти сводится к определенно отрицательным результатам: не проводя в жизнь ни одного из мероприятий Соввласти они в то же время занимаются настоящим грабежом населения, все незаконные поборы приписывая Соввласти»⁵ [ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 657. Л. 8].

В январе 1923 г. ГПУ отмечало, что на Северном Кавказе организовывались шариатские отряды и суды под предлогом, что на местах отсутствовала власть, необходимая для защиты населения от самоуправства. Кулачество и духовенство вели агитацию о неприемлемости Советской власти на Северном Кавказе вследствие ее слабости и неспособности установить порядок [«Совершенно секретно». 2001. С. 547].

Восточный отдел ОГПУ пытался структурировать и выявить закономерности организационных усилий шейхов как наиболее авторитетных выразителей общественного мнения. О деятельности и тактике работы с шейхами в обзорах и аналитике писалось неоднократно. Например, информационная сводка № 11–12, охватывавшая период с 22 декабря 1923 г. по 5 января 1924 г., заключала, что советская власть шейхами признается приемлемой, но ее характер они мыслят по-своему. Для того чтобы изменить баланс сил в регионе, предлагалось, в частности, опереться на широко использовавшуюся в других регионах практику противопоставления одних религиозных авторитетов другим [Гусева, Сенюткина, 2013, с. 138–140], однако ее результаты здесь были невпечатляющими: «...Таким образом, преследуемые цели Даготделом ОГПУ и ДагЦиком в области включения деятельности шейхов в самые выгодные для Соввласти рамки и дальнейшего превращения его активности с враждебными Соввласти шейхами, можно констатировать, в совершенстве не достигнуты... Местные шейхи, некогда враждовавшие между собой, заключают тактическое соглашение между собой, с одной стороны, и с турецким шпионажем, с другой».

В качестве примера подобного соглашения ранее соперничавших групп приводился съезд, проходивший с 29 мая по 1 июня 1923 г., на котором сторонники шейха Наджмутдина Гоцинского и шейха Кунта-Хаджи собрались «около селения Муни на горе Эсин-Корт (место могилы матери Кунта Хаджи) по случаю похорон дочери Кунта Хаджи, умершей в Константинополе». На этом съезде «горцев Чечни, Дагестана и Ингушетии, на котором присутствовало около 12 000 человек», мюриды и последователи шейхов, по сведениям работников спецслужб, заявили о совместной подготовке «к происходящему наступлению против русских, для чего... необходимо [было] в течение этих же двух месяцев объединиться». В этом же контексте объединительных усилий духовных лидеров звучала следующая информация: «3–4 июня [1923 г.] в плоскостной Чечне, в селении Урус-Мартан, под руководством прибывшего из Турции инструктора состоялся тайный съезд Шейхов, мулл и влиятельных лиц Чечни, где обсуждался

вопрос о создании в Чечне национального собрания взамен существующей Соввласти»⁶.

Подобная консолидация под лозунгами сохранения религии и установления шариата, возрождения имамата (говоря словами московских аналитиков: «шариатской монархии» или «Северо-Кавказской мусульманской республики» – однозначного определения мы в документах не обнаруживаем) квалифицировалась работниками спецслужб на местах и в центре как «панисламистская деятельность». По оценкам ОГПУ, на всем протяжении 1920-х гг. в суннитской среде Северного Кавказа были сильны т. н. панисламистские настроения, но каким было конкретное наполнение подобного определения, судя по документам Восточного отдела, установить затруднительно. По мнению наблюдателей, под ней понимались «религиозная воинственность», поддерживаемая шейхами среди чеченского народа и активизация духовных, пропагандистских и военно-организационных связей с исламскими странами, прежде всего с Турцией – тогдашним лидером халифата⁷.

Еще одним элементом «панисламистской» угрозы была оживленная деятельность на Северном Кавказе «иттихадистских ячеек среди верхушечных слоев населения в целях агитации за укрепление религии Ислама в массах» с явным антисоветским подтекстом [ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 29. Л. 6]. Речь шла об особом внимании, которое проявляли к региону деятели азербайджанской партии «Иттихад-Ислам» («Единение ислама»), ставившей целью объединение мусульман различных областей бывшей Российской империи в единое государство.

Исследователи отмечают, что на Кавказ регулярно направлялись и представители этой партии: С. Эфендиев, установивший связь с предводителями повстанцев: Джабагиевым – в Ингушетии, Али Митаевым – в Чечне и Н. Гоцинским – в Дагестане. В начале апреля 1920 г. в с. Урус-Марган Чечни состоялось совещание чеченских предводителей с турецкими офицерами, находившимися во главе с Измаил-пашой в Введенском районе. Спецслужбы называли Назарбека Ибрагимова, члена ангорского меджлиса, члена ЦК «Иттихад-

Ислам» в качестве «руководителя всей шпионской работы на Северном Кавказе»⁸.

Познавательную ценность представляет анализ московскими специалистами сведений, добытых в Северо-Кавказском регионе советскими спецслужбами. В обзоре № 6 за июнь–июль 1923 г. прямо указывалось, что картина развертывающихся событий на Северном Кавказе поучительна в том отношении, что она показывает те условия, при которых руководители контрреволюционных движений имели возможность постепенно создать обстановку в крае, близкую к вооруженному выступлению⁹.

Для анализа ситуации на Северном Кавказе в этот довольно сложный для центральной власти период сотрудниками ВО ОГПУ была предложена схема, отражавшая динамику т. н. контрреволюционных усилий местных общественных лидеров, прежде всего наиболее авторитетного «руководителя антисоветского движения на Северном Кавказе» Н. Гоцинского. В схеме выделялись четыре последовательных этапа, которые, по мнению Москвы, были нацелены на «полное отделение от СССР Горского района Северного Кавказа и установление здесь шариятской монархии». Первый этап – оживление деятельности и оформление «ядра, вокруг которого должны были группироваться новые силы»; второй – информационное противостояние: появление слухов о прибытии турецких офицеров и англичан для поддержки скорого восстания населения; третий – развертывание шейхами активной организационной работы: пропаганда и призывы к восстанию; четвертый этап – усилия лидеров, призывавших к консолидации сторонников Гоцинского и Кунта-Хаджи, проживавших на Северном Кавказе¹⁰.

Все эти этапы были довольно скоротечны (охватывали 1922 г. и первую половину 1923 г.) и преследовали, по мнению московских аналитиков, далекоидущие цели: «Таким образом, мы стоим перед фактом наличия огромной организации буржуазии, дворянства и духовенства всего Северного Кавказа и обладающей многими тысячами уже сорганизованных, хорошо законспирированных и прекрасно вооруженных (не только винтовками, но и пулеметами и артиллерией) бойцов

в виде шариятских полков. Существуют они на средства, собираемые путем самообложения (деньгами, натурой), а также всемерной поддержкой Турции. Это контрреволюционное объединение носит двоякий, неразрывно связанный между собой характер (панисламистский – см. обзор № 3) и националистический. Причем руководителем последней является организация “Вольный Горец”. Итак, деятельность Гоцинского нужно рассматривать не как явление индивидуальной воли, а как результат известной политики, идущей из-за рубежа и, главным образом, из Турции»¹¹.

Усилия государственного аппарата были направлены на устранение угроз «национальной контрреволюции», а для этого следовало ограничить влияние ключевых фигур. Если в 1923 г. представители ОГПУ внимательно отслеживали их деятельность, то уже в первой декаде 1924 г. было принято решение об их задержании. 10 марта 1924 г. ПП ОГПУ по Юго-Востоку России предложило Комиссии НКВД по Административным высылкам провести высылку до 20-ти человек общественно опасных элементов Северного Кавказа, таких как Гоцинский, Али-Митаев и другие¹².

За завоеванием северокавказских территорий последовал этап советского мира, затем политика советской социальной инженерии и модернизации. Трудно не согласиться с мнением специалистов о том, что советское упорядочение Кавказа не может быть названо «гармоничным и непротиворечивым»: слишком много соперничающих интересов и локальных проблем необходимо было переплавить внутри этого исторического проекта, который сам соткан из различных политических идеологием и управленческих принципов¹³.

Идеологическое противостояние-разграничение, кроме прочего, проходило по линии светского и исламского начал. В сложившихся исторических условиях основания для союза между Центром с Северным Кавказом могли быть только светскими с учетом исламской специфики так, как ее понимало советское руководство. Документы свидетельствуют, что наблюдатели из ОГПУ сосредотачивались, прежде всего, на выявлении внешнего влияния на «мусульманский» мир Кавказа в виде «панисламистской» составляющей.

Советские аналитики не считали региональных лидеров вполне способными самостоятельно решать вопросы государствообразующего характера. Азербайджанский «Иттихад-Ислам», турецкая элита, не оставлявшая надежд на продвижение своих интересов в указанном регионе, находились в центре постоянного внимания советских спецслужб и именно им приписывалась ведущая роль в активизации деятельности ключевых общественно значимых фигур Северного Кавказа. Мы видим, что в аналитических обобщениях внешний фактор превалировал над осмыслением сугубо внутренних проблем. С одной стороны, это существенно облегчало их объяснение, с другой – затягивало узел кавказских проблем еще туже, не способствовало выработке объективных оценок.

Вместе с тем, очевидно, что в тот исторический период исламская конфессиональная доминанта сама по себе не была способна обеспечить объединение и модернизацию северокавказского общества из-за полиэтничности и поликонфессиональности региона. Свою роль сыграли также отсутствие исторической традиции общекавказской государственности и догматическая установка на вытеснение религии из всех сфер общественной деятельности, активным проводником которой являлся, в том числе, Восточный отдел ГПУ–ОГПУ и полномочные представительства ГПУ–ОГПУ на местах.

Можно также с уверенностью утверждать, что опыт,обретенный большевистским руководством на этой «восточной окраине», самым серьезным образом повлиял на восприятие всех российских мусульман и их идейных лидеров, усиливая негативный эффект и эффект подозрительности в отношении национально-религиозных элит в пределах всего Советского Союза.

Примечания

---

¹ Национально-государственное строительство в Чечне: история и современность. Материалы региональной научной конференции, посвященной 90-летию автономии Чечни. Грозный, 2012. С. 100–102.

² *Акаев В.Х.* Пути преодоления внутринациональных конфликтов и консолидация чеченского этноса: исторические и современные аспекты // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2010. № 2 (13). С. 181–183; *Сулаев И.Х.* Государство и мусульманское духовенство в Дагестане: История взаимоотношений (1917–1991 гг.). Махачкала, 2009.

³ *Акаев В.Х.* Становление национальной идеологии чеченцев (последняя треть XVIII в. – 50-е гг. XX в.) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2011. № 1 (14). С. 143.

⁴ *Арапов Д.Ю.* Ислам на Северном Кавказе в 20-е гг. (по материалам ОГПУ) // Ислам и советское государство (1917–1936). Вып. 2 / Сост., авт. предисл. и примеч. Д.Ю. Арапов. М.: ИД Марджани, 2010. С. 194.

⁵ Центральный архив (ЦА) ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 29. Л. 5.

⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 657. Л. 72–98.

⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 29. Л. 6; Там же. Оп. 1. Д. 657. Л. 72; *Арапов Д.Ю.* Указ. соч. С. 191–198.

⁸ *Доного М.М.* Н. Гоцинский и повстанческая борьба в Дагестане и Чечне (1922–1925 гг.) // Новый исторический вестник. 2008. № 18 (2). С. 135–143; *Алиева Севиндж Исрафил гызы.* Азербайджан и народы Северного Кавказа (XVIII – начало XXI в.). Баку: Изд. дом “Şərq-Qərb”, 2010; ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 29. Л. 18.

⁹ См.: Совершенно секретно. 2002. С. 72.

¹⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 657. Л. 9, 72–98.

¹¹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 657. Л. 9.

¹² ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 657. Л. 72.

¹³ *Цуциев А.А.* Атлас этнополитической истории Кавказа. М.: Европа, 2007. [Электронный ресурс] URL: http://www.iriston.com/books/cuciev_-_etno_atlas/cuciev_etno-polit_map.htm#16 (дата обращения: 19.08.2017).

Ю.П. Шабает (Сыктывкар)

*Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения РАН
shabaev@mail.illhkomisc.ru*

Правовые и доктринальные основы региональной этнополитики

За последние годы в РФ на федеральном уровне создана достаточно проработанная правовая база этнополитики и ее доктринальная основа. Ключевым элементом последней является «Стратегия государственной национальной политики».

В «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» в качестве одной из основных задач указана необходимость обеспечить единство государственной национальной политики на всей территории страны. Это означает, что как правовые, так и доктринальные основы федеральной и региональной этнополитики должны иметь общие концептуальные идеи и положения, единое правовое пространство и сходные практики реализации важнейших идей.

Однако так ли обстоят дела на самом деле?

Простой анализ мероприятий, реализуемых в рамках региональной национальной политики, показывает, что должной согласованности между федеральным и региональным уровнями этнополитики не достигнуто.

Причин тому несколько. Во-первых, в стране не сформировалась единая институциональная структура, сферой деятельности которой являлась бы реализация государственной национальной политики. Главным образом это касается регионов и особенно областей и краев, где часто нет не только специализированных институтов этнополитики, но и подго-

товленных кадров, которые могли бы квалифицированно заниматься вопросами, касающимися взаимоотношений между этническими сообществами и государством, мониторингом межэтнических отношений, укреплением общероссийского единства, профилактикой этнической конфликтности, а также других рисков, связанных с межэтническим и межконфессиональным взаимодействием.

Во-вторых, если на федеральном уровне имеет место понимание того, какой должна быть государственная национальная политика в современных условиях, то на местах, и в первую очередь в национальных республиках, ответственные за реализацию этнополитики специалисты все еще находятся в плену представлений, унаследованных от советской национальной политики, которая изначально основывалась на доктрине этнического национализма¹.

В-третьих, региональные власти нередко вынуждены в первую очередь проявлять лояльность к идеям, выдвигаемым и внедряемым в массовое сознание местными этническими активистами, ибо испытывают на себе их определенное политическое давление и стремятся доказать местному сообществу свою заинтересованность в позитивном диалоге со всеми этническими группами, особенно с меньшинствами и титульными сообществами. Демонстрация подобной заинтересованности на деле выливается в то, что основное место в региональных практиках этнополитики занимают национальные праздники и фольклорные фестивали, что превращает эту политику не столько в форму утверждения идей культурного многообразия и толерантности, сколько в последовательное маркирование культурных границ между группами и подчеркивание их культурной отличительности. В таких условиях пропаганда идей российского единства становится формальной и вторичной и неслучайно в последние годы региональные лидеры, как правило, не считали необходимым говорить о российской нации и пропагандировать российскую идентичность, что явно диссонировало с последовательным подтверждением приверженности к идее российской нации, которое очевидно просматривается в выступлениях Президента РФ.

Этнические активисты, на мнение которых ориентируются региональные власти, в силу своего положения объективно озабочены в первую очередь сохранением культурной отличительности групп, от имени которых они выступают. Поэтому в идеологии многих этнических организаций этничность прямо противопоставляется гражданству, что никак нельзя допустить в региональных моделях этнополитики и в практической деятельности местных властей.

В-четвертых, серьезной проблемой является экспертное сопровождение региональной этнополитики, поскольку в качестве экспертов местными властями нередко привлекаются не независимые и квалифицированные специалисты, а сами лидеры этнических организаций или ангажированные этими организациями исследователи, которые неспособны критически оценить стратегию и механизмы региональной этнополитики, поскольку, как и лидеры этнических организаций, озабочены в основном сохранением культурной отличительности отдельных этнических групп.

Казалось бы, названные трудности должны отражаться на практике реализации этнополитики, конкретном перечне проводимых в регионах мероприятий и их содержании, но не могут порождать серьезных противоречий в правовом поле этнополитики. Тем не менее именно такие противоречия и имеют место, хотя в большинстве регионов (включая национальные республики) таких противоречий нет.

Основой правовых систем являются конституционные акты. И здесь наиболее значимым *для практики этнополитики является единообразие декларирования* культурной природы российского общества в целом и региональных сообществ в частности. Речь, прежде всего, идет об Основных законах российских республик (уставах областей и краев) и их соответствии положениям федеральной Конституции.

В тексте федерального Основного Закона, пункт 1 ст. 3 говорится: *«Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ»*.

Характеризуя культурную основу населения субъектов РФ, можно утверждать, что практически все они являются по-

лиэтничными и поликультурными, включая такие регионы, как Вологодская и Архангельская области, где доля русского населения составляет 98%. Если же говорить о национальных республиках, то здесь полиэтничность еще более очевидна, хотя в отдельных из них доля титульного населения и составляет большинство. Поэтому не случайно, что формулировка, характеризующая этническую природу российского общества в целом, сегодня присутствует в Конституциях большинства национальных республик. Однако в ряде основных законов национально-государственных образований никак не подтверждается полиэтничная природа республиканских сообществ, а в четырех республиках (Карелия, Коми, Удмуртия, Чувашия) вообще акцентируется особая миссия титульной этнической группы. В карельском Основном законе, принятом только в 2000 г., присутствует странная формулировка, не согласующаяся с культурными и историческими реалиями региона: «Исторические и национальные особенности Республики Карелия определяются проживанием на ее территории карелов»². Хотя очевидно, что «национальные особенности» данного субъекта в равной мере определяются проживанием на ее территории финнов, вепсов, русских и представителей других этнических групп, которые вместе формируют культурный облик региона. В Конституции Коми заявляется: «Образование Республики Коми и ее название связаны с исконным проживанием на ее территории коми народа»³. Но, к примеру, ненцы и русские появились на севере республики раньше коми и «исконность их проживания» на данной территории (не только на севере) почему-то не принята во внимание. В Конституции Удмуртии территориальное сообщество делится на удмуртскую нацию и народ Удмуртии⁴. Наоборот, в Конституции Башкортостана полиэтничная и гражданская основа башкирского общества вообще никак не акцентированы⁵, равно как нет такого упоминания и в Конституции Северной Осетии⁶, Основном законе Республика Ингушетия⁷.

Тем самым указанные Основные законы вступают в определенное противоречие с федеральной Конституцией и Конституционному суду РФ необходимо обратить внимание на указанное несоответствие.

Если следовать логике конституирования особой миссии титульной этнической группы, которая очевидно проявила себя в Конституциях ряда республик, российское общество придется также маркировать аналогичным образом. Надо было вносить в Конституцию РФ следующую формулировку: формирование Российского государства связано с многовековым проживанием на его территории русского народа как народа государствообразующего. Но этого не сделано – и не сделано в соответствии с логикой государственного строительства, ибо этничность не может служить основой для государственности и даже внутригосударственного деления, а международное право не признает за этническими группами права на политическое самоопределение⁸, что не принималось (и до сих пор в ряде случаев не принято) во внимание законодателями в республиках либо в силу их политических позиций, либо в силу недостаточной этнополитической подготовленности.

Но, пожалуй, самым вопиющим примером забвения интересов региональных социумов являются попытки ревизии основных законов и изъятие из них упоминаний о поликультурности территориальных сообществ. Правда, зафиксирован только один случай, когда из республиканской конституции местные законодатели вообще выкинули всякое упоминание о поликультурной природе населения республики – это Конституция Республика Коми, где в первом варианте Основного закона (1994 г.)⁹ было упоминание о многонациональной природе местного сообщества, а в исправленном варианте в начале 2000-х гг. оно уже изъято.

Важнейшим доктринальным документом, определяющим принципы государственной национальной политики, на сегодняшний день, как сказано выше, является «Стратегия государственной национальной политики...», утвержденная в 2012 г. Основным направлением госнацполитики данный документ называет политику интеграции – политику укрепления гражданских основ российской нации (многонационального российского народа). Отсюда вытекают такие задачи, как последовательное формирование общероссийской идентичности, укрепление гражданской солидарности рос-

сиян, противодействие этносепаратизму и этническому национализму, разжиганию межнациональной розни. Между тем в региональных моделях этнополитики и в официальных документах, которые принимаются в субъектах РФ, политика гражданской интеграции явно отодвинута на второй план, а часто интеграционный подход к формированию региональных сообществ отсутствует вовсе или лишь продекларирован. Между тем региональные концепции этнополитики в целом повторяют основные положения «Стратегии государственной национальной политики...», а для реализации федеральной программы укрепления единства российской нации в регионах, включая национальные республики, приняты соответствующие региональные программы. Но эти программы нередко носят формальный характер, а кроме того, сущность региональных моделей этнополитики можно более адекватно оценить через анализ программ более низкого порядка, которые, однако, больше приближены к конкретной практике реализации этнополитики.

В этом плане полезно обратить внимание на региональные концепции развития этнокультурного образования.

К примеру, в Концепции этнокультурного образования Республики Коми сделан однозначный упор на особой миссии коми народа. Эта концепция утверждена приказом Министерства образования Республики Коми от 23.11.2015 г. № 255 и она рассчитана на период 2016–2021 годов. Показательно, что названный документ принят три года спустя после утверждения федеральной «Стратегии государственной национальной политики», где ясно указано на необходимость гражданской консолидации, и два года спустя после принятия региональной программы укрепления единства российской нации. Концепция, в отличие от названных документов, проповедует этноцентричную модель этнокультурного образования, ибо там сказано: «Основой этнокультурного образования является освоение этнической культуры коми народа (курсив мой. – Ю. Ш.) в диалоге с культурами русского и иных этносов, проживающих в Республике Коми...» [Концепция].

Представляется, однако, что основой этнокультурного образования является воспитание у учащихся адекватных

представлений о многонациональной природе Российского государства (многонациональном российском народе – российской нации) и исторически сформировавшейся поликультурности республиканских и местных сообществ, воспитание культуры толерантности у учащихся. А главной целью системы этнокультурного образования (вместе с другими образовательными и информационными системами) является *формирование представлений о национальном единстве россиян*, чего до сих пор не понимают некоторые чиновники в регионах (Коми здесь не является исключением), хотя именно эта цель постоянно подчеркивается Президентом Российской Федерации.

Очевидно, что требуется большая работа по подготовке специалистов, занятых реализацией государственной национальной политики на местах и обеспечением деятельности региональных институтов этнополитики квалифицированным экспертным сопровождением.

За постсоветский период в федеральной и особенно региональной государственной национальной политике (этнополитике) прочно укоренились *три основных подхода*, на основе которых формируется законодательная база и политические практики, нацеленные на регулирование отношений между государством и этническими сообществами, на регулирование межэтнических отношений: алармистский, лоялистский, интеграционистский¹⁰.

Суть интеграционистского подхода изложена выше, а о двух других скажем несколько подробнее.

Алармистский (тревожный) подход – это констатация угрозы сохранению культурной отличительности и разработка комплекса мер, призванных обеспечить сохранение культурных границ между группами с помощью различного рода предпочтений, культурных иерархий, работающих в итоге на подчеркивание культурных дистанций.

Лоялистский подход представляет собой последовательную демонстрацию лояльности власти и общества к культурному многообразию России, которая выражается в различных формах и публичной демонстрации идеи «дружбы народов».

Активными сторонниками алармистского подхода являются многие этнические активисты и этнические антрепренеры, а также западные радетели о российских народах и о сохранении культурных границ между ними и приумножении этих границ. Многие региональные лидеры прямо или косвенно находятся в плену у местных этнических антрепренеров и западных «экспертов» и фактически синхронно с ними способствуют всяческой пропаганде идеи этнической отличительности, маркированию культурных границ между этническими группами и в итоге откровенно пренебрегают политикой гражданской интеграции.

При этом последовательная демонстрация культурной отличительности чаще всего преподносится как пропаганда культурного многообразия населения региона или страны в целом. *Но эта пропаганда в последние годы приобрела некие гипертрофированные формы:* конструируются все новые «национальные праздники», проводятся этнические конкурсы красоты, хотя каноны красоты достаточно универсальны и не связаны с этничностью (в международных конкурсах красоты участвуют представительницы не только разных стран, но и разных этнических и расовых групп, разных конфессий, что демонстрирует культурное единство человечества), проводятся этнические спортивные турниры, несмотря на то что спорт должен сближать народы, а не разделять их, о чем говорил еще основатель современного олимпизма Пьер де Кубертен и что пытаются ставить под сомнение как этнические антрепренеры, так некоторые западные политики; активно пропагандируется «этническое искусство» и этническая мода, при том, что мода как культурный феномен является интернациональной и модельеры лишь заимствуют в своем творчестве те или иные этнические сюжеты¹¹.

В этой связи следует согласиться с замечанием из проекта программы Тасис «Улучшение межэтнических отношений в России и развитие толерантности в России»: «Характерной чертой политического дискурса внутри страны является усиливающаяся этнизация на всех уровнях. Общественное восприятие все больше определяется этническими соображениями. Все получает определение в этнических терминах не

только среди населения страны, но и среди правительственных структур всех уровней... Такое развитие ситуации таит в себе потенциальную опасность, так как в этом контексте люди рассматриваются не как равные между собой человеческие существа, а как отличные друг от друга существа этнические»¹².

Заключая вышесказанное, следует отметить, что для усиления согласованности федеральной и региональной этнополитики необходимо:

1) завершить формирование единого правового поля и привести основные законы ряда республик в соответствие с нормой федеральной Конституции, утверждающей поликультурность неотъемлемой чертой российского общества;

2) не допускать, чтобы пропаганда культурного многообразия страны и ее регионов превращалась в манифестацию этничности, в систематическую демонстрацию культурной отличительности и этнических границ как важнейшую характеристику российского общества в целом и региональных сообществ в частности;

3) в практике региональной этнополитики сделать главный акцент не на фольклорно-фестивальной направленности мероприятий, демонстрирующих культурные отличия между этническими группами, а на интеграционных программах, показывающих историческое единство россиян, объективно сложившуюся поликультурность российского общества в целом и региональных сообществ, для чего активно использовать социальную рекламу, СМИ и школу. В программы школьного образования необходимо включить несколько уроков, имеющих важнейшее символическое значение. 1 сентября повсеместно следует проводить «Урок России», который должен начинаться с российского гимна, в проведении которого обязательно участие представителей государственной власти, а основным содержанием его должны стать рассказы о многообразии страны, сформировавшейся исторически, о созидании российской государственности совместными усилиями представителей многих ее народов. Накануне Дня российского единства и перед осенними каникулами в школах надо проводить «Урок единства», показывающий, что культурное многообразие страны отнюдь не отрицает ее единства, демон-

стрирующий исторический опыт этого единства. И конечно, обязателен «Урок малой Родины», целью которого должен стать показ того, что население каждого российского региона представляет собой сложное сообщество, и ни у кого нет исключительного права на владение им, поскольку поликультурность российских регионов сложилась исторически. Для включения институтов образования в систему реализации государственной национальной политики необходимо оперативно подготовить учебные пособия для учителей, которые бы помогли решить названную задачу;

4) необходимо создать эффективную систему подготовки кадров специалистов для региональных институтов этнополитики, исключив из этой системы этнически ангажированных «экспертов», которые часто являются сторонниками идей этнического национализма.

Примечания

---

¹ *Тишков В.А.* Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтнических государствах. М., 1994.

² Конституция Республики Карелия. [Электронный ресурс] URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_karel/

³ Конституция Республики Коми. Официальное издание Государственного Совета Республики Коми. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2014. С. 6.

⁴ Конституция Удмуртской Республики. [Электронный ресурс] URL: http://udmurt.ru/about/government/konstituz_o_pravit.php

⁵ Конституция Республики Башкортостан. [Электронный ресурс] URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_bashkor

⁶ Конституция Республики Северной Осетии – Алании. [Электронный ресурс] URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_osetiya/

⁷ Конституция Республики Ингушетия. [Электронный ресурс] URL: <http://ingushetia.ru/institute/constitution.php>

⁸ *Тишков В.А., Шабаетов Ю.П.* Этнополитология: политические функции этничности. 2-е изд., испр. и доп. М.: МГУ, 2013.

⁹ Штрихи этнополитического развития Коми республики: Очерки. Документы. Материалы / Сост. Ю.П. Шабаев. Т. 1. М.: ЦИМО, 1994.

¹⁰ *Тишков В.А., Шабаев Ю.П.* Этнополитология: политические функции этничности. 2-е изд., испр. и доп. М.: МГУ, 2013.

¹¹ *Шабаев Ю.П., Садохин А.П.* Региональный национализм: экспертный анализ идеологии этнических движений финно-угорских народов России. М.: DirectMEDIA, 2014.

¹² *Осипов А.Г., Сапожников Р.В.* Законодательство РФ, имеющее отношение к этничности. Концептуальные основы, содержание, проблемы реализации (справочный материал) // Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации М.: Немецко-русский обмен, 2004. С. 163.

М.М. Шахбанова (Москва)
*Институт истории,
археологии и этнографии РАН*
madina2405@mail.ru

Правовой статус малочисленных народов Дагестана: состояние и тенденции

Характерное для современности усиление миграционных процессов, «смешивающих» народы, культуры, языки, сопровождается страхом «раствориться» в крупных народах, поэтому для этнических общностей возрастает значимость сохранения своей этнокультурной самобытности, традиций, обычаев, национального языка и т. д. Особенно сильно таким тенденциям подвержены малочисленные этносы, которые в силу объективных и субъективных причин не в состоянии более сохранить национальное начало, вынуждены бороться за свою этническую идентичность.

Социально-экономические, политические преобразования современного российского общества сопровождались ростом этнической идентичности у народов, проживающих на территории России, и особенно ярко усиление этнической идентичности характерно для малочисленных дагестанских народов с требованием определить, во-первых, их этнополитический статус, во-вторых, признать их коренными малочисленными народами. Однако слабость экономического развития республики не позволяла им в полной мере реализовывать свои права и требования, которые большей частью имели этнический оттенок.

Вторая половина XX столетия характеризуется ростом процесса этнического, национального самоопределения,

возрастанием фактора самоидентификации, осознанием принадлежности к определенному народу, этнической общности. Интенсификация процессов этнической идентичности объясняется реакцией отставших в развитии народов на этнокультурное разделение труда, порождающее экономическую и технологическую экспансию более развитых народов, мировой социальной конкуренцией, в результате которой усиливается внутриэтническое взаимодействие, несмотря на унификацию материальной и духовной жизни, а также повышением влияния больших социальных групп в экономике и политике и облегчением процессов их сплочения благодаря средствам массовой коммуникации¹.

В современный период, несмотря на деятельность государства и политических деятелей, ставящих вопрос о приоритетности прав личности, этнические образования заявляют о своих коллективных правах. Следовательно, необходимо отказаться от политики унификации, строительства новых крупных «этнических общностей», объединенных вокруг новой «национальной идеи», потому что результатом может явиться ущемление статуса и интересов малых по численности народов, игнорирование их права на этническое самоопределение и сохранение национальной самобытности, ценностей и культуры. Кроме того, необходимо учитывать этническое самочувствие народов, ибо при потере социально-политических ориентаций осознание принадлежности к определенной этнической группе может отодвинуть на периферию иные ценностные ориентации.

Заметному обострению межэтнической ситуации и росту этнического фактора в республике способствовало принятие Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» (1991 г.), который негативно был воспринят насильственно переселенными в 1944 г. на территорию Чечено-Ингушетии дагестанскими народами. На фоне реабилитации проживающих в республике чеченцев-аккинцев, вопрос о материальной и духовной реабилитации своего народа неоднократно поднимается малочисленными народами, особенно дидойцами. Так, в Постановлении районного собрания Цунтинского района «О насильственном переселении дидойцев

в 1944 г. на земли репрессированных чеченцев, а в 1957 г. обратно» (10 марта 2005 г.) отмечается, что «в результате двойного насильственного переселения жителей нашего района в 1944–1957 гг. до сих пор нерешенными остались многие проблемы, вызванные бездушной национальной политикой прошлого и продолжающиеся по настоящее время, нанесен огромный моральный и материальный ущерб коренному малочисленному дидойскому народу, его генофонду. Вот так государство нарушило фундаментальные права человека и гражданина, попрало человеческие ценности и достоинство граждан и жителей исторически сложившихся вольных дидойских обществ. У нас есть достаточные основания утверждать, что дидойцы пострадали не меньше чеченцев и что они живут по сей день в гораздо худших условиях по сравнению с теми, на кого распространяются льготы, предусмотренные Законом РСФСР «О реабилитации репрессированных народов»². Поэтому цезы в своих обращениях заявляют о необходимости принятия Закона РФ «О насильственно переселенных народах на территории Российской Федерации» и предлагают при обсуждении законопроекта «О горных территориях Республики Дагестан» уделить внимание «восстановлению исторической справедливости, исправить ошибки, допущенные властями страны в 40-е – 50-е гг. прошлого века в отношении горских жителей Дагестана, возмещению морального и материального вреда, выплаты компенсаций»³. К проекту Закона РФ «О насильственно переселенных народах на территории Российской Федерации» по Республике Дагестан» было составлено «Финансово-экономическое обоснование компенсационных затрат за несохранившиеся домостроения» (2000 г.), которое, к сожалению, не нашло своего практического воплощения в жизнь и, как следствие, отрицательно отражается на этническом самочувствии принудительно переселенных народов республики и деформирует их этническую идентичность.

Несмотря на заявления и обращения представителей насильственно переселенных малочисленных дагестанских народов в самые различные структуры власти, меры по их реабилитации, к сожалению, не были приняты. Например, нерешенность этнических проблем дагестанских малочисленных

народов вынудила одного из активистов дидойского народа выступить в парламенте Грузии (2010 г.) с заявлением: «Дидойцы хотят стать гражданами Грузии». Заявление, приобретшее международный характер, было поддержано на общественном собрании дидойцев (4 января 2011 г.) с уточнением, что только такими методами можно было обратить внимание на этнические проблемы цезов. Ущемляющими права цезов этнолидеры дидойцев считают невключенность их в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, участие в выборах главы Цунтинского района представителей Бежтинского участка, который не подчиняется главе района, непредставленность дидойцев в структурах республиканской власти, впрочем, как и на местном уровне («Цунтинский район подвергается засилью начальников из недидойской национальности»), непризнание дидойцев репрессированным народом, невозможность учредить дидойскую республиканскую газету. В отличие от других малочисленных дагестанских народов, которые так ярко не обозначают свои этнические проблемы, цезы подчеркивают: «У нас, у дидойцев, великая история и самобытная культура! У нас совершенно другой язык и соответствующие нормальному этносу социальные и культурные запросы»⁴.

Подтверждением стремления дидойцев обратить внимание на свои этнические проблемы является митинг 17 мая 2011 г. с лозунгами: «Почему на основе архивных материалов 1944–1957 гг. до сих пор не придали дидойцам статус репрессированного народа Дагестана? В 1957 г. дидойцев лишили родного языка. Исправьте ошибку прошлых лет и верните дидойцам письменность, историю и культуру. 14 января 1957 г. против воли дидойцев в систему образования ввели аварский язык как родной... и только в 2002 г. мы отделились и обозначили себя дидойцами»⁵.

Нераспространение на свою этническую общность положений Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» андо-цезские народы рассматривают как ущемление своего этнического положения и статуса, поэтому трансформация их этнической идентичности проявляется через требование определить их

особый статус как коренного малочисленного народа с апелляцией к вышеназванному закону. В этой связи представляется необходимым рассмотреть особенности применения положений вышеназванного закона к малочисленным дагестанским народам.

Российская Федерация – полиэтническое государство, в котором проживает свыше 140 народов, в том числе 65 малочисленных, из них 30 коренных малочисленных народов Севера, в той или иной степени сохраняющих свой традиционный хозяйственный и культурный уклад жизни⁶. Основными международными документами в области прав человека и национальных меньшинств являются Декларация ООН «О правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам» (1992 г.), Рамочная Конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств (1995 г.). Среди принятых актов для России значимы Рекомендация Комитета министров Совета Европы «О преподавании языков сопредельных государств в приграничных регионах» (2005 г.) и «Модельный закон о языках» (2004 г.) – документ Содружества независимых государств (СНГ), имеющий отношение к защите прав национальных меньшинств. Однако следует признать, что в самой России нормативно-правовые акты, направленные на защиту прав этноменьшинств, в настоящее время немногочисленны. К ним можно отнести Конституцию, Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), Протокол № 1 (1952 г.), Протокол № 4 (1963 г.), Протокол № 7 (1984 г.), Федеральные законы «О библиотечном деле» (1994 г.), «О национально-культурной автономии» (1996 г.), «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (1999 г.), Указ Президента РФ «Об утверждении стратегического курса Российской Федерации с государствами – участниками Содружества Независимых Государств» (2005 г.).

Россия подписала и ратифицировала международные документы, имеющие отношение к защите национальных меньшинств: Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948 г.), Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации

(1965 г.), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.), Конвенцию о пресечении преступления апартеида и наказании за него (1973 г.), Конвенцию о правах ребенка (1989 г.), Рамочную Конвенцию о защите национальных меньшинств (1995 г.), Всеобщую Декларацию ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001 г.). В то же время в России практически не учитываются рекомендации, разработанные экспертами ОБСЕ в рамках деятельности комиссара по правам этноменьшинств, к числу которых относятся Гаагские рекомендации о правах национальных меньшинств на образование (1996 г.), Ословские рекомендации по языковым правам национальных меньшинств (1998 г.), Лундские рекомендации об эффективном участии национальных меньшинств в общественно-политической жизни (1999 г.). В этой связи совершенно правомерно утверждение, что «основная тенденция современной политики России в области этнокультурного развития и защиты языкового разнообразия состоит в повышении роли просветительской и образовательной работы, и в этом направлении все более активна деятельность структур гражданского общества»⁷.

В Законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» отмечается, что коренными малочисленными народами России являются народы, «проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тыс. чел. и осознающие себя самостоятельными этническими общностями». В настоящее время важным является определение правового статуса малочисленных дагестанских народов; уточнение того, по каким критериям их относят к категории «коренные малочисленные народы». В отличие от России проблема коренных малочисленных народов широко разрабатывается в зарубежных государствах. Так, в большинстве рабочих определений, используемых международными организациями (МОТ, рабочая группа по коренному населению Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств Комиссии по правам человека Эко-

номического и Социального Совета ООН, Всемирный Банк и т. д.), выделяются критерии отнесения конкретных групп к категории «коренных»: 1) самоидентификация, 2) недоминирующее положение, 3) преемственность с прежним населением страны, 4) связи с территориями предков, 5) особый образ жизни и экономический уклад, связанный с хозяйством присваивающего типа⁸.

В 2001–2005 гг. операционная политика Всемирного Банка в отношении коренных народов еще раз подверглась пересмотру и уточнению. Новая политика была отражена в Операционной директиве Банка 4.10 (2005 г.). В соответствии с уточненной дефиницией «терминами “коренной народ”, “коренные национальные меньшинства”, “группы племен” и “официально зарегистрированные племена” определяются социальные группы, обладающие социальными и культурными особенностями, отличающимися от доминирующих групп общества, что подвергает их риску оказаться в неблагоприятном положении в процессе развития. Социально-экономический статус многих подобных групп ограничивает их возможности в отношении защиты своих интересов и прав на землю и другие производственные ресурсы или участия в процессе развития и получения выгод от него»⁹ (см. табл. на с. 116).

Проблеме самоуправления и самоопределения малочисленных коренных народов посвящено множество работ, внушительен объем специальных публикаций, освещающих исторический и современный опыт решения этих проблем в России, потому что «проблемы самоопределения и самоуправления относятся к числу наиболее острых и – если говорить о ситуации с правами коренных народов в целом – до сих пор не нашедших удовлетворительного решения проблем современного конституционного и международного права. Из всех требований коренных народов к правительствам государств и международным организациям, пожалуй, лишь попытки реализации права на землю встречают столь же упорное сопротивление властей. Причины такого положения – не только незаинтересованность правительств, политических и экономических элит в удовлетворении противоречащих их интересам требований, но и весьма устойчивые стереотипы

Таблица

Сравнение критериев, используемых в определениях коренных народов в международном праве и российском законодательстве¹⁰

Критерии	Самодентификация	Особый образ жизни, этнономический уклад	Отличия от других групп, этнокультурная самобытность	Связь с территорией предков	Уязвимость, депривированность, недоминирование
Источник определения					
Конвенция МОТ № 107 (1957)	–	√	√	√	√
Конвенция МОТ № 169 (1989)	√	√	√	√	–
ООН (определение Мартинеса Кобо)	√	–	√	√	√
Операционное заявление Всемирного Банка 1982 г. (OMS)	–	√	√	√	–
Операционная директива Всемирного Банка 1991 г. (OD)	√	√	√	√	√
Операционная директива Всемирного Банка 2005 г. (OD)	√	√	√	√	√
Российское законодательство	√	√	√	√	√

мышления и клише, сложившиеся еще в эпоху колониализма и с тех пор мало изменившиеся»¹¹. В современной научной литературе под правами национальных меньшинств понимается признание того факта, что национальные особенности дают меньшинствам особые коллективные права. Попытки разработать приемлемые определения «права коренных народов» обычно приводят к утверждению о связи этих народов с землями, где они живут и трудятся «с незапамятных времен», и непростому политическому вопросу, действительно ли они владели землей или же обладали на нее иными правами¹².

Признание определенных прав коренного населения на землю было официально провозглашено в 169-й Конвенции МОТ (1989 г.), во второй части которой речь идет о земельном праве коренных малочисленных народов, причем особое внимание уделяется коренному населению, живущему за пределами традиционных территорий.

В 1924 г. при правительстве России в целях законодательной и экономической защиты интересов народов Севера был создан Комитет содействия народам северных окраин. Помощь государства этим народам предполагалось продолжать до тех пор, пока каждая из малых народностей Севера «не дорастет до самостоятельности в виде самоуправляющейся хозяйственной и политической единицы». В 1925 году был законодательно закреплен список «малых народов Севера», который впоследствии послужил основой для создания известной в советском законодательстве новейшего времени группы из 26 народов. Эти народы объединялись в одну группу на основании следующих критериев: 1) относительно малая численность, 2) ведение традиционных отраслей хозяйства, 3) образ жизни, 4) низкий уровень социально-экономического развития. Кроме того, данные народы характеризовались известным своеобразием системы ценностей, ведущим к неприятию привносимого и навязываемого образа жизни, и относительной изоляцией от административных и экономических центров¹³.

Риторика «вымирания» малочисленных сообществ, фокусирующая внимание на численности группы, диктовала государству принятие комплекса мер по защите малочис-

ленных групп и создавала “естественную шкалу” для разделения всех автохтонных групп на “находящихся под угрозой вымирания” и “благополучных”. Своеобразным пережитком этой логики в современном российском законодательстве является принятие 50-тысячного порога численности в ст. 1 Закона “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации” (1999 г.), воспроизведенного также в ст. 1 Закона “Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири, Дальнего Востока Российской Федерации” (2000 г.) и в ст. 1 Закона “О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири, Дальнего Востока Российской Федерации” (2001 г.). Введение этого критерия на исходе XX столетия объясняется необходимостью разведения и различения понятий “коренной народ” и крупных групп автохтонного населения, хорошо интегрированных в политическую и экономическую системы страны»¹⁴.

Если обратиться к историческим фактам, то процесс принятия Закона РФ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» был довольно сложным. В 1995 г. Государственная Дума разработала Закон «Основы правового статуса коренных малочисленных народов России», который дважды не был принят с мотивацией о несоответствии ряда положений закона нормам Конституции. 22 мая 1996 г. Государственная Дума принимает его в третьем чтении, а 5 июня того же года он был отклонен в Совете Федерации России. И только 16 апреля 1999 г. Государственная Дума приняла Закон с формулировкой «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», который был одобрен Советом Федерации и подписан президентом России (30 апреля 1999 г.).

Принятие вышеназванного закона активизировало деятельность этнолидеров малочисленных дагестанских народов, в том числе и андо-цезских. Правительство РФ приняло Постановление «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» (2000 г.) и предложило правительству Дагестана подготовить и представить в Госсовет республики предложения о проживающих на территории

Дагестана коренных малочисленных народах для последующего включения их в Единый перечень. 18 октября 2000 г. на заседании Госсовета РД рассматривались особенности применения Закона РФ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». С информацией выступил министр по национальной политике, информации и внешним связям М.М. Гусаев. Суть проблемы в том, что изначально данный закон готовился для малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, которым в силу ряда факторов грозило физическое исчезновение. При обсуждении проекта закона депутаты Госдумы РФ трансформировали его и расширили, гарантировав права малочисленных народов, проживающих в исконных местах обитания по всей стране. В связи с этим под действие закона попадают дагестанские народы. Но тут обоснованно возникает вопрос: «Какие народы Дагестана должны быть признаны малочисленными?». В законе записано, что таковыми могут считаться те народы, численность которых не превышает 50 тыс. чел. Вместе с этим, учитывая этническую уникальность Дагестана, по настоянию руководства республики в него включен пункт, который дает право Госсовету Дагестана самому определять, какие народы республики признать малочисленными.

При решении данного вопроса были предложены три варианта: 1) признать малочисленными народами только агульский, татский, рутульский и цахурский, численность которых соответствует критерию, установленному в федеральном законе; 2) вообще отказаться от этого статуса для народов Дагестана, чтобы не обострять межэтническую ситуацию в республике; 3) все народы Дагестана, указанные в его Конституции, признать малочисленными. Каждый из этих вариантов имеет свои преимущества. Вопрос о признании того или иного народа малочисленным коренным народом, проживающим на исконно традиционной территории обитания, далеко не праздный. Помимо некоторых преимуществ в решении социально-экономических проблем, закон предусматривает гарантии по квотированию представительства малочисленных народов в органах власти. Последнее обстоятельство очень важно для республики с учетом ее многонационального состава. Вместе с тем

нельзя игнорировать и то, что если не все народы Дагестана будут признаны малочисленными, фактически получится, что, к примеру, лакское население, традиционно проживающее в среде рутульского народа в Рутульском районе, окажется лишены некоторых преимуществ в социально-экономическом развитии, которыми по закону станет пользоваться малочисленный рутульский народ. Этих примеров в республике немало, и они, возможно, могут стать причиной некоторого раздора и трений между народами¹⁵.

После дискуссий, на основании Постановления Госсовета РД (18 октября 2000 г. № 191), статусом коренных малочисленных народов наделены титульные народы республики (аварцы, агулы, азербайджанцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, ногайцы, русские, рутульцы, таты, табасаранцы, цахуры, чеченцы-аккинцы), соответственно народы андо-цезской и даргинской группы признаются малочисленными народами в составе аварцев и даргинцев. Далее в республиканском Законе «О территории компактного проживания коренных малочисленных народов Республики Дагестан» (30 января 2003 г.) записано: «Признать территорией компактного проживания коренных малочисленных народов Республики Дагестан всю территорию Республики Дагестан», и кроме принятия данного закона в отношении малочисленных народов органами государственной власти Дагестана, к сожалению, ничего не было сделано.

Закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» был неоднозначно воспринят в республике по ряду причин. Во-первых, многонациональность Дагестана и вытекающее отсюда политическое устройство установились в течение долгого периода времени и не подвергались каким-либо значительным изменениям, а принятие данного закона требует кардинальных преобразований именно в этой сфере, и какие последствия могут быть, никто не берется предсказывать. В настоящее время официально в категорию малочисленных этносов и обладающих этим правом национальностей с численностью менее 50 тыс. человек включены четыре этноса: агульцы, рутульцы, цахуры и таты. Однако количество самостоятельных в этнокультурном и, самое глав-

ное, в языковом отношении этносов в Дагестане, численность которых не превышает численность вышеназванных этносов, значительно больше, в частности андо-цезская и даргинская группы (ко второй относятся два самостоятельных в языковом отношении и компактно проживающих народа – кубачинцы и кайтагцы).

Принятие закона о малочисленных народах, особенно если численность народа больше, активизирует деятельность их национальных лидеров, могущих поставить вопрос о национальном самоопределении, следовательно, неизбежен вопрос об участии в политической структуре, необходимости включения в список официально признанных народов республики (в настоящее время их 14, следовательно, придется добавить к ним еще 19). Опасение вызывает то, что включение андо-цезских народов в структуру титульных этносов республики еще больше увеличит количество аварцев в политической системе Дагестана. Неменьшее опасение вызывает и то обстоятельство, что наделение народов, входящих в состав андо-цезской, даргинской и лезгинской группы, статусом малочисленных и соответствующими льготами для хозяйственного и культурного развития неизбежно спровоцирует межэтническое обострение на территориях проживания малочисленных народов с другими дагестанскими этносами, которые могут поставить вопрос о защите их национальных интересов. Например, аварцы, проживающие в Цумадинском, Ботлихском и других районах совместно с андо-цезами, или же лакцы и лезгины в районах проживания малочисленных народов (Рутульский район) могут поднять вопрос о защите своих национальных интересов с мотивацией, что они проживают в таких же климатических и географических условиях, что и выделенные народы, следовательно, в неменьшей степени нуждаются в экономической и культурной поддержке и помощи. Прямая политизация показателя национальной принадлежности породили в республике две проблемные тенденции, которые имели непосредственное отношение к переписи населения 2002 г.: «появилась и крепнет ориентация среди представителей малочисленных этнических групп, входящих в состав наиболее крупных дагестанских национальностей, выделиться из их

состава и приобрести самостоятельный этнический статус. Смысл этой ориентации совершенно ясен: приобретение статуса отдельной национальности открывает для неформальных лидеров этих малочисленных этносов включение в “список дагестанских национальностей”, что обеспечивает гарантированный в определенных пределах допуск к важным политическим должностям. Наиболее эффективным способом, которым можно этого добиться, служит включение отдельной графой накануне Всероссийской переписи 2002 г. своей этнической группы в “список народов России”, что ведет к превращению этой группы в “самостоятельную национальность”¹⁶.

В настоящее время, по сути, у всех юридически «непризнанных» этносов Дагестана есть инициаторы движения за признание самостоятельного этнического статуса. В период переписи населения 2002 г. развернулась деятельность национальной интеллигенции, направленная на фиксацию своей реальной этнической принадлежности: в газете «Дидойские вести» распространялись призывы указывать в качестве национальности не «аварцы», а «дидойцы» или «цезы», а в качестве родного языка – «дидойский». В ней же было опубликовано письмо С.А. Арутюнова, посвященное этническому статусу дидойцев. Аналогичную картину можно было наблюдать в Цумадинском и Ботлихском районах, где проживают малочисленные народы республики. В переписи 2010 г. картина кардинально изменилась: самоидентифицировались ботлихцы, которых не было во Всероссийской переписи 2002 г. Таким образом, проблема правового статуса малочисленных дагестанских народов, к сожалению, не нашла своего разрешения; между тем надделение этих народов таким статусом позволило бы решить их социально-экономические, культурные, этнические проблемы, а следовательно, стабилизировать сферу межнациональных отношений в республике.

Примечания

---

¹ *Воронина Н.И.* Идентичность и толерантность в многокультурности российской культуры // *Толерантность в культуре и процесс глобализации.* М., 2010. С. 393.

² Открытое письмо «Восстановите историческую справедливость» // Новое дело. 2010. 12 нояб. № 45. С. 25.

³ Там же.

⁴ *Султанов-Барсов М.* Сердечный факел... // Настоящее время. 2011. 18 февр. № 6 (174). С. 1–2.

⁵ Дидойский протест // Республика. 2011. 20 мая. С. 5.

⁶ См.: *Соколова З.П.* Перспективы социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов Севера (концепция развития) // Расы и народы. Вып. 28. М., 2002.

⁷ *Степанов В.В.* Поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 103–104.

⁸ *Соколовский С.В.* Коренные народы: от политики стратегического эссенциализма к принципу социальной справедливости // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 63.

⁹ Там же. С. 67.

¹⁰ Там же. С. 68.

¹¹ *Соколовский С.В.* Проблемы самоопределения и самоуправления // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 17.

¹² *Соколова З.П.* Перспективы социально-экономического и культурного развития... С. 97.

¹³ *Соколовский С.В.* Проблемы самоопределения и самоуправления // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 20.

¹⁴ *Соколовский С.В.* Коренные народы: от политики стратегического эссенциализма к принципу социальной справедливости // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 60.

¹⁵ *Магомедов А.* У народов Дагестана одна судьба // Дагестанская правда. 2000. 19 окт. С. 1.

¹⁶ [Электронный ресурс] URL: http://eawarn.ru/pub/EthnoCensus/WebHomePutPerepis/put_perepis05.htm (дата обращения: 11.11.2012).

В.К. Шабельников (Москва)

*Российский государственный
гуманитарный университет*

Национальная политика как психологический фактор целостности России

В основе национальной политики России должно лежать понимание социально-психологических механизмов организации общества, понимание *уникальности России* как особой социальной системы, принципиально отличающейся по своей природе и мировой функции от большинства других стран мира. Социальные механизмы организации России определяются, с одной стороны, историческими процессами, создавшими Россию как уникальное государство, объединившее десятки этнических систем на территории Европы и Азии, а с другой стороны, социальной функцией России в развитии мировых процессов, особой мировой миссией России. На фоне разрастания экономических, религиозных, культурных и этнических конфликтов в Азии, Африке, Европе и Америке, угрожающих человечеству, мировая миссия России в решении национальных проблем и объединении народов становится особенно важной.

Принципиальные отличия организации этнических и государственных систем

Особая значимость России в мировом пространстве создается тем, что *именно в России сотни лет существует сложное взаимодействие целостной государственной системы*

с сохранными этническими системами, несущими в своих культурах особые смыслы и ценности жизни, традиции и специфические основы развития личности. Сложность этого взаимодействия определяется тем, что *логика функционирования этнических систем имеет качественно иную природу, чем логика организации государств*. Этнические системы определяются в образе их жизни биосферными, природными условиями. Этносы изначально формируются на основе родовых связей и несут в истоках своего мировоззрения поклонение природе и природным богам. Этнические культуры и психология отражают опыт жизни людей в тех или иных природных регионах, что придает особую значимость традициям жизни народов. Родовые системы формируют векторы жизни, связанные с утверждением человека в семье, приучают защищать интересы семьи, воспринимая окружающий мир как довольно опасный и враждебный. Национальные традиции содержат множество психологических механизмов, обеспечивающих включенность каждого человека именно в свою этническую систему. Это и привязанность к родителям, любовь к матери, потребность иметь защиту потомства и пр. Функции рождения и воспитания детей в родовых традициях определили здесь главенствующую роль женщин. Даже перестройка этнических систем по линии мужских родов не отменила главенствующую роль женщин в формировании национальной психологии.

Государственные системы формируются на основе иной логики жизни, чем этнические системы. Изначально государства возникают в ходе конфликтов этнических систем, в их борьбе за право обладать природными территориями, рождаются в ходе войн между родовыми группами. В основе организации государств лежит военная деятельность, создающая воинские иерархии. Структуру государств обеспечивают воины и чиновники, занятые не только завоеванием территорий, но и подавлением конфликтов этнических групп, объединяемых в государство¹. Государства защищают родовые группы, но государства вынуждены подавлять силы этнического сепаратизма, разрушая психологические основы автономности этносов.

Организация *включения людей в жизнь государств* является одним из главных направлений политики государств во взаимодействии с этносами и любыми национальными группами. Важным основанием включения как отдельных людей, так и национальных групп в систему государства является *яркий психологический образ государства*, формируемый в культуре страны, утверждение значимой роли государства в обеспечении жизни людей.

Государства формировались для защиты от внешних угроз и организации хозяйственных функций. Государства всегда определяют свою значимость тем, что укрепляют свой имидж, утверждая свое преимущество по сравнению с другими государствами, готовыми принять этнические группы под свою опеку, расширяя свои права на управление этими группами. *Работа по объединению общества предполагает постоянную и убедительную презентацию смысла включения каждой этнической группы именно в данное государство.* Не только этносы, но и каждый человек направляют свою активность на социально задаваемые смыслы жизни. И это ставит ключевой вопрос для любого государства. Как это государство формирует смыслы включения активности граждан и этнических групп в систему именно своего, а не иного государства? В чем значимость данного государства для населения? И почему народам лучше быть частью именно этой, а не другой страны?

В эпохи межэтнических и религиозных войн государственные системы демонстрируют свою мощь в военной сфере, что создает у людей мотивы защищать свою жизнь путем включения в государство. Еще одним мотивом служить государственной системе было сословное неравенство, отражающее роль каждого в структуре государства. Кроме того, государства приняли на себя роль мистического посредника во взаимодействии с мировыми силами, управляющими их жизнью. Формирование государственного мировоззрения сопровождалось борьбой с родовыми мифами, лежавшими в основе организации этносов, борьбой с культами богов природы. Вместо культов природы и культа матери государства создавали культы героев войны, культы богов, похожих не на

силы природы, а на государственных правителей, требующих социального восхваления и почитания. Теперь истоки жизни связывались не с образом матери, а с образом Бога, способного даровать людям вечную жизнь.

Расширение империи Рима в начале нашей эры привело к тому, что большая часть населения уже не могла быть включена в государство в качестве воинов или чиновников, а заняла положение нижнего сословия. Культы воинственных римских богов оказались чуждыми новой массе населения. Близким для этих людей стал образ Христа, не включенного в государственные иерархии, более связанного с мистическими силами и выражавшего оппозицию государственной структуре Рима. Отрывавшиеся от своих родовых корней, но не достигавшие успеха в государстве, жители империи находили в христианстве духовную поддержку. С другой стороны, проповедь терпения, отказ от агрессивного поведения, культивируемые христианством, устроили и государственную власть Рима, что позволило придать христианству статус государственной религии². *Кризис и распад Римской государственной системы* в XI–XVI вв. был связан со *снижением значимости военной активности* и социальной функции военно-аристократических структур. Особую роль сыграло разочарование ожиданий второго пришествия Христа, охвативших Европу к завершению тысячелетия христианской эры. Кризис надежд привел к росту социальной агрессии и вначале вылился в крестовые походы, а затем привел к реформе религии, к упадку стремления людей включаться в государственные и религиозные структуры, привел к поискам новых смыслов жизни. Новые смыслы жизни были связаны с поиском новых векторов мотивации, с противостоянием людей обществу и государству, с мотивами свободы и самоутверждения. Культ религии и государства сменился культом личности, самоутверждения и обогащения. *Стремление к будущему, создаваемому своими силами, выразило новый вектор деятельности людей.* Это стало стимулом мощного развития экономики и придания экономике статуса основной государственной деятельности.

Национальная и государственная специфика России

«Российская Федерация является одним из крупнейших многонациональных (полиэтнических) государств мира» («Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», п. 9).

В этнической системе жизнь человека определяется не его личными планами, замыслами и решениями, а связями с родственниками, традициями и обычаями. Стабильные родовые структуры и строгая детерминация действий человека мнением окружающих напоминают связанность атомов в структуре кристалла. В таких социальных системах человек действует как часть семьи, этноса, рода. Он прочно связан с родом психической зависимостью, движим в поступках мнением семьи. Ему не нужно самому планировать деятельность, выбирать место жительства, профессию, супруга. Родовой тип жизни имеет прочные многоуровневые иерархии, где каждому, в зависимости от возраста и положения, задается содержание действий и форма поведения. А более независимая от родовой организации активность представителей западного общества, склонных к автономности и социальным миграциям, напоминает траектории движения молекул в жидкости. Тысячи лет народы Европы переживали войны и миграции, разрушавшие родовые структуры и формировавшие у людей индивидуализм, противостояние личности социуму, мотивацию стремления к личностному самоутверждению. За эти столетия были разрушены психологические основы этнических систем, на базе которых формировались европейские государства.

Российское государство имеет другую историю и иную структуру. Оно не формировалось на основе войн между этническими системами. Благодаря суровому климату, морозам и степным засухам Россия не представляла собой территории, привлекательной для ее захвата, не была страной, благоприятной для заселения мигрирующими народами. Здесь не было тысячелетий разрушения родовых общин. Сложные условия морозных лесов и степей требовали укрепления общинной жизни, сохранения родовых традиций и обычаев. В суровых

условиях сохранились этнические группы, основной формой жизни которых было приспособление к природе. Все это сформировало и особый тип психологии людей. Низкий уровень социальной активности, открытость к приходящим, радость от встречи с путником на территориях, грозивших гибелью этносу не от захватов, а от дисперсии, от рассеивания и потери связи людей с другими группами, от вырождения из-за генетического смешивания родственников. Излишняя хозяйственная активность могла вести к нарушению биосферного равновесия. Поэтому активность личности не была ценностью в мифах и подсознании народа.

В отличие от Центральной Африки, Китая или Индии Россия не была изолирована горами, морями или пустынями от влияния народов, живших в Европе и в Азии в условиях дестабилизации традиционных форм жизни. Соседство России с Европой, наполненной войнами, миграциями и преобразованиями, сделало ее страной, открытой для проникновения волн «таящих» европейских структур. Процесс «таяния» социальных систем, идущий в Европе несколько тысячелетий, кризис европейской религиозно-государственной системы XI–XVII вв. привел к выплескам на территорию России энергичных волн социальных миграций шведов, немцев, итальянцев. Регион России был открыт влиянию народов с более агрессивными формами психологии и социальной организации. Это влияние шло не только через военные набеги, но и в виде миграций отдельных групп людей, путем переноса форм идеологии, религии и власти, сформировавшихся в более нестабильных регионах планеты.

Система государственной организации была импортирована в Россию. Общинные народы стали пространством для распространения культуры мигрирующих европейцев. Этнотипы России не были такими жестко организованными и культурно закрытыми, как народы Азии, не противопоставили европейцам своей религии и идеологии, были открыты и географически, и психологически для совместного проживания. Россия импортировала не только схемы государственного устройства, идеологию и религию, но и людей, способных выполнять нужные государственные и идеологические функции. *Сформированный над этносами каркас государственной власти возник не путем*

внутренней перестройки народов. Государственные структуры веками надстраивались над сохранными этническими системами, создавая в России уникальное *двухуровневое общество.* Россия имеет особую функциональную природу, не позволяющую отнести ее ни к «жидким», ни к «твердым» социальным системам. У нас сохраняется множество этнических систем, связанных между собой «жидким» надэтническим слоем общества. Национальная политика неслучайно является одним из главных моментов жизни российского общества. В отличие от европейских стран, либо разрушивших свои этнические корни, либо отделившихся как моноэтнические образования, Россия сохраняет многоуровневую организацию, включающую в себя множество национальных групп. В этом состоит особенность российского общества, и этим определяется важность и сложность национальной политики.

Сегодня при организации национальной политики много говорится о сохранении языков и жизненных укладов народов. *Но менее всего анализируются смыслы жизни и векторы судьбы, которые лежат в основе национальных специфических форм жизни людей,* те базисные ценности и устремления, которые закладываются национальным воспитанием детей в семье. Насколько эти с детства закладываемые мотивы и смыслы жизни согласуются с организацией современного мира и современной России? При чем речь идет как о смысловых программах жизни каждого индивида, формируемых национальной культурой, так и о смысловых векторах всего народа как целостного организма. Какие психологические основы объединяют отдельный народ, включая каждого его представителя в общие векторы жизни этого народа?

Психологические проблемы многоэтнического государства

«Многообразие национального (этнического) состава и религиозной принадлежности населения России, исторический опыт межкультурного и межрелигиозного взаимодействия, сохранение и развитие традиций проживающих на ее

территории народов являются общим достоянием российской нации, служат фактором укрепления российской государственности, определяют состояние и позитивный вектор дальнейшего развития межнациональных отношений в Российской Федерации» («Стратегия...», п. 12).

Поскольку государственная система России не родилась как результат исторического размывания этнических систем в ходе их конфликтов, а надстроилась над этими системами как дополнительная внешняя структура, в социальных группах России, охраняющих свои этнические основы, сохранилось безразличное, отчужденное, а порой и враждебное отношение к государству и его политике. Государственная организация общества требует подчинения людей военной и экономической деятельности, юридически оформленным законам, а в идеале – подчинения людей государству. А этносы сохраняют в своей основе семейно-родовые ценности жизни.

Двухуровневая организация общества создает массу проблем в организации России. Конфликт государственных и национальных структур имеет общесистемный характер. Национальные системы создают свои идеологии, противопоставляющие их другим нациям и государству. Любая живая система охраняет свою целостность, отделяя себя от своего окружения. Этносы сохраняют свою целостность, противопоставляя себя другим социальным образованиям. Этнические системы направлены на сохранение родовой целостности и сохраняют себя благодаря отчуждению от форм жизни и культуры других народов, с детства формируют у каждого своего члена психологическую защиту от влияния других этносов или государства. Народы России с самого начала стали воспринимать государственную власть как чужеродную структуру. Дворяне, бары, чиновники, с одной стороны, и народ, с другой стороны, представляли собой как бы разные народы, с разной культурой и психологией. Кажется, ни в одном из языков мира нет термина, точно соответствующего русскому понятию «народ». Опорой власти в России стал наднациональный слой общества, создавший свою культуру и свои традиции, не похожие на культуры этнических общин. Помимо мигрантов, становившихся русскими, опорой государства

стали выходцы из местных этносов, преодолевавшие жесткую включенность в этнородовые структуры.

Природная оппозиционность к власти появляется у нас не только в психологическом отчуждении массы людей от действий государства, но и в склонности к криминальному образу жизни. Жить по законам государства или жить «по душе» и «по понятиям» – это привычная для российских людей двойная мораль, двойная этика и особая логика жизни. Уже с самого начала формирования российского государства зависимость от семейных родовых привязанностей лежит в основании мотивов коррупции и нарушения своих государственных обязанностей даже чиновниками высших рангов. Часто коррупция и нарушение законов оправдываются стремлением обеспечить жизнь своих близких, любовью к семье. Особенно жестко противостояние этнических систем России и государства проявляет себя при ослаблении государственной системы. В периоды революций, при кризисе государства возрастает воинственность националистических групп во многих регионах России, а ослабление государства в 1985–1991 гг. привело к распаду СССР.

Про национальную и рефлексивную культуру

«...недостаточность образовательных и культурно-просветительских мер по формированию российской гражданской идентичности, воспитанию культуры межнационального общения, изучению истории и традиций народов России, их опыта солидарности в укреплении государства и защиты общего Отечества» («Стратегия...», п. 15, д).

Есть глубокая разница между этническими культурами, поддерживающими сохранность и целостность этнических систем, и полиэтнической культурой, обеспечивающей объединение этносов и взаимодействие разных национальностей государства. Национальная культура существует в виде традиций жизни и психологии национальных групп, передается через семейное воспитание, основана на эмоциональных свя-

зях людей. Глубоким отличием этнических систем от общества западного типа выступает бытовой характер их культуры и ее *нерефлексированность*. Такой тип культуры существует не в виде особых произведений культуры, а в фиксированных системах межчеловеческих связей и отношений, со своими обычаями и правилами поведения. В основе жестких систем таких связей лежит общий тип деятельности этноса, сохраняющийся на протяжении столетий. Этнические группы развивают в своей культуре спорт, традиционные танцы и песни, несущие свои ритмы и интонации, выражающие эмоциональный характер народа и объединяющие людей. Этнические группы укрепляют свою целостность на основе традиций и привязанностей, закрепленных в бессознательной сфере.

Иной тип культуры – это полиэтническая *рефлексивная культура*, отображающая и анализирующая жизнь людей в образах, в текстах, в живописи, в театре, в кино. Рефлексивная культура формируется на стадии взаимодействия и соединения разных этнических групп. В моноэтнических системах отсутствует столкновение разных мировоззрений и позиций, необходимое для восприятия людьми своей жизни как бы на экране иного мироощущения. Родовые системы избегают развития рефлексивного сознания своих членов, осознания своей специфики, бессознательно ощущая в анализе своих оснований угрозу своей стабильности, угрозу традициям и психологической включенности людей в этнические формы жизни. Наиболее закрытыми для критического анализа в родовых системах являются особенности семьи, рода, образы родителей, особенно матери³. Отрыв людей от родовой зависимости связан с развитием рефлексии, способности к самоанализу, с осознанием ограниченности этнических норм. Рефлексия возникает при восприятии человеком противоречивых взглядов и позиций, при необходимости соотнести их в своем мироощущении. Неслучайно формирование государственных систем и кризис этнической зависимости людей всегда сопровождалась в истории развитием форм рефлексивной культуры: театра, живописи, философии, художественной литературы.

Российская культура является одной из наиболее сложных из всех мировых культур. Сохранность этнических групп

с их национальными векторами жизни веками создает сложное противоречивое взаимодействие мировоззрений, эмоциональных складов и форм поведения. Разная устремленность национальных групп России, сохраняя угрозу этнических конфликтов, создает возможности взаимной рефлексии народов, позволяет при взаимодействии с людьми другой национальности понять особенности своей этнической культуры, расширяет мировоззрение людей, формируя у них способность воспринимать любую ситуацию с разных точек зрения⁴.

Одним из главных методов формирования государственной психологии и рефлексивного сознания выступает *образование*. Как особая деятельность, образование не требовалось в родовых этнических системах. Практическим навыкам дети обучались в жизни, включаясь в хозяйственную жизнь семьи. Образование же было направлено на формирование нового типа сознания, на формирование мотивов и смыслов жизни, выводящих человека от родовой зависимости. В Древней Греции, в государствах Европы и в царской России аристократы, философы и дворяне обучались не для того, чтобы трудиться, а для того, чтобы понимать логику развития мира и защищать интересы своего государства. Образование давалось в школах, в академиях и монашеских орденах. Оно отрывало человека от родительской семьи, формировало рефлексивное сознание и государственное мировоззрение, отличное от мировоззрения родовых общин. Обучение способности анализировать события на основе текстов и рациональных схем всегда было технологией формирования государственной полиэтнической культуры. Девальвация системы образования, превращение образования лишь в обучение профессии, является одним из методов разрушения государственного мировоззрения.

Про Кавказ. Этноты России

«Достигнуты существенные результаты в обеспечении политической стабильности на Северном Кавказе, созданы правовые гарантии прав коренных малочисленных народов, сделаны существенные шаги по развитию национально-куль-

турной автономии, по обеспечению прав граждан и национальных (этнических) общностей в сферах образования и развития национальных языков» («Стратегия...», п. 13).

Северный Кавказ – это зона наиболее сохранных и жестких этнических систем. На небольшой территории сохраняются и не стремятся к слиянию с более широкими национальными сообществами десятки этнических групп. Здесь сохранны жесткие родовые структуры, со всеми психологическими особенностями этнических систем. Прежде всего – это защита сознания членов этнических групп от принятия и ассимиляции окружающих культур – как культур других народов, так и государственной полиэтнической культуры. Высокая ценность родовых традиций и семейных ценностей поддерживается сложными технологиями защиты сознания людей от принятия ценностей и образа жизни других групп. Раздробленность населения на мелкие этнические группы связана со сложностями горного ландшафта, препятствующего свободным миграциям и смешению народов. Второй особенностью Кавказа является отсутствие обширных свободных земель, пригодных для заселения и сельскохозяйственной деятельности. Это провоцирует борьбу родовых групп за свои территории. Родовая организация проявляется как в сложной ритуальной организации жизни, так и в особой агрессивности поведения не только мужчин, но и женщин. Эта агрессивность обоснована постоянным напряжением межродовой борьбы за право владеть землей и жить на ней. Отсюда и сложные межродовые отношения, традиции кровной мести, строгие нормы адата и пр.

Формируя высокую ценность родовых структур, защищающих свою целостность, этнические культуры формируют у многих людей неприятие не только полиэтнической культуры и государственной системы России, но и традиций и культур других народов. Основные усилия российской власти были направлены на силовое подавление терроризма и агрессии боевиков. Но боевики и террористы – это тоже продукт семейного воспитания, где важную роль играют женщины. Высочайшее уважение к материнскому образу, к позиции матери отличает все этнические культуры, а особенно кавказские.

Невозможно решать национальные проблемы, устранять корни агрессии и терроризма, не учитывая, что *эти корни в большей мере лежат в психологии женщин, а не мужчин*. Женщины в родовых семьях не являются свободными личностями, а организованы в сложные группы, подчиненные родовым структурам.

Ключевым направлением решения проблемы включения этнических систем в полиэтническую культуру страны выступает светское образование, построенное не на религиозной и не на этнической основе, а именно на полиэтнической культуре. Это не только преподавание гуманитарных предметов, формирующих рефлексивное сознание, развивающих понимание и принятие психологии других народов, но и *организация широкой сферы государственных воспитательных учреждений, творческих кружков и дворцов для детей всех возрастов*. Помимо организации образования и воспитания детей, включение людей в жизнь государства происходит через литературу, через психологический театр и другие формы рефлексивной культуры. Поддержка национальной культуры должна сопровождаться поддержкой творчества национальных писателей, актеров, режиссеров, способных создавать психологически глубокие произведения, необходимые для развития личности, для преодоления жесткого диктата родовых систем. Формирование мощного слоя представителей кавказских и других народов, способных развивать психологически глубокую культуру, должно быть одним из важных направлений национальной политики России. Без государственной поддержки людей, работающих на преодоление ограниченности этнических позиций, невозможно обеспечить включение жестких этнических групп в общее культурное поле России.

Миграции индивидуальные и групповые, полезные и опасные

«Недостаточная урегулированность миграционных процессов, вопросов социальной и культурной интеграции и адаптации мигрантов» («Стратегия...», п. 15, з).

«Создание условий для социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов» («Стратегия...», п. 20, г).

«Совершенствование правовых основ научного и экспертного обеспечения раннего предупреждения межнациональных конфликтов, проявлений агрессивного национализма и связанных с ними криминальных проявлений, массовых беспорядков, проявлений экстремизма и терроризма» («Стратегия...», п. 21, в).

«Противодействие формированию замкнутых анклавов мигрантов по этническому признаку» («Стратегия...», п. 21, з).

Для формирования рефлексивного сознания важно организовывать и поддерживать процессы *индивидуальной миграции*, принципиально отличающиеся по психологическим результатам от групповых миграций, характерных для этнически сплоченных народов. При индивидуальных миграциях люди вынуждены включаться в культуру того общества, где они начинают жить, начинают понимать и принимать ценности и взгляды других людей, формируют в себе самокритичность и рефлексивность. Неслучайно к индивидуальным миграциям склонны личности, оторвавшиеся от жестких этнических систем. Индивидуальные миграции не только полезны для развития личности и рефлексивной культуры общества, но и являются опорой в реализации государственной политики в этнически закрытых регионах страны. Так, важную роль в укреплении российского государства сыграли происходившие в XX в. массовые индивидуальные миграции в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. Особенно полезны были переселения в эти регионы представителей социально активных групп общества: деятелей культуры, врачей, учителей, инженеров, писателей, ученых, агрономов и пр. Представители этих социальных групп обеспечивали принятие государственной политики в этнически закрытых прежде регионах, создавали у жителей этих регионов положительный образ русских людей, русской культуры.

Представители плотных родовых этносов чаще совершают *групповые миграции*. При групповых миграциях мигранты продолжают жить обособленными группами, не включаются в культуру стран, городов и народов, где они начинают жить.

Миграции этнических групп в Европе и в России приводят к формированию замкнутых этнических сообществ, в психологии которых усиливается противостояние влиянию окружающей среды. Этнические группы, проживающие не на своих природных территориях, испытывают психологический дискомфорт, ностальгию по своим корням и традициям. Причины своего дискомфорта жители локальных диаспор всегда видят в окружающей их среде, в культуре и порядках того общества, где им приходится жить. И если первое поколение групповых мигрантов еще склонно мириться с чуждой им социальной средой, считая себя в чем-то виновными за переезд в эту среду, понимая вынужденность своих действий, то последующие поколения, вырастающие в закрытых диаспорах, уже не ощущают себя виновными в существующем психологическом дискомфорте, но воспринимают от родителей позицию противостояния окружающей социальной среде. В культуре этнических диаспор существуют свои особые правила отношений, свои ценности, поддерживающие противостояние членов диаспоры всему окружающему миру. Неслучайно, что групповые миграции и этнические диаспоры являются основой формирования мощных криминальных групп.

Но наибольшую опасность для России представляют не кавказские и не таджикские или киргизские групповые мигранты. По отношению к этим мигрантам можно проводить работу по их психологическому включению в российскую культуру. Эту работу не только нужно проводить, но для нее есть и исторический опыт, и культурный ресурс. Значительно большую опасность для России представляют нарастающие групповые миграции из Китая. Культура и психология китайцев формировались в принципиально иной логике жизни, чем психология христианских и мусульманских народов. Исходная закрытость и способность внешне принимать любые формы поведения отличают психологию китайцев. У китайцев нет мотивации к самовыражению личности и к проекции своего мнения на окружающих, что характерно для народов Евразии или Европы. Приспосабливаясь к любым биосферным и социальным ситуациям, китайцы везде сохраняют свою культурную независимость и групповые связи. Способ-

ность активно заселять города и сельскую местность в любых странах, не принимая культуры стран и не включаясь в логику жизни коренных народов, выражается в формировании «чайна-таунов» в Европе и Америке. В связи с прогнозируемой учеными социальной дестабилизацией китайского общества резко усилятся миграционные потоки из Китая. Для России массовое заселение территории китайцами – это вполне реальная проблема. Не прекращая дружеских отношений с Китаем на государственном уровне, необходимо готовить законодательные меры, способные защитить Россию от массового заселения китайскими мигрантами.

Психологические факторы, укрепляющие единство многонационального государства, и факторы, разрушающие его

Главным моментом, обеспечивающим включение национальных групп в систему государства, является наличие в этой системе *функций*, перспектив и целей, обеспечивающих смыслы жизни людей. Мотивы жизни людей связаны со стремлением включиться в окружающий мир, в социальные процессы, в которых только и может реализоваться личность, в которых создаются смыслы и определяются векторы жизненной активности. Любые социальные группы (этносы, государства, фирмы, партии и пр.) обеспечивают возможность реализации активности людей, создают зоны психологического притяжения, привлекающие и вбирающие в себя эту активность. Единство государства порождается его направленностью на решение важных проблем жизни, которые, как зоны потребления энергии, становятся психологическим магнитом, притягивающим массы людей.

Привлекая энергию национальных групп и отдельных личностей, государство обеспечивает этим свою целостность. Само государство тоже является функциональной системой, т. е. системой процессов, объединяемых функцией государства в мировом процессе. Лишь значимая для людей функция данного государства создает перспективы целей, делает

жизнь продуктивной, придает ей смысл. Если этнородовые системы подчинялись государственным структурам, ища у них защиту от вторжений и грабежей, то для людей, отрывающихся от этносов и служащих государству, смысл служения стране создается образом значимости государства, ощущением важности его миссии на земле. *Снижение значимой функции государств всегда приводит к их разрушению и гибели.* Например, Римская империя защищала свои народы от грабежей и нападений, уравнивала сложной системой управления амбиции разных этносов, организовывала векторы жизни людей, переключая их от поклонения языческим богам на стремление к единому Богу и служение единому государству. Но в XV–XVI вв. снижение внешних угроз укрепившемуся христианскому сообществу Европы ослабило роль военно-религиозной организации, девальвировало значимость прежних государственных структур. Это породило антицерковные настроения и кризис монархий, а с другой стороны, вынудило людей, теряющих идеалы величия государств, искать новые пространства для реализации мотивов и смыслов своей жизни. Для многих таким пространством стала Россия, еще только формировавшая в эти века свою государственную организацию. Если для этносов России государство было импортируемой структурой, то для носителей идеалов государства просторы России, ее ресурсы и возможность построения великой страны создавали смысл деятельности, давали людям перспективу реализации личностных амбиций. Это было привлекательной функцией российского государства на ранней стадии его становления.

«Российское государство создавалось как единение народов, системообразующим ядром которого исторически выступал русский народ. Благодаря объединяющей роли русского народа, многовековому межкультурному и межэтническому взаимодействию, на исторической территории Российского государства сформировались уникальное культурное многообразие и духовная общность различных народов» («Стратегия...», п. 11).

Распространению в России государственной психологии противостояла закрытость и автономность этнических групп. Многие национальные группы закрываются от идео-

логии государства, живя своим традиционным бытом. Опорой государства неслучайно стал русский народ. Русские – это не типичный этнос в точном смысле этого слова. Русская нация родилась путем слияния множества этнических групп. Русские – суперэтнос, объединивший несколько славянских (и не только славянских) групп, изначально более открытых к взаимодействию с другими народами, чем национальные группы, противопоставившие себя этому суперэтносу. Дисперсность и своеобразная рыхлость русских этнических структур определялись жизнью в суровых климатических условиях, где не было угрозы перенаселения и дефицита свободных земель, где не нужно было защищать свой клочок земли от приезжающих, подобно тому, как это происходило в Западной Европе или на Кавказе. Слабая заселенность территории детерминировала не только психологическую и культурную открытость родовых систем, но и склонность русских к совместным формам жизни, ценность взаимопомощи, неприятие индивидуализма, противостояния личности обществу. Психологическая открытость этнических групп, объединившихся в русский суперэтнос, обеспечила создание на их основе обширного и целостного государства.

Отличительная черта русских – открытость не только к приезжающим людям, желающим стать частью этого народа, но и склонность перенимать чужие формы культуры, интерес к иноземному, иностранному и отдаленному. Проявляется это в психологии не только мужчин, но и русских женщин. Ведь в жестких этнических системах именно женщины являются хранителями родовых норм и стандартов жизни. В этнических системах сознание женщин особенно закрыто психологически от принятия чужеродных форм культуры. Это обеспечивает плотность этнических систем, защищает их от влияния культур, разрушающих их автономность. Но русские женщины издавна более склонны благожелательно относиться к носителям иных культур. В критические периоды общества русские женщины проявляют особую склонность выходить замуж за представителей других народов, ища образцы жизни не в своей, а в иной национальной культуре. Открытость русского народа к взаимодействию с другими народами

и культурами определила его социальную функцию быть основной полиэтнического государства России⁵.

Причина процессов, разрушающих государственные структуры, – это либо *невключение масс населения в функции, выполняемые государством*, либо *исчерпание функций*, на основе которых создавалось государство. Монархическая дворянская структура объединяла Россию, выстраивая страну на обширной территории этносов. Активность дворян мотивировалась задачами военного освоения бескрайнего пространства. Но к XIX в. Россия охватила общей государственной системой все этносы, ранее не входившие в государство, и вышла своими рубежами либо к морям, либо к границам уже сложившихся государств. Так была завершена военная функция дворянства. Исчерпание объективной социальной функции лишило военно-дворянскую систему значимости, привело дворян к потере базисных смыслов жизни и к психологическому кризису. Теряя ключевую роль в организации страны, дворянство и монархия потеряли и облик основы государства. Так в XIX в. Россия воспроизвела кризис, пережитый европейскими странами в XVI–XVIII вв. Наиболее болезненно переживал эту потерю функции именно государственный слой общества. Типичными «героями этого времени» стали «лишние люди», дворяне, остро ощущавшие потерю смысла своей жизни.

Психологические кризисы обостряют переживания людей, усиливают рефлексивность, склонность к самоанализу. Социальные кризисы усиливают рефлексию общества, развитие рефлексивной культуры, анализирующей мотивы жизни. XIX век в России (как XVI–XVIII вв. в Европе) стал веком мощного развития рефлексивной культуры, литературы, музыки, живописи, философии. Новые формы жизни по традиции стали искать в западных странах. Россия веками импортировала религиозные идеи и опыт построения государственной власти. Теперь предстояло импортировать экономические формы организации западных стран, и на смену дворянству должно было прийти сословие купцов и промышленников. Государственная структура разрушалась, но в России ей противостояла энергия не отдельных личностей,

оторванных от родовых корней. В России государству противостоят этнические структуры. Кризис власти высвобождает сепаратные энергии национальных групп, укрепляет родовые связи, национальные традиции и семейные ценности. Вновь собрать страну, расплзающуюся на этнические общины, создающие свои местечковые армии, можно только опираясь на наднациональный слой общества. Но объединить этот слой общества можно, только обеспечив его смыслами и векторами устремления активности, перспективами включения людей в решение важных глобальных задач.

Примечания

¹ Примерами государств, сформировавшихся на основе военной деятельности, были Римская и Османская империи. Но как *особые типы государств* формировались Древний Египет, Китай или империя инков. Объединяя этнородовые группы на ограниченных участках плодородных земель, эти государства формировались в окружении территорий, малопригодных для жизни. Океан, пустыни, горы или тропические леса, почти не пригодные для жизни, не создавали возможности решать хозяйственные проблемы путем завоевания прилегающих территорий. Но с другой стороны, не было и постоянной угрозы внешнего нападения. Поэтому основной формой деятельности в государстве была не война, а организация хозяйственной жизни общества. Главной функцией государств была организация качественного освоения ограниченного участка плодородной территории, а *главной кастой общества были не воины, а чиновники и жрецы*. В этих государствах формировались иная психология людей и иные формы религии, чем в Римской империи.

² В других регионах планеты формировались религии, более соответствующие иным биосферным и социальным условиям. Народы степей, пустынь и гор, где выживание предполагало жесткую родовую организацию труда и борьбы, принимали в форме религии не христианство, а ислам. Отрицая образ человекоподобного Бога, ислам не мотивирует стремление личности к подобию Творцу, не формирует мотивы творчества и индивидуального самоутверждения. Ислам

строже оберегает родовые основы общества, сохраняет более жесткую зависимость человека от родовой системы. В Индии, Китае и других странах с исторически стабильными социальными структурами распространился буддизм, культивирующий безразличное отношение человека к миру и обществу, отрешенность и психологическую закрытость личности.

³ Результаты психологических исследований, проведенных нами в сохранных родовых этнических системах.

⁴ Этим культура России отличается, например, от культуры Британской империи, не позволяющей англичанам воспринимать жителей Африки, Австралии или Индии как равных жителей своей страны. При внешней толерантности англичане защищают свое сознание от принятия ценностей и мировоззрения других народов, сохраняя чувство превосходства по отношению к любому чужому образу жизни и психологии.

⁵ Если мы применим аналогию социальных структур с твердыми и жидкими веществами, то по сравнению с «жесткими» родовыми системами Востока и «жидкими» системами Запада Россию можно будет представить горой песка или соли, где сохраняются этнические кристаллы, соединяемые надэтническим слоем.

Социокультурная адаптация
и интеграция иностранных граждан
в российское общество

В.А. Ачкасов (*Санкт-Петербург*)

*Санкт-Петербургский
государственный университет
val-achkasov@yandex.ru*

Некоторые проблемы интеграции иммигрантов в российское общество

Сегодня уже очевидно, что миграционная политика России призвана, прежде всего, решить три основные задачи – экономическую, демографическую и социокультурную:

во-первых, необходимо постоянно преодолевать растущий дефицит рабочей силы, особенно квалифицированной, предприняв действенные меры по предотвращению «утечки мозгов» и осуществив переход от неуправляемой иммиграции к «замещающей»;

во-вторых, нужно остановить процесс депопуляции в ряде регионов и в РФ в целом, поскольку по прогнозам к 2025 году население страны сократится минимум на 10–15 млн;

в-третьих, максимально облегчить интеграцию востребованных категорий трудовых мигрантов в новую для них институциональную и социокультурную среду.

Миграционная политика предполагает не только нормативно-правовое и институциональное регулирование миграций (касающееся вопросов пересечения государственной границы, предоставления тем или иным лицам права на постоянное или временное проживание, контроля над нелегальной иммиграцией, социального обеспечения легальных (и нелегальных) мигрантов; политики натурализации, связанной с условиями и процедурой предоставления гражданства легальным мигрантам), но и комплекс инструментов

и мер, нацеленных на социокультурную интеграцию, включение мигрантов (в первую очередь – с иными этническими, расовыми, религиозными «корнями») в новое сообщество¹. В связи с этим можно выделить четыре основных направления политики интеграции мигрантов.

1. *Инструментальная интеграция* (знание языка страны пребывания, социальной инфраструктуры, имеющихся предложений для мигрантов в сфере услуг: здравоохранение, образование для детей).

2. *Экономическая интеграция*, осуществляемая через равный доступ к рынку труда, системе повышения квалификации или переквалификации и профессиональному образованию в целом.

3. *Культурная интеграция* – приобщение и восприятие мигрантами базовых элементов культуры принимающего общества (идей, ценностей, норм поведения, его институтов и истории).

4. *Социальная интеграция* (разрушение барьеров между группами мигрантов и социальными группами принимающего общества, налаживание контактов между представителями различных социальных групп, изменение идентичности мигрантов)².

Однако российские дебаты по поводу решения третьей задачи – интеграции мигрантов в принимающее общество содержат целый ряд неочевидных предположений и ожиданий, поскольку их участники исходят из убеждения, что выходцы из Центральной Азии, доминирующие сегодня в миграционном потоке, непременно стремятся (или будут стремиться) остаться, закрепиться навсегда в России, получить все очевидные социальные плюсы иммиграции из бедных постсоветских стран в более благополучную Россию. Отсюда часто делаются выводы: 1) о неизбежности интеграционной стратегии как способа включения большинства приезжих в новую для них социокультурную среду; 2) об особой роли этнических диаспор и национально-культурных автономий в решении этой проблемы.

Такого рода объяснения и прогнозы, однако, явно вступают в противоречие с реальностью.

Во-первых, сегодня только меньшая часть мигрантов ориентирована на интеграцию в российское общество. Так, по данным социологических опросов (мигрантов разного происхождения, проведенных под руководством В.И. Мукомеля), остаться в России навсегда хотели бы около 27% мигрантов³. Однако у ряда экспертов возникает сомнение, является ли ответ на прямой вопрос опросной анкеты тем решением, которое будет обязательно реализовано мигрантом? Очевидно, что в зависимости от множества факторов конкретный человек может, во-первых, иметь несколько разных сценариев своего поведения, актуализируя в определенной ситуации один из них, во-вторых, вносить коррективы и менять сами эти сценарии, исходя из множества привходящих обстоятельств. Это относится и к тем, кто собирается, согласно социологическим опросам, «остаться в России», и к тем, кто не собирается. Расширенные интервью с трудовыми мигрантами из Центральной Азии показывают, что они чаще скорее находятся в нескончаемых поисках оптимального выбора, все время корректируя свои планы. Надо учитывать также и то, что поведение человека, особенно сельского жителя или жителя небольших городов и городских окраин Центральной Азии, определяется не столько в результате его единоличного решения, которое он озвучивает как желаемое для себя лично, сколько в результате сложных переговоров внутри сетей, к которым он принадлежит, где на него оказывают влияние и общие нормативные требования того, как должно себя вести, и мнения родственников, друзей, близких, общие интересы семьи⁴.

Поэтому более релевантными представляются данные опроса экспертами Всемирного банка таджикских мигрантов, которые провели в России свыше трех месяцев. Так, он показал, что 73% предпочитают временную (циркульную) трудовую миграцию, 11% хотели бы остаться в России на срок до одного года, и только 16% желают остаться в РФ на постоянное жительство. Эти данные практически повторяют результаты опроса киргизских мигрантов⁵.

Таким образом, «историческая родина» и возвращение в «родной дом» по-прежнему занимает ключевое место в мигрантских помыслах. Правда, эксперты фиксируют доста-

точно существенную возвратную миграцию: из-за успешного достижения мигрантами своих целей или, наоборот, из-за преследующих их неудач, из-за болезни или возраста, из-за разного рода семейных обстоятельств (например, смерть одного из родителей и необходимость ухаживать за вторым), из-за депортации и последующего запрета на въезд в Россию они остаются дома, а их заменяют их дети или младшие братья.

Ностальгия по «оставленному дому» и стремление обязательно туда вернуться подкрепляется давлением ксенофобии в принимающем обществе. Вопреки официальным планам привлечения и интеграции трудовых мигрантов, в России публичная политическая риторика и риторика многих СМИ, как правило, оценивает миграцию отрицательно, а мигрантов – как «чужаков» или «гостей», от которых в идеале следовало бы избавиться. Характерно, что в нашей стране понятие «национальное меньшинство» не употребляется в отношении мигрантов, прибывших в Россию на постоянное место жительства.

Трудовых мигрантов регулярно обманывают и бессовестно эксплуатируют и посредники, и работодатели. Причем зачастую этим занимаются некоторые национально-культурные автономии, призванные, по задумке властей, защищать интересы мигрантов. Иногда такого рода организации превращаются в институциональную инфраструктуру, которая становится процветающим теневым коммерческим предприятием, а лидеры таких объединений выступают поставщиками дешевой рабочей силы для российского бизнеса или сами используют ее на своих предприятиях. Так, экс-лидер «Санкт-Петербургского общества соотечественников Узбекистана “Умид”» бизнесмен (в прошлом капитан первого ранга – подводник) Алиджан Хайдаров из числа обращающихся в «Умид» соотечественников набирал временных работников на свои предприятия (туристическое агентство, авторемонтное предприятие, несколько гостиниц, ресторанов и кафе и др.), при этом постоянными сотрудниками «Умид» являлись только местные уроженцы (узбеки) и выходцы из Узбекистана, уже ставшие российскими гражданами. Представители

Хайдарова распространяли среди прибывающих в город самолетами узбеков календари на узбекском языке с координатами «Умид» и сведениями о предоставляемой этой организацией помощи (в трудоустройстве, переводе документов и др.), поэтому многие из прибывших обращались в «Умид». Их принимали в члены национально-культурной автономии, для чего они оплачивали вступительный взнос. На эти деньги обещали в случае необходимости предоставлять помощь юристов, переводчиков и других специалистов, отправлять на родину больных и умерших. Помимо этого, существовали договоры «Умид» о поставках рабочей силы из Узбекистана на ряд заводов и в крупные торговые сети Санкт-Петербурга. Фирмы были заинтересованы в узбекских рабочих, так как могли платить им меньше, чем местным, а также могли нанимать их с помощью «Умид» целыми партиями⁶.

Многие национально-культурные автономии и этнонациональные организации, представляющие в России народы ближнего зарубежья, отличает непрозрачность функционирования, слабая вовлеченность в них «новых» мигрантов. В большой степени они имеют презентационный характер. Часто их лидеры используют свой статус руководителя в качестве инструмента для достижения своих личных либо узкогрупповых политических, экономических и иных целей, что, в свою очередь, продуцирует воспроизводство клиентелизма и коррупции.

В настоящее время основу социальной активности национально-культурных объединений в РФ в отношениях с государством, утверждает В.Р. Филиппов, «составляет именно борьба за выделение материальных средств на проведение тех или иных культурных мероприятий (чаще всего это организация традиционных народных праздников или концертов фольклорных самодеятельных коллективов), а также за предоставление офисов, оргтехники и проч. В конечном счете многие «национальные» лидеры стремятся стать государственными чиновниками «по этнокультурному ведомству»⁷.

Более того, в связи с образованием большого количества национально-культурных автономий (только в Санкт-Петер-

бурге их сегодня 130) актуальной и конфликтогенной проблемой становится «конкуренция НКА разных уровней, прежде всего, конкуренция региональных и местных НКА, НКА регионального уровня и региональных отделений федеральных национально-культурных организаций – союзов. Типичными явлениями становятся противоречия между одноименными НКА. Они проявляются в организации и проведении мероприятий, в разработке социальных программ, в обозначении позиции взаимодействия с другими НКА, с институтами гражданского общества, с институтами церкви и с органами власти и управления»⁸.

В свою очередь, полицейские и чиновники миграционной службы нередко выступают не стражами закона, а гарантами «невидимости» мигрантов для закона, получая с нелегалов «стабильный дополнительный доход». Как отмечают авторы работы «Нелегальные мигранты в Москве» (М., 2009), миграционная служба «вызывает у мигрантов приступы ужаса и ассоциируется с депортацией. Правда, до депортации, которая необходима по закону, почти никогда дело не доходит. Со слов мигрантов, почти все сотрудники ФМС и полиции берут взятки»⁹.

Сами мигранты зачастую не задумываются о легализации своего статуса, считая ее лишней тратой времени и денег, воспринимая легализацию как ту проблему, решение которой не принесет им никаких дивидендов¹⁰. Главная цель их приезда – это заработок и потому они идут по пути наименьшего сопротивления, стремясь выстроить временную, не очень комфортную, но относительно привычную среду обитания, закрытую от «местных». Поэтому так мал процент мигрантов, которые оформляют патенты на работу в России.

При этом, как выяснили социологи, «нелегальные мигранты не готовы даже думать о каких-либо формах борьбы и защиты своих прав. Вопрос о возможности массовых выступлений не вызывал никакого понимания... Единственный результат массовых выступлений они видят в аресте и депортации из страны»¹¹, чего трудовые мигранты боятся более всего.

Известный американский исследователь Р. Патнем, изучая влияние массовой иммиграции на уровень доверия в обществе на материале США, пришел к выводу о том, что чем выше доля мигрантов в обществе, тем ниже уровень доверия между мигрантами и коренным населением. В свою очередь, низкий уровень доверия к другим людям и институтам внутри принимающего общества препятствует тому, чтобы мигранты могли найти место в нем¹². Эта зависимость «работает» и в России. Местные жители постоянно напоминают приезжим иностранцам о том, что они не должны рассчитывать стать «своими». Социологи постоянно фиксируют достаточно высокий уровень этнической ксенофобии и мигрантофобии. При этом важнейшим элементом системы доказательства их «чуждости» и возможности применения в отношении мигрантов дискриминационных практик является утверждение об их «беспочвенности» – отсутствии у них «корней» в данной почве. «Такое определение приезжих или, точнее, их дисквалификация означает одновременное утверждение, легитимацию претензий большинства на какие-то полагающиеся ему по праву рождения или длительности срока проживания привилегии..., предъявление прав на подобающие социальные позиции или занятия, которые не должны распространяться на “неместных”»¹³.

Постепенно сформировалось и стереотипное отношение к проблеме миграции и мигрантам, разделяемое большинством россиян:

1) внешняя миграция ведет к ухудшению социально-экономической ситуации, увеличивает нагрузку на социальную инфраструктуру и местный бюджет, снижает насыщенность рынка продуктами и потребительскими товарами, обостряет конкуренцию из-за жилья и рабочих мест;

2) мигранты вносят значительный вклад в рост преступности: либо сами совершают правонарушения, либо создают «опорные базы» для транспортировки оружия и наркотиков и для деятельности этнически родственных им криминальных «гастролеров»;

3) миграция дестабилизирует политическую ситуацию: рост числа «чужаков» обостряет недовольство коренных

жителей и провоцирует конфликты. Так, по данным «Левада-Центра», только 36% опрошенных считают, что работа мигрантов полезна для страны, а 35% с этим не согласны;

4) поэтому власти обязаны принимать запретительные и репрессивные меры, препятствующие въезду новых мигрантов. Неслучайно 52% респондентов «Левада-Центра» высказались за введение жесткого визового режима с постсоветскими странами Закавказья и Средней Азии¹⁴.

Особенно характерно то, что «коренные» россияне по-прежнему «связывают свои надежды с властью – именно она должна решать все вопросы, в том числе именно она обязана выгнать мигрантов»¹⁵.

Однако если «коренное» население не признает мигрантов в качестве даже потенциальных членов своего общества, то и мигранты могут отказывать в признании «коренному» населению. Так, эксперты отмечают, что среди мигрантов из постсоветской Центральной Азии идет рост исламистских настроений. В частности, это происходит под влиянием тяжелых условий труда и его низкой оплаты, из-за преследований со стороны коррумпированных правоохранительных органов, давления массовых ксенофобских настроений и т. д.

Новые мигранты часто организованы по сетевому принципу и управляются неформальными социальными лидерами, многие из которых являются религиозными и/или криминальными авторитетами. Так, многие из групп таджикских и узбекских рабочих организованы по принципу джамаатов во главе с лидером, являющимся одновременно бригадиром, родовым старейшиной и религиозным авторитетом. Кроме того, на территорию России без регистрации (на краткие сроки) приезжают религиозные авторитеты из стран Центральной Азии для проведения различных ритуалов и проповедей. Оба канала могут легко послужить цели распространения экстремистских настроений¹⁶. К сожалению, этот прогноз получил подтверждение 4 апреля 2017 г. в Санкт-Петербурге, когда молодой выходец из Кыргызстана совершил теракт в метро. Сегодня уже известно, что часть вернувшихся из «негостеприимной» России молодых мигрантов становятся жертвой вербовщиков из ИГ (террористическая организация,

запрещенная на территории Российской Федерации). Один из них так объясняет сложившуюся ситуацию: «Те, кто уезжает туда, в ИГ, ненавидят Россию за условия и труд, в которых им приходилось работать и жить. Они находятся в безвыходном положении. Тут работать невозможно, тут нужно обязательно нарушать закон, чтобы хоть что-то заработать, в России невозможные условия, но хоть какие-то деньги, в “Исламском государстве” им обещают и деньги, и свободу. Почему не поехать туда? Пять тысяч таджиков уже там»¹⁷. Порочный круг замыкается.

В результате, «с одной стороны, из высших эшелонов власти раздаются сигналы о том, что Россия нуждается в притоке населения из-за рубежа на регулярной основе, причем не только в качестве временных работников, но и в качестве будущих граждан (т. е., по сути, признание фактического превращения страны в “иммиграционную”). С другой стороны, налицо энергичное противодействие признанию этого факта и, как следствие, упор на сохранение модели временной трудовой миграции»¹⁸. Поэтому даже люди, искренне стремящиеся интегрироваться в российское общество, вытесняются на позиции, наименее способствующие такой интеграции, поскольку закрепление в определенной социальной нише в сочетании с низким профессиональным статусом не предполагает позитивной стратегии адаптации, так как мигрант ограничен тем сегментом экономики, где он только и может приложить свои трудовые навыки. Как следствие – социально-экономическая стратификация в нашем обществе начинает накладываться на этнокультурные различия.

В последние годы в России можно заметить усиление внимания федеральных властей к проблеме миграции: принят ряд политических шагов, были приняты Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена Президентом РФ 13 июня 2012 г.) и ряд новых законов, обсуждались проблемы миграционной политики на заседании Совета по национальной политике при Президенте РФ в Астрахани осенью 2016 г. Однако, как отмечают эксперты: «Концепция перечисляет все мыслимые принципы и задачи миграционной политики,

однако принятые после ее одобрения законодательные нормы свидетельствуют о несколько иных приоритетах: ужесточение требований к безвизовым мигрантам, противодействие незаконной миграции и т. п.

Это соответствует текущим общемировым тенденциям, но разрыв между декларируемой и реальной политикой заметен шире, чем в старых принимающих странах»¹⁹.

Среди причин разрыва между декларируемой и реальной иммиграционной политикой можно назвать:

- отсутствие четких концептуальных оснований и достоверность фактологической и статистической базы иммиграционной политики;
- высокие коррупционные издержки и риски правоприменения;
- фактическая открытость границ с большинством постсоветских государств;
- высокий уровень ксенофобии и мигрантофобии в российском обществе;
- отсутствие научного и экспертного сопровождения иммиграционной политики, что отмечалось в выступлении В.В. Путина на заседании Совета по национальной политике при Президенте РФ в Астрахани осенью 2016 г.

Двусмысленность государственной позиции в отношении проблем миграции проявляется и в том, что российское правительство так и не достигло давно заявленной цели – заключения реально действующих взаимных договоренностей в сфере миграции со странами СНГ. Главный региональный документ «Соглашение о кооперации в области миграции и социальной защиты работников-мигрантов», подписанный еще в 1994 г. всеми странами СНГ, так и не вступил в силу, поскольку не был дополнен серией межгосударственных соглашений. Большинство документов, прежде всего двухсторонних, которые все-таки были приняты (в настоящее время Россия имеет двухсторонние договоры с девятью странами СНГ и двумя странами Балтии – Латвией и Литвой), фактически остались на бумаге. Поэтому правовая база легальной трудовой миграции не получила сколько-нибудь заметного развития²⁰.

В свою очередь, официальная риторика и пропаганда в Кыргызстане и Таджикистане сегодня построена на тезисе, что миграция – это временное и скорее негативное явление, а мигранты рано или поздно должны вернуться «домой». В Узбекистане тема миграции табуирована в публичном пространстве, но такое умолчание тоже намекает на нежелательный характер процесса²¹. При этом известно, что денежные переводы трудовых мигрантов составляют значительную долю в доходной части бюджета многих стран Центральной Азии. Так, внешние переводы составляют значительный процент ВВП таких постсоветских государств, как Таджикистан (48,8%), Киргизия (31,5%), Молдавия (24,9%), Армения (21,0%)²².

В то же время «трудно себе представить, что за юридическими консультациями по вопросам миграции и трудоустройства узбек пойдет в Узбекский культурный центр, а молдаванин в посольство Республики Молдова. Поэтому посольства собственных стран также воспринимаются мигрантами как ненужные бюрократические структуры, поскольку помощь квалифицированных специалистов они мигрантам не предоставляют, как, впрочем, и российское государство: так, по данным опросов мигрантов в Москве, доля помощи мигрантам со стороны государственных служб хоть в какой-то организации миграции и трудоустройства составляет 6–8 процентов²³.

* * *

Таким образом, реализуемая в России иммиграционная политика неспособна ни сдерживать миграцию, ни эффективно удовлетворять спрос на востребованную рабочую силу, ни способствовать интеграции мигрантов в принимающее общество. Низкий уровень социальной интегрированности мигрантов в российское общество, как известно, не отличающееся социальным благополучием и высоким уровнем жизни, объясняется также тем, что в нашу страну мигранты едут не для получения социальных льгот и пособий, как сегодня в Европу²⁴, а заранее настраиваясь на временную тяжелую и непрестижную работу, а также на дискриминацию и функциональную сегрегацию. Поэтому, в частности, в российских

городах нет пока и мигрантских гетто, а задача полной интеграции мигрантов из стран Центральной Азии в российское общество хотя и постоянно присутствует в риторике властей, однако занимает маргинальную позицию в реальной политической практике.

Примечания

---

¹ См.: *Сергеева З.Х.* Феномен миграции в российских СМИ и оценках экспертов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2008. Т. 4. № 3. С. 186.

² Однако для российского законодателя характерно иное понимание содержания понятия «интеграция иммигрантов». В ст. 3 проекта ФЗ «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации» читаем:

«1) социальная и культурная адаптация иностранных граждан (адаптация) – это совокупность действий органов государственной власти, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества и иностранного гражданина, направленных на его включение в социальное и культурное пространство российского общества через освоение им навыков и знаний в области русского языка, истории и культуры России, основ законодательства Российской Федерации в объеме, необходимом для *временного пребывания на территории Российской Федерации* с целью осуществления трудовой деятельности;

2) социальная и культурная интеграция иностранных граждан (интеграция) – это совокупность действий органов государственной власти, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества и иностранного гражданина, направленных на его включение в социальное и культурное пространство российского общества через освоение им навыков и знаний в области русского языка, основ законодательства Российской Федерации, истории, культуры и традиций народов России, правил поведения, принятых в российском обществе, в объеме, необходимом для *временного проживания или постоянного проживания на территории Российской Федерации* (выделено мной. – В. А.);

3) адаптационные и интеграционные мероприятия – это совокупность услуг, предоставляемых органами государственной власти и местного самоуправления, направленных на обучение русскому языку,

основам законодательства Российской Федерации, истории, информирование о культуре и традициях народов России, правилах поведения, принятых в российском обществе, информационно-правовую поддержку, повышение уровня профессиональной подготовки и переподготовки, а также другие услуги, способствующие включению иностранного гражданина в социальное и культурное пространство российского общества».

³ *Мукомель В.И.* Трансформация трудовой миграции: социальные аспекты // Россия реформирующаяся. Вып. 11 / М.К. Горшков (ред.). М.: Новый хронограф, 2012. С. 254.

⁴ См.: *Абашин С.Н.* Транснациональная миграция в Россию и интеграционный потенциал трудовых мигрантов // Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России: Коллективная монография / Ред. и сост. М.С. Розанова. СПб.: Скифия-принт, 2016. С. 43–58.

⁵ См.: <http://www.worldbank.org/ECA>.

⁶ См.: *Винер Б.* Этнические общины и идентичность в Санкт-Петербурге // В поисках России. Серия публикаций к дискуссии об идентичности. Т. 1: Северо-Запад России – Санкт-Петербург. СПб.: Интерсоцис, 2008. С. 71.

⁷ Этнические процессы в столичном мегаполисе / В.Р. Филиппов (отв. ред.). М.: ИА РАН, 2008. С. 190.

⁸ *Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л.* Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. М., 2010. С. 90.

⁹ *Григорьев М., Осинников А.* Нелегальные мигранты в Москве. М.: Европа, 2009. С. 92, 98.

¹⁰ Цена патента в Санкт-Петербурге – 3 тыс. рублей плюс – стоимость подготовки к экзамену и тестирование, плюс – стоимость медосмотра и полиса ДМС... Итого, по приблизительным подсчетам – это не менее 10 тыс. рублей – деньги для большинства приехавших на заработки мигрантов «неподъемные».

¹¹ *Григорьев М., Осинников А.* Нелегальные мигранты в Москве... С. 90.

¹² *Putnam R.* Pluribus Unum: Diversity and Community in the 21st Century // *Scandinavian Political Studies*. 2007. № 30 (2). P. 137–174.

¹³ Нужны ли иммигранты российскому обществу? / Под ред. В.И. Мукомеля и Э.А. Паина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. С. 34–35.

¹⁴ См.: *Ачкасов В.А.* Рост этнического многообразия и толерантность в крупных городах России: «случай» Санкт-Петербурга // Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России: Коллективная монография / Ред. и сост. М.С. Розанова. СПб.: Скифия-принт, 2016. С. 141–153. Впрочем, в 2014–2015 гг. отношение к трудовым мигрантам заметно улучшилось, однако связано это не с действиями властей по их успешной интеграции или изменениями психологических установок россиян в отношении мигрантов, просто под влиянием экономического кризиса и падения курса рубля по отношению к доллару и евро заметно снизился приток трудовых мигрантов, а затем внимание массовой аудитории было переключено на события, последовавшие за «Евромайданом» в соседней Украине. Одновременно наблюдался взлет негативного отношения к украинцам. Об этом можно судить по изменению доли респондентов, положительно ответивших на вопрос: «Следует ли ограничить проживание в России людям следующих национальностей?». Применительно к украинцам доля положительных ответов на этот вопрос росла: с 1% в начале 2014 г. до 8% в конце того же года и до 14% – в 2015 году (См.: *Общественное мнение – 2015.* С. 198).

¹⁵ *Кузьменко В.* Русский фарш. Как появились и куда идут российские националисты (интервью с А. Верховским, директором центра «Сова») // Лента.ру. 20.04.2016. [Электронный ресурс] URL: <http://www.lenta.ru/articles/2016/04/20/nationalism>

¹⁶ *Казанцев А.А., Гусев Л.Ю.* Прогноз деятельности террористических организаций в странах Центральной Азии и Афганистане: возможные пути противодействия в интересах безопасности РФ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2013. Т. 9. № 1. С. 160–176.

¹⁷ См.: *Хоперская Л.В.* «Исламское государство» как новая угроза национальной безопасности государств ЕАЭС // Государственное и муниципальное управление: Ученые записки СКАГС. Ростов н/Д, 2015. С. 56. (По некоторым данным, особенно предрасположенными к восприятию пропаганды ИГИЛ оказались граждане Кыргызстана.)

¹⁸ *Малахов В.С.* Феномен «новых иммиграционных стран»: российский случай в общеевропейском контексте // Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России: Коллективная монография / Ред. и сост. М.С. Розанова. СПб.: Скифия-принт, 2016. С. 19–32.

¹⁹ *Этносоциокультурный конфликт: новая реальность современного мира: коллективная монография / Под ред. Е.Ш. Гонтмахер,*

Н.В. Загладина, И.С. Семененко. М.: Русское слово – учебник, 2014. С. 121.

²⁰ *Ачкасов В.А.* Дилеммы иммиграционной политики России // *Власть и элиты* / Гл. ред. А.В. Дука. Т. 1. СПб.: Интерсоцис, 2014. С. 196.

²¹ См.: *Абашии С.Н.* Транснациональная миграция в Россию и интеграционный потенциал трудовых мигрантов...

²² *Мировой демографический барометр* / Демоскоп «Weekly», № 641–642, 2015 // [Электронный ресурс] URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0641/barom03.php>

²³ *Григорьев М., Осинников А.* Нелегальные мигранты в Москве... С. 92, 108, 114.

²⁴ Западные исследователи обнаружили, что щедрое социальное обеспечение также замедляет процесс интеграции мигрантов, поскольку даже скромные по меркам местного населения социальные выплаты выглядят в глазах мигрантов вполне привлекательными и потому ослабляют стимулы к освоению языка, законов и ценностей страны пребывания, к поиску работы и стремлению зарабатывать больше или повышать свой социальный статус (см.: *Koopmans R.* Trade-offs between Equality and Difference: Immigrant Integration, Multiculturalism and Welfare State in Cross-National Perspective // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2010. № 36 (1). P. 1–26).

С.М. Брызгалова (*Москва*)
Министерство образования и науки
Российской Федерации
bryzgalova@mon.gov.ru

Комплексный экзамен в системе адаптации и интеграции мигрантов

Минобрнауки России и Федеральное агентство по делам национальностей тесно взаимодействуют и сотрудничают в решении многих вопросов, связанных с обеспечением межнационального и межконфессионального согласия, формированием у молодежи чувства уважения ко всем народам, населяющим Россию, и способности к культурному диалогу. К этим вопросам с недавних пор добавились вопросы миграционной политики, с наделением ФАДН России полномочиями по социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов.

Экзамен по русскому языку как иностранному, знание истории и основ законодательства Российской Федерации для иностранных граждан (для краткости далее – комплексный экзамен) имеет непосредственное отношение к системе мер по гармонизации межнациональных отношений, социальной адаптации и интеграции мигрантов.

Экзамен был введен Указом Президента Российской Федерации № 602 от 7 мая 2012 г. «Об обеспечении межнационального согласия».

Обязательность сдачи комплексного экзамена для тех иностранных граждан, которые не имеют документа об образовании, полученного в СССР или Российской Федерации, является стимулом не только к изучению русского языка, но и к получению базовых знаний о культуре, обычаях, традициях

российского общества, того объема знаний законодательства Российской Федерации, который необходим для того, чтобы защищать свои права.

За короткое время в Российской Федерации удалось создать работающую систему проведения комплексного экзамена на федеральном уровне. Были приняты основные нормативные правовые акты, регламентирующие проведение комплексного экзамена и выдачу сертификата. Создана по всей территории страны сеть организаций, проводящих экзамен, обеспечено организационное и информационно-методическое сопровождение экзамена.

На федеральном уровне комплексный экзамен проводится для трех категорий иностранных граждан в зависимости от целей получения госуслуги по выдаче разрешения: на работу (или патента), на временное проживание или вида на жительство – в соответствии с порядком, установленным Минобрнауки России, и с выдачей сертификата.

С 1 ноября 2017 г. в перечень образовательных организаций высшего образования, проводящих комплексный экзамен, включены 13 вузов (далее – головные вузы). Головные вузы привлекают к проведению комплексного экзамена организации-партнеры (локальные центры). При этом локальные центры осуществляют только организационно-техническое и информационное обеспечение процедуры комплексного экзамена, а проведение экзамена, проверка выполненных экзаменационных работ, оформление и выдача сертификатов относятся к исключительной компетенции головных вузов.

Комплексный экзамен, но только для трудовых мигрантов, претендующих на получение патента, проводится также организациями, определяемыми субъектами Российской Федерации, – это так называемый региональный экзамен. В настоящее время право проведения регионального экзамена реализуют всего 37 субъектов Российской Федерации.

Минобрнауки России в еженедельном режиме проводит мониторинг проведения комплексного экзамена на федеральном уровне. По состоянию на 15 ноября 2017 года в комплексном экзамене приняли участие 3 221 151 иностранных граждан. Из них успешно сдали комплексный экзамен

3 036 467 человек (в том числе 2 128 959 человек сдали указанный экзамен в целях трудоустройства, 424 327 человек – для получения разрешения на временное проживание, 483 181 человек – в целях получения вида на жительство).

К сожалению, в действиях законодательных и иных нормативных правовых актов отсутствуют нормы, устанавливающие полномочия Минобрнауки России в отношении регионального экзамена, кроме утверждения формы документа о прохождении экзамена и установления требований к минимальному уровню знаний, проверяемых экзаменом.

Минобрнауки России письмом от 5 апреля 2016 г. № 09-710 направило запрос в органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации с формой ежемесячной отчетности о результатах проведения регионального экзамена. Однако не все субъекты Российской Федерации направляют необходимую информацию. В связи с этим не представляется возможным составить объективную картину проведения регионального экзамена. По информации, представленной 37 субъектами РФ, на начало 2017 года сдали региональный экзамен более 720 тыс. иностранных граждан, в том числе наибольшее количество в Москве, Московской и Нижегородской областях.

Практика проведения комплексного экзамена (как федерального, так и регионального) выявила проблемы, обусловленные отсутствием законодательно закрепленного механизма контроля за проведением комплексного экзамена, выдачей сертификатов и документов о прохождении регионального экзамена.

В частности, указанный контроль носит системный характер только при проведении комплексного экзамена на федеральном уровне и только в отношении головных вузов и их локальных центров. Проведение контрольных мероприятий на региональном уровне возможно лишь при наличии поручений или при поступлении обращений граждан.

Кроме того, головные вузы в настоящее время обеспечивают обязательную аудио- и видеофиксацию процедуры проведения комплексного экзамена; организуют общественный контроль проведения экзаменов с участием представителей

Общественной палаты Российской Федерации и общественной организации «Наш дом – Россия».

Также проводятся проверки головными вузами своих локальных центров, есть случаи, когда по итогам проверок были расторгнуты соглашения и закрыты локальные центры. Проверки в отношении головных вузов и их локальных центров проводятся органами прокуратуры, комиссией Управления Президента Российской Федерации по обеспечению конституционных прав граждан.

В целях оказания методической помощи регионам «Обществом преподавателей русского языка и литературы» (ОПРЯЛ) проведен мониторинг проведения регионального экзамена в субъектах Российской Федерации с анализом контрольных измерительных материалов (КИМ), используемых на региональных экзаменах. Мониторинг выявил значительные несоответствия содержания региональных КИМ установленным требованиям к минимальному уровню знаний мигрантов, прежде всего отсутствие во многих регионах (в том числе в Москве) устной речи («Говорение») по русскому языку (вот откуда не говорящие по-русски мигранты).

Минобрнауки России при участии головных вузов и Правительства Москвы разработало и направило во все субъекты Российской Федерации организационно-методические рекомендации по проведению регионального экзамена, а также перечень требований к разработке КИМ для проведения экзамена (письмо от 6 апреля 2016 г. № ВК-781/09).

Минобрнауки России ежегодно актуализирует методические материалы для проведения комплексного экзамена. В октябре текущего года мы направили в образовательные организации высшего образования рекомендации по антикоррупционной деятельности при проведении комплексного экзамена.

Так, рекомендуется предпринять следующие меры по устранению условий, способствующих совершению коррупционных правонарушений при проведении комплексного экзамена:

- о ставших известными фактах подделки и продажи сертификатов о прохождении комплексного экзамена, совер-

- шения работниками проступков, содержащих признаки коррупционных правонарушений, сообщать в правоохранительные органы;
- разработать должностные инструкции для разных категорий специалистов, обеспечивающих проведение комплексного экзамена;
  - провести инструктаж каждого работника, привлеченного к проведению комплексного экзамена, под роспись;
  - информировать Министерство и другие вузы о недобросовестных организациях-партнерах и выявленных фактах или попытках подкупа лиц, проводящих комплексный экзамен;
  - незамедлительно расторгать соглашения с организациями-партнерами в случаях обнаружения нарушений законодательства и удалять указанные организации из единой системы обмена информацией с МВД России.

В связи с тем что комплексный экзамен введен как мера, способствующая социальной адаптации и интеграции мигрантов, Минобрнауки России совместно с головными вузами организовало подготовку мигрантов к сдаче комплексного экзамена.

Ежегодно на базе ФГБОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (РУДН) проводится Всероссийская научно-практическая конференции «Русский язык и проблемы социокультурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации», в работе которой принимают участие представители головных вузов, образовательных организаций, локальных центров, профессиональных и общественных организаций, эксперты в области адаптации и интеграции иностранных граждан, а также представители заинтересованных органов исполнительной и законодательной власти. На конференции специалисты делятся опытом по разработке и реализации программ по обучению иностранных граждан, учитывающих все аспекты культурной, социальной и этнической специфики мигрантов, обсуждают практики организации инфраструктуры социокультурной адаптации мигрантов в различных регионах России.

В 8 локальных центрах тестирования РУДН открыты и функционируют курсы русского языка. На бесплатной ос-

нове в РУДН функционирует школа русского языка для иностранных граждан и их детей. Занятия в ней можно посещать в выходные дни, программа занятий определяется в индивидуальном порядке в зависимости от уровня подготовки.

ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина» также осуществляет систематическую подготовку мигрантов к комплексному экзамену. Общее количество человек, прошедших курсовую подготовку в 2017 году, включая индивидуальную, составило 10 141 человек, общее количество академических часов составило более 200 000.

В рамках федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 годы формируется партнерская сеть «Институт Пушкина» с целью продвижения, популяризации русского языка и литературы, а также осуществления активной деятельности, направленной на создание условий для обеспечения доступа к программам изучения русского языка, открытого образования на русском языке. В настоящее время партнерская сеть «Институт Пушкина» объединяет 59 центров в 32 странах, в том числе в 6 странах СНГ.

Сотрудники головного центра тестирования иностранных граждан и лиц без гражданства ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет» (ТОГУ) и локальных центров тестирования ТОГУ проводят еженедельные бесплатные консультации по подготовке мигрантов к сдаче комплексного экзамена. Во время консультаций мигранты имеют возможность пройти пробные испытания, получить информацию об успешности их прохождения, а также повторить и изучить необходимые лексико-грамматические, исторические и юридические темы и вопросы. Как показывает практика, около 60% мигрантов пользуются предоставленной возможностью и перед сдачей комплексного экзамена проходят обучение на данных консультациях.

Головными вузами разрабатываются различные учебные материалы для мигрантов, готовящихся к сдаче комплексного экзамена, создаются постоянно действующие программы повышения квалификации для преподавателей русского языка как иностранного. Так, в РУДН созданы и постоянно действуют более 40 программ повышения квалификации для

преподавателей русского языка как иностранного. Среди них: «Современные подходы в обучении русскому языку детей соотечественников», «Грамматические аспекты профессиональной речи для изучающих русский язык как иностранный», «Организационные и методические основы проведения экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства Российской Федерации», «Преподавание русского языка в зарубежной школе: современные методики, технологии дистанционного обучения с учетом возрастных особенностей учащихся» и другие. В ТОГУ с 2014 года около 400 российских и зарубежных преподавателей прошли обучение по программам повышения квалификации для преподавателей, обучающихся мигрантов, и тесторов, проводящих комплексный экзамен.

В соответствии с перечнем поручений Президента Российской Федерации от 31 марта 2016 г. № Пр-570 Минобрнауки России совместно с МВД России, Минтруда России, Минкомсвязи России разработан проект федерального закона, которым вносятся изменения в действующую процедуру проведения экзамена и разграничение полномочий.

Таким образом, организация и проведение комплексного экзамена требует пристального внимания со стороны органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации как мера, мотивирующая иностранных граждан к изучению русского языка, истории и основ законодательства России для дальнейшей успешной интеграции в российское общество.

М.А. Бурда (Москва)

РАНХиГС

при Президенте Российской Федерации

byrdamix@mail.ru

Механизмы селективной трудоустройственной миграции как один из способов адаптации трудовых мигрантов

На сегодняшний день Российская Федерация является устойчивым центром притяжения миграционных потоков в Евразийском регионе, где исторические закономерности обусловили более тесное миграционное взаимодействие с государствами – участниками Содружества Независимых Государств.

Базовыми нормативными правовыми актами для российской миграционной политики можно считать Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации» и Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации».

При этом все основные положения и направления развития миграционной политики России отражены в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. В рамках указанного документа ведется систематическая работа по совершенствованию законодательства в сфере миграции¹.

Как известно, в качестве субъектов формирования политики государства в сфере миграции и ее последующей реализации выступают органы исполнительной и законодательной власти Российской Федерации. При этом участие в такой работе разнообразных институтов гражданского общества, бизнеса и некоммерческих организаций минимально и носит скорее консультационный характер.

Обращая внимание на имеющиеся особенности российского миграционного законодательства и количественные показатели внешней миграции, необходимо обратить внимание на ряд моментов. Российское миграционное законодательство однозначно дифференцирует всю внешнюю трудовую миграцию на три блока:

- трудовая миграция из государств Евразийского экономического союза;
- трудовая миграция из государств – участников Содружества Независимых Государств;
- трудовая миграция из третьих стран.

Для каждой из приведенных категорий характерен особый порядок привлечения иностранного работника к временной трудовой деятельности в России, который в целом регламентирован положениями Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

По самым разнообразным экспертным оценкам, а также в соответствии с официальной статистикой, публикуемой ФМС России, а впоследствии ГУВМ МВД России, трудовые мигранты из государств – участников СНГ стабильно занимают около 70–80% российского рынка труда иностранной рабочей силы. По данным, публикуемым ФМС России, доля трудовых мигрантов из Узбекистана, Таджикистана и Украины выросла с 69% в 2014 году до 85% в 2015 году².

Отчасти такой рост объясним тем, что граждане Киргизской Республики в 2015 году были освобождены от необходимости получения разрешительных документов на осуществление временной трудовой деятельности в Российской Федерации в связи с вступлением Киргизии в Евразийский

экономический союз и поэтому в статистике оформленных разрешительных документов не учитываются.

Согласно данным ГУВМ МВД России, за 11 месяцев 2017 года иностранным работникам оформлено около 1,56 млн. патентов³, и можно предположить, что тенденция превалирования на российском рынке труда иностранной рабочей силы из Узбекистана и Таджикистана осталась неизменной.

В этой связи данная категория иностранных граждан представляет наибольший интерес с точки зрения выработки предложений по их адаптации в принимающем российском обществе.

Одним из вариантов эффективной адаптации трудовых мигрантов мог бы стать принцип организованного привлечения иностранных работников, о котором необходимо рассказать более подробно.

В соответствии с Федеральным законом от 5 декабря 2017 г. № 366-ФЗ ратифицировано подписанное в апреле 2017 года Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан об организованном наборе и привлечении граждан Республики Узбекистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации.

Указанный международный договор позволяет реализовать механизм адресного привлечения востребованной иностранной рабочей силы и возвратной миграции работников после истечения срока их трудового договора.

При этом основная работа по отбору такого работника, его идентификации, подготовки первичного пакета документа и согласования с российскими компетентными органами и работодателем будет осуществляться непосредственно в государстве выезда в центрах доиммиграционной подготовки.

Доиммиграционная подготовка в соответствующих центрах включает в себя ряд оценочных критериев, которые могут быть объединены в «профиль потенциального мигранта», а именно:

- профессиональная подготовка мигранта (образование, специальность, квалификация, стаж работы по специальности);

- востребованность (дефицит специалистов – граждан России, желание осуществлять трудовую деятельность на трудонедостаточных территориях, срок осуществления трудовой деятельности);
- способность адаптации и интеграции в общество (уровень знания русского языка, знание основ поведения в принимающем обществе, владение общей информацией о государстве трудоустройства, правила оформления и заполнения миграционных документов);
- декриминализация (осуществление дактилоскопии, проверка по информационным базам правоохранительных органов России и Узбекистана, на отсутствие судимостей, потенциальных связей с террористическими организациями, склонности к девиантному поведению);
- здравоохранение (медицинское освидетельствование, проведение профилактических прививок аккредитованными Минздравом России медицинскими учреждениями).

Реализация такого принципа привлечения иностранных работников имеет множество положительных сторон. В этой связи необходимо выделить наиболее значимые:

- защита трудящегося-мигранта от недобросовестного работодателя на уровне государственных гарантий Республики Узбекистан в лице Агентства по вопросам внешней трудовой миграции Министерства занятости и трудовых отношений Республики Узбекистан, которое является уполномоченным органом Республики Узбекистан по реализации вышеназванного межправительственного Соглашения;
- защита российского работодателя, который до этого не участвовал в формировании трудовых миграционных приоритетов, что, безусловно, ограничивало борьбу за «качество потребляемых человеческих ресурсов». Уровень профессиональной подготовки мигрантов из традиционных для России государств-доноров на сегодняшний день преимущественно невысок, а сложившаяся миграционная система не предполагает механизмов для стимулирования притока востребованных, квалифицированных специалистов из таких регионов;

- дистанционное проведение некоторых необходимых проверочных процедур в государстве выезда позволит существенно сократить сроки оформления официальных документов, дающих право на осуществление временной трудовой деятельности в России;
- «декриминализация» потенциального мигранта на начальном этапе. Такой принцип позволяет отсекаать потенциально криминальных мигрантов, что положительно скажется на противодействии преступности в государстве приема мигрантов, а также будет способствовать снижению социальной напряженности в российском обществе, где в достаточной мере сильны мигрантофобские настроения.

Говоря о возможности дистанционной проверки некоторых документов мигранта, надо понимать, что в первую очередь речь идет о подаче следующих необходимых документов в электронном виде из центра доиммиграционной подготовки в Узбекистане в многофункциональный миграционный центр в Российской Федерации:

- заявление;
- копия паспорта с заверенным в посольстве (консульстве) переводом;
- страховой полис ДМС;
- медицинская справка об отсутствии инфекционных заболеваний;
- сертификат о знании русского языка;
- проект трудового договора.

Специалист миграционного центра и сотрудник компетентного в сфере миграции государственного органа Российской Федерации осуществит проверку документов и подтвердит их соответствие нормам российского законодательства. При этом оставшаяся часть документов будет подаваться в миграционный центр непосредственно мигрантом в один визит при получении патента:

- документы, подтверждающие факт постановки на миграционный учет (осуществляет привлекающий мигранта работодатель);
- миграционная карта (получает мигрант при пересечении российской границы);

- квитанция о внесении средств в счет НДФЛ (работодатель или мигрант оплачивает непосредственно в миграционном центре).

Реализация такого подхода требует развития институтов государственно-частного партнерства, современных цифровых технологий и консолидации возможностей информационных ресурсов. Внедрение искусственного интеллекта в этот процесс позволит снизить коррупционную составляющую, чиновник становится не лицом, принимающим решения, а оператором ввода данных.

На сегодняшний день, в связи с ликвидацией ФМС России как самостоятельного федерального органа исполнительной власти, в Российской Федерации отсутствует отдельный компетентный государственный орган, ответственный за разработку миграционной политики в широком понимании этого термина. Имеющиеся миграционные проблемы России достаточно серьезны и нелинейны, они не заключаются исключительно в иммиграционном контроле иностранных граждан и круге полномочий правоохранительного органа, а лежат в гораздо более широкой плоскости, нежели полномочия и, самое главное, возможности одного полицейского главка.

Не отрицая необходимости расширения полномочий правоохранительных органов в сфере иммиграционного контроля, регистрационной работы, противодействия нелегальной миграции, выявления незаконных мигрантов и преступных схем в этой сфере, ряд фундаментальных функций миграционной службы в привязке к МВД России видится избыточным и не всегда эффективным.

В данном контексте речь идет о внешней трудовой миграции, интеграции мигрантов, а также о переселении соотечественников. В этой связи назрел вопрос разделения имеющегося «миграционного функционала» между правоохранительным органом – Миграционной полицией, и гражданским ведомством – Министерством миграции и интеграции, которое можно было бы создать на базе Федерального агентства по делам национальностей и отдельных структурных подразделений Минтруда России, Минвостокразвития России и ГУВМ МВД России.

Образование такого федерального органа исполнительной власти позволило бы более эффективно координировать государственную политику в сфере внешней и внутренней миграции, возвращения соотечественников, интеграции новых членов российского общества.

При этом правоохранительные органы смогли бы сконцентрироваться на предупреждении, выявлении и расследовании преступлений в миграционной сфере, правоприменительная практика по которым в настоящее время минимальна.

С точки зрения реализации принципов селективной миграции, новое гражданское миграционное ведомство могло бы стать глобальным оператором новой селективной миграционной системы, координирующим в сфере миграции деятельность не только федеральных органов исполнительной власти, но и некоммерческих организаций широкого спектра, а также работодателей.

Организованный набор мигрантов и реализуемая таким образом политика селективной миграции позволит существенно повысить возможности противодействия общим миграционным вызовам и угрозам в области нелегальной миграции, выявлению, расследованию и пресечению правонарушений в этой сфере, будет способствовать выработке условий для реализации принципов свободного законного перемещения и трудоустройства граждан и их адаптации в принимающем обществе.

Примечания

¹ Волох В.А. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kapitalrus.ru/index.php/articles/article/210720> (дата обращения: 12.12.2017).

² Бурда М.А., Герасимова И.В. Политика России в сфере внешней трудовой миграции: накопленный опыт и пути развития / PolitBook. 2016. № 4. С. 166–177.

³ Министерство внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: <http://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/11819696/> (дата обращения: 15.12.2017).

В.А. Волох (Москва)

Государственный университет управления
v.volokh@yandex.ru

Факторы мигрантофобии в структуре межэтнических отношений

Мигрантофобия есть реакция на недоброжелательное отношение, испытанное со стороны представителей других национальностей, так как та или иная интерпретация «чужака» всегда сопутствует межэтнической коммуникации¹. Многие исследования указывают на факторы, обуславливающие межэтническую неприязнь, вражду и, следовательно, возникновение феномена мигрантофобии.

В современной России часть населения испытывает неспособность приспособиться к правилам рыночной экономики. Резкий разрыв между растущим уровнем потребительских запросов и сохраняющейся от прежних времен трудовой мотивацией с соответственно низкими доходами породил феномены социальной зависти и неприязни в отношении более энергичных и успешных групп.

Если в отношении «новых русских» это раздражение и возмущение сравнительно успешно блокировалось социальными барьерами между группами, то в отношении этнически «чужих» этого не происходит. Напротив, механизмы социального ресентимента превратили негативные эмоции, с одной стороны, в идеализированное или сублимированное представление русских о самих себе, а с другой – в резкое недоверие к властям и неприязнь к «инородцам». Взаимодействия с властями и межэтническими группами зачастую носят опосредованный или символический характер, усложняя психологический климат субъективной

реальности между образами «своих» (местных) и «чужих» (мигрантов).

Факторы мигрантофобии многообразны и в совокупности представляют собой структуру признаков и отношений, которые в человеческом сознании политизируются в оппозициях идентичностей: «мы, местные жители» – «они, мигранты».

Фактор социальной конкуренции проявляется, когда неудовлетворенные социальные потребности местных жителей создают предпосылки восприятия мигрантов как конкурентов в стремлении обладать ограниченными социальными ресурсами², в том числе экономическими. На основании результатов социологических исследований, проведенных в разных городах России, можно выделить три основные социально-экономические причины мигрантофобии.

1. Опасения, что в условиях обострения ситуации на рынках труда и жилья приток мигрантов вызовет рост цен на жилье и потребует выделения средств, прежде предназначенных для местного населения. Для мигрантов в качестве доминирующего мотива переселения чаще всего выступает надежда найти более привлекательное рабочее место, что обостряет конкуренцию.

2. Распространенные стереотипные представления о вынужденных мигрантах как богатых людях, благоденствовавших в своих республиках, в то время как россияне «бедствовали» на родине. Поэтому рост этнической неприязни наиболее заметен в отношении тех народов, которые в советское время воспринимались как наиболее благополучные, зажиточные, чьи представители в среде экономически неподвижного, разоренного русского населения средних или небольших промышленных городов чаще всего рассматривались как праздные люди, имеющие легкие деньги благодаря южно-курортной ренте или торговле.

3. Опасения, построенные на предположениях о девиантном поведении мигрантов. Основные претензии принимающего населения к вынужденным переселенцам сводятся к тому, что, во-первых, они держатся обособленно и, во-вторых, поднимают уровень криминализации жизни в местах их

притока за счет наркоторговли, мошенничества и пр. Это воспринимается местными жителями как вызов, неуважение, наглость. Когда сталкиваются интересы двух групп и обе группы претендуют на одни и те же блага и территорию, процесс поляризации по этническому признаку неизбежно начинает выливаться в противостояние, в конфликт, который, в свою очередь, блокирует удовлетворение базовых социально-психологических потребностей обеих сторон³.

Религиозные противоречия между мигрантами и местными жителями, принадлежащими к различным конфессиям, являются еще одним фактором мигрантофобии, которая проявляется в религиозной нетерпимости к иноверцам.

Фактор ментальности. Советский менталитет приучил воспринимать все, что превышает усредненный уровень жизни трудящихся, как нечто несправедливое, нечестное или преступное. Распад СССР, экономические реформы новой системы, устанавливающие законы частной собственности, ломка социальных гарантий со стороны государства заставили россиян воспитывать в себе самостоятельность, деловую активность, предприимчивость, расчетливость и обособленность⁴. Привитое советской культурой чувство коллективизма многим осложнило процесс перестройки сознания. В рядовом человеке можно заметить некий символ «простого советского человека», отличительной чертой которого является его принадлежность к социальной системе, режиму. Требование «быть как все» становилось ориентацией на всеобщее усреднение. И теперь, когда произошла идеологическая ломка, деформировались мировоззренческие установки, остался стержень – менталитет советского человека, вобравший в себя ценности труда, коллектива, простоту и фундаментализм русского характера.

Формирование мигрантофобии с учетом советской ментальности вызывает противоположные реакции. С одной стороны, явления, которые навязаны современностью, для многих местных жителей кажутся неприемлемыми, поскольку большинство не сумело приспособиться к условиям нового времени: например, стать «бизнесменом» или войти в «новую элиту»⁵. Поэтому в условиях социально-экономической кон-

курении местные жители, чей статус не приобрел значения в современной социальной структуре, болезненно воспринимают очевидное «приспособленчество» мигрантов, которые знают как и что делать, чтобы не просто выжить, но и повысить свой материальный уровень, помочь переехать другим родственникам, оставшимся на родине.

Формирование мигрантофобии у подверженных ей людей нередко связано с отложившимся в сознании традиционным восприятием истории межтерриториальных взаимодействий⁶, что требует исторического анализа. В официальной ксенофобии возникли специфические направления. Одним из них стала религиозная фобия, принявшая форму государственного атеизма: верующий был чужаком. Далее, в общественном разуме культивировалась социальная фобия, наиболее законченной интерпретацией которой стала сталинская идея об обострении классовой борьбы. Что касается мигрантофобии, то официальная идеология остро критиковала любые националистические проявления. Распространенные же среди «простых людей» этнофобии существовали в «подавленном» состоянии, пребывали на периферии сознания, но не исчезали.

Можно сделать вывод, что развал тоталитарной системы ликвидировал запреты на национальное и религиозное самовыражение, дав возможность открытой критической оценки нравов, обычаев, религии, традиций людей, принадлежащих к «не своим» этническим, религиозным и иным группам. А вызванная хроническим кризисом личная неустроенность стала основой для того, чтобы – хотя бы частично – перекладывать вину за это на мигрантов. Наконец, неприязнь к ним оказалась для некоторых националистических организаций удобным орудием манипуляций с целью привлечения части населения на свою сторону.

Демографический фактор. Кризисное состояние социума, разрушение символического мира, присущего советскому типу социализации, отсутствие целостной идеи нового воспитания привели к фрустрации всех социально-демографических групп населения, но особенно дезориентировали молодежь, которая ищет четкие и привлекательные идеалы, но не

находит их, что способствует росту социальной агрессии по отношению к мигрантам⁷. При этом возраст является наиболее значимым фактором, обуславливающим распространенность этнической неприязни.

Молодежь в силу возрастных особенностей легче усваивает национальную фразеологию, идентифицируется с ней. Кроме того, она просто нуждается в групповой идее, причем в силу особенностей юношеской психологии любая идея гипертрофируется и искажается.

Фактор межличностного взаимодействия в системе «местные жители – мигранты» обращает отрицательный опыт межэтнических контактов в формирование и проявление интолерантности местных жителей по отношению к мигрантам. На уровне межличностного взаимодействия мигрантофобия формируется как следствие опыта общения с мигрантами. При этом важно отметить, что данный опыт может быть не только в виде демонстративных столкновений, конфликтов, неприязни и т. д., но и простого игнорирования со стороны местных жителей.

Фактор численности мигрантов и особенности их расселения в локальной среде местных жителей сводится к тому, что чем больше концентрация приезжих, тем сильнее территориальная идентичность способствует межэтническим взаимодействиям⁸.

Попытки мигрантов сформировать о себе положительное мнение, как показывает практика, зачастую воспринимаются местным населением как склонность к самовозвышению. В наибольшей степени это актуализируется в малых городах и селах, население которых воспринимается городскими переселенцами как провинциальное.

В сельской местности местные жители видят что-то отрицательное в появлении переселенцев в 1,6 раза чаще, чем в больших городах, где появление мигрантов менее заметно, и люди часто не знают друг друга, живя в одном доме⁹. Горожане проявляют меньше категоричности в суждениях о негативных последствиях притока мигрантов. Что касается сравнительно небольших городов и сел, где появление переселенцев одинаково заметно, степень негативной реакции

населения определяется конкретной ситуацией: остротой конкуренции за землю в сельской местности и за жилье и рабочие места в городских условиях. Причем и там и там намного острее воспринимаются «обособленность» и «отчужденность» приезжих.

Уровень негативной реакции на появление вынужденных мигрантов в разных типах поселений определяется различиями в социокультурной дистанции между принимающей общиной и приезжими. И здесь противоположность полюсов – города и села – связана уже не только с размерами принимающей общины, но и с уровнем урбанизации. В селах гораздо чаще, чем в городских поселениях, местные жители характеризуют переселенцев-горожан как не умеющих и не желающих работать.

Важное для понимания истоков мигрантофобии отличие миграционных потоков последних десятилетий состоит в том, что вынужденные мигранты становятся объектом общественного внимания, а взаимоотношения в местах притока переселенцев складываются не между отдельным приезжим (или целой семьей) и принимающей общиной, а чаще всего между местным и пришлым сообществами. Так же хорошо известно, что реальные социальные и межэтнические стереотипы, разного рода фобии и мифологемы возникают не в межличностных, а именно в межгрупповых отношениях.

Таким образом, факторы мигрантофобии разнообразны и в совокупности представляют собой структуру признаков и отношений, которые в человеческом сознании поляризуются в оппозициях идентичностей «мы, местные жители» – «они, мигранты».

В проблемных ситуациях, связанных с проявлением мигрантофобии, важен фактор региональной миграционной политики. Современное политическое устройство, приобретая демократические формы, становится более локализованным и концентрическим на уровне субъектов Российской Федерации, что повышает роль последних в решении проблемы.

Этнический состав населения и характер миграционных процессов в регионе влияет на миграционную политику

и ее последствия. В условиях экономических трудностей и социальной незащищенности у местного населения обостряется чувство принадлежности к своей локально-территориальной группе и мигрантофобия может приобретать массовый характер.

Фактор этнической принадлежности мигрантов проявляется в утрате местным населением психологической устойчивости в ситуации социокультурного кризиса, снижения этнического статуса, социопатии и этнофобии.

Фактор манипуляции сознанием. Практика СМИ, развитие PR-технологий составляют современную реальность политических игр и манипуляций сознанием. В связи с этим эффекты смещения внимания на мигрантов как социальную угрозу местному населению пользуются большим спросом, поскольку вызывают к чувствам национального достоинства и «чистоте» этнического состава территории, занятой местным населением. Известны случаи, когда за неимением какого-либо объективного основания для оценки адекватности ситуации члены групп могут подменять его чьим-нибудь мнением и социальным основанием.

Социальное переустройство оказывает огромное влияние на формирование этнических идентичностей, образов «мы» и «они», концентрируя внимание на процессе идентификации социологов и других специалистов, обеспокоенных появлением мигрантофобии, которая, как социальный феномен, требует глубокого изучения, интерпретации и дальнейшей систематизации в науке.

Таким образом, к важнейшим факторам обострения мигрантофобии следует отнести: фактор социальной конкуренции; фактор религиозных противоречий; фактор ментальности; исторический фактор; демографический фактор; фактор межличностного взаимодействия в системе «местные жители – мигранты»; фактор численности мигрантов и особенности их расселения в локальной среде местных жителей; фактор региональной миграционной политики; фактор этнической принадлежности мигрантов и фактор манипуляции сознанием¹⁰.

Примечания

---

¹ Immigration and Refugee Protection Regulations // Canada Gazette. Part 2. Vol. 136. № 9. Ottawa, Friday, June 14, 2002. P. 65.

² Миграция и безопасность в России / Под ред. Г. Витковской и С. Панарина; Моск. центр Карнеги. М.: Интердиалект, 2000. С. 46.

³ Население России 2007: Десятый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Кн. дом «Университет», 2004. С. 47.

⁴ Проблемы и перспективы устойчивого развития Ставропольского края в структуре Южного Федерального округа: Материалы 48 науч.-метод. конф. «Университетская наука – региону». Ставрополь: СГУ, 2003. С. 35.

⁵ Фуллер Р., Майерс Р. Стадии социальной проблемы // Контексты современности. II. Казань, 2001. С. 17.

⁶ Население России 2007. Десятый ежегодный... С. 46.

⁷ Фуллер Р., Майерс Р. Указ. соч. С. 15.

⁸ Мукомель В.И. Правовые основы и практика регулирования миграции в субъектах Федерации // Миграция. Вып. 3. М.: Гуманитарий, 2007. С. 63.

⁹ Нужны ли иммигранты российскому обществу / Под ред. В.И. Мукомеля, Э.А. Паина. М.: Либеральная миссия, 2006. С. 63.

¹⁰ Рыбаковский Л.Л., Рязанцев С.В. Международная трудовая миграция в Россию и принципы новой миграционной политики // Использование иностранной рабочей силы в России: проблемы и перспективы: Материалы круглого стола. М.: Ин-т междунар. экон. и полит. исслед. РАН, 2008. С. 69.

Н.В. Курдюмов (Москва)

*Союз экспертов и консультантов
в сфере трудовой миграции*

*«Международный альянс “Трудовая миграция”»
president@ialm.ru*

Трудовая адаптация мигрантов на российском рынке труда – важное условие социокультурной адаптации

Процессы социокультурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации различаются в зависимости от тех целей, с которыми эти мигранты прибывают в Россию. У трудовой миграции, в отличие от учебной, лечебной и иной, главная задача – заработать деньги для сносного пребывания в России и отправки заработанных средств на родину мигранта. Именно такие мигранты составляют большую часть миграционного потока.

В основе процессов социокультурной адаптации трудовых мигрантов – легальное пребывание в России и законная трудовая деятельность. Если статус трудовых мигрантов неурегулирован, все усилия по их адаптации будут сведены к нулю.

Таким образом, трудовая адаптация является для трудовых мигрантов условием успешной социокультурной адаптации.

Основные проблемы трудовой адаптации мигрантов связаны с несогласованностью миграционного потока с ситуацией на российском рынке труда. Складывается противоречивая ситуация: при значительном притоке трудовых мигрантов существует постоянно высокий неудовлетворенный спрос на рабочую силу, при этом квалификационный потенциал мигрантов нередко не востребован.

Прибывающие в Россию трудовые мигранты, неадаптированные к реальности российского рынка труда, обращаются в поиске хотя бы какой-то работы к своим соотечественникам или недобросовестным работодателям, что нередко приводит к теневой занятости или трудовой дискриминации и, естественно, не способствует адаптации мигрантов.

Для системного содействия трудовой адаптации необходима, как минимум, следующая инфраструктура:

- создание информационно-консультационных сервисов по заблаговременному информированию заинтересованных трудовых мигрантов о реальных вакансиях работодателей, требованиях к соискателям, условиях труда и быта, других важных элементах законного пребывания и работы в России;
- развитие в странах выезда мигрантов и в России, на базе учебных заведений среднего профессионального обучения, программ профессиональной подготовки мигрантов по реально востребованным на рынке труда профессиям и наличие возможностей для трудовых мигрантов оплатить за обучение из будущей зарплаты;
- внедрение процедур профессиональной аттестации трудовых мигрантов с учетом требований работодателя и перспективных запросов российского рынка труда, а также системы рекомендаций работодателей по результатам работы у них мигрантов;
- введение механизмов реального контроля за недопущением дискриминации и эксплуатации трудовых мигрантов со стороны российских работодателей (этот механизм должен являться продолжением соответствующего контроля относительно российских работников).

Указанные задачи являются составными элементами процесса организованного набора как комплекса мероприятий по организованному подбору и привлечению работников из числа иностранных граждан, отвечающих комплексу требований работодателя на вакансии на российском рынке труда.

Таким образом, для успешного решения задачи трудовой и социокультурной адаптации мигрантов нужно разви-

вать систему организованного набора иностранных граждан на работу в Россию.

Актуальность развития оргнабора связана также с подписанием в текущем году и недавней ратификацией межправительственного соглашения «Об организованном наборе и привлечении граждан Республики Узбекистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации», для реализации которого предстоит выполнить комплекс мероприятий. Идет также подготовка подобных соглашений с другими государствами.

Кроме того, в разрабатываемом сейчас под эгидой Федерального агентства по делам национальностей проекте Федерального закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» впервые излагаются требования к центрам предвыездной подготовки мигрантов за рубежом и центрам социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в России, которые являются одним из важных компонентов инфраструктуры оргнабора. Учитывая все это, необходимо сформулировать базовые требования к оргнабору и его участникам, пути и формы его развития, определить механизм управления оргнабором.

На основе пятнадцатилетнего опыта работы Союза экспертов и консультантов в сфере трудовой миграции «Международный альянс “Трудовая миграция”» хотели бы представить участникам конференции видение структуры оргнабора, механизмов его управления и развития.

В обеспечении функционирования оргнабора принимают участие как госструктуры, так и негосударственные организации в государствах выезда мигрантов и в России.

Важное место в системе оргнабора занимают кадровые агентства или *частные агентства занятости* (термин взят из Конвенции МОТ № 181 «О частных агентствах занятости»), которые должны осуществлять подбор востребованных работников из числа иностранных граждан в соответствии с заявками работодателей. Являясь ключевыми посредниками между мигрантом-соискателем рабочего места и работодате-

лем, частные агентства занятости (ЧАЗы), по сути, реализуют на практике базовые функции оргнабора.

Профессиональная работа ЧАЗов предполагает детальное знакомство с требованиями работодателя, условиями работы и быта мигрантов, особенностями трудового договора и прочими условиями. От ЧАЗа также требуется способность и умение тестировать профессиональные и личностные характеристики соискателя. Некачественная работа на этом этапе приводит к тому, что даже после предварительного согласования трудовой мигрант не проходит испытательный срок и остается в России без работы.

При всей важности роли ЧАЗов центральное место в оргнаборе, как и в процессах трудовой адаптации мигрантов, занимают российские работодатели, предоставляющие вакансии для замещения соответствующими кандидатами из числа иностранных граждан.

Задачи перед работодателями и их объединениями по содействию процессам социокультурной адаптации зафиксированы в проекте Федерального закона «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Относительно роли работодателей в оргнаборе важно, на наш взгляд, разработать ряд требований к таким работодателям, которые минимизируют риск попадания мигрантов в теневые неурегулированные отношения. В то же время работодатели должны быть заинтересованы в участии в оргнаборе. Необходимо предложить для них определенные преференции.

Привлечение работодателей к оргнабору, который, по сути, направлен на повышение легальности, прозрачности и предсказуемости российского рынка труда, должно поощряться и со стороны таких авторитетных объединений предпринимателей и работодателей, как ТПП России, РСПП, ОПОРА РОССИИ, Деловая Россия. Представляется целесообразным сформировать при каком-либо объединении работодателей, например при ТПП России, Информационно-консультационный ресурсный центр, обслуживающий работодателей,

привлекающих и использующих иностранную рабочую силу. Указанный центр мог бы консультировать работодателей о требованиях действующего законодательства с учетом прецедентов в правоприменительной и судебной практике, а также осуществлять мониторинг различных сфер трудовой миграции и на этой основе готовить аналитические и справочные материалы для публичного распространения.

В настоящее время завершается трехлетняя работа по разработке профстандарта «Специалист по трудовой миграции», который мог бы стать основой для подготовки соответствующих специалистов и последующего повышения их квалификации. Это позволит обеспечить участников оргнабора – работодателей и ЧАЗы – сертифицированными специалистами требуемой квалификации.

Хотелось бы также отметить важность скоординированного участия в процессе содействия социокультурной адаптации трудовых мигрантов (посредством оргнабора) вузов, прежде всего официально назначенных для проведения комплексного экзамена по русскому языку и иным предметам. Эти услуги, безусловно, необходимы, но они все же вторичны в свете главной цели – согласованного и предсказуемого процесса привлечения и использования иностранной рабочей силы на российском рынке труда.

Наконец, участником процесса трудовой адаптации является сам трудовой мигрант. Целесообразно было бы также зафиксировать его ответственность за успешность процессов трудовой адаптации к российскому рынку труда. Пассивное отношение трудовых мигрантов к процессам поиска работы и трудоустройству не стимулирует процессы адаптации.

Важно подчеркнуть, что в успешном решении вопросов, касающихся формирования, запуска и развития оргнабора как инструмента содействия процессам трудовой и социокультурной адаптации мигрантов, заинтересованы все участники этого процесса:

- мигранты получают достойную работу и правовую защиту в чрезвычайных ситуациях;
- работодатели привлекают востребованных и адаптированных к реалиям работников;

– государство и принимающее сообщество минимизируют негативные последствия трудовой миграции за счет улучшения ее регулирования и повышения эффективности процессов социокультурной адаптации и интеграции иностранных граждан в российское общество.

Для решения вышеизложенных вопросов необходимо:

- осуществлять меры по имплементации механизма и методов организованного набора иностранных работников, в первую очередь путем заключения соответствующих межправительственных соглашений, учета российского и зарубежного опыта, принятых Межпарламентской ассамблеей СНГ модельных законов и рекомендаций, а также других документов, включая Конвенцию Международной организации труда о частных агентствах занятости;
- оказывать необходимое содействие ускорению процессов трудовой адаптации как составной части социокультурной адаптации и интеграции иностранных граждан в российское общество;
- активнее привлекать объединения предпринимателей (работодателей) к реализации проектов, связанных с организованным набором трудовых мигрантов, включая проекты по адаптации и интеграции мигрантов.

В.В. Комаровский (Москва)

*Институт мировой экономики
и международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН
komarovskiy.vv@imemo.ru*

Международный опыт адаптации трудовых мигрантов

В мире накоплен весьма обширный и крайне разнообразный опыт использования практик интеграции трансграничных мигрантов в принимающих обществах. В связи с изменениями объемов, структуры и направлений международных миграционных потоков повышенное внимание уделяется трудовой миграции, проблемам ее регулирования и интеграции иностранцев на рынках труда стран приема. Накопленный опыт использования иностранной рабочей силы на базе программно-целевых стратегий, системный подход к их анализу позволяет избежать многих проблем, таких как фрагментарность политики интеграции и непоследовательность принимаемых мер по адаптации иностранцев на отечественном рынке труда.

Проблема интеграции трансграничных мигрантов в российское общество затронута в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», в Государственной программе РФ «Реализация государственной национальной политики» и, наконец, в проекте Федерального закона о социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации, представленном Федеральным агентством по делам национальностей (ФАДН) в 2017 году.

Если в Стратегии и Госпрограмме определены приоритеты и цели национальной политики страны, в том числе и

в сфере социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов, то проект закона содержит также и определение данной составной нормативной конструкции:

1) социальная и культурная *адаптация* иностранных граждан – процесс освоения иностранными гражданами, временно пребывающими на территории Российской Федерации с целью осуществления временной трудовой деятельности, и членами их семей русского языка, социальных и культурных, правовых и экономических норм российского общества;

3) социальная и культурная *интеграция* иностранных граждан – процесс освоения иностранными гражданами, временно или постоянно проживающими на территории Российской Федерации, русского языка, социальных, культурных, правовых, экономических норм российского общества на уровне, необходимом для временного или постоянного проживания в Российской Федерации, формирования устойчивых правовых, экономических, социальных и культурных связей между иностранными гражданами и российским обществом¹.

В соответствии с данным определением речь идет о связанных, но самостоятельных понятиях, а именно о социально-культурной адаптации и социально-культурной интеграции. Первое понятие относится к иностранцам, временно пребывающим и временно осуществляющим трудовую деятельность на территории РФ, второе – к иностранцам, временно или постоянно проживающим в России.

Подобная трактовка вызывает серьезные сомнения, вытекающие из опыта, накопленного основными странами приема мигрантов. Естественно, что в научном дискурсе присутствуют различные взгляды на феномен интеграции. Тем не менее наиболее приближенным к реальной практике национальных подходов к проблеме взаимодействия принимающих обществ и прибывающих иностранцев следует признать представление об интеграции мигрантов как о сложном, ступенчатом и взаимосвязанном процессе².

При этом адаптация, причем не только социально-культурная, но и психологическая выступает необходимым *пер-*

вичным этапом интеграции в принимающее общество вне зависимости от сроков пребывания и его целей.

Следующий этап процесса интеграции – т. н. *аккультурация*, которая в зависимости от целей пребывания или проживания в стране может принимать различные формы, в том числе в зависимости от индивидуальных и групповых стратегий поведения, размеров референтной группы, ее интегрированности в принимающее общество и т. д. и т. п.

Полная интеграция индивида или группы выходцев из конкретной местности, региона, этнической группы, страны в принимающее общество рассматривается как *ассимиляция*. Длительное время она выступала одной из основных целей иммиграционной политики принимающих стран на стадии поселенческой миграции³.

Однако постепенно в связи с возрастающим многообразием стратегий и тактик адаптации мигрантов к новым условиям жизни, длительностью достижения реальной ассимиляции (добровольной или вынужденной) принимающим странам пришлось отказаться от постановки данной цели иммиграционной политики. Им потребовался переход к иным формам осмысления процесса включения мигрантов в принимающее общество, соотнесение их с новыми формами организации привлечения, отбора и отсева востребованных конкретных категорий мигрантов (временных и постоянных). Все это было обусловлено тем, что произошло изменение потребностей национальных рынков труда в иностранной рабочей силе, повлекшее трансформацию систем регулирования притока мигрантов.

Параллельно с изменениями в организации иммиграционного регулирования и соответствующей политики происходило и изменение исследовательского и общественно-политического отношения к проблеме ассимиляции, ее «стигматизация»⁴. Соответственно невозможность и невостребованность массовой ассимиляции привела к выдвижению новых концепций, прежде всего ряда разновидностей «мультикультурализма». При этом данная концепция, ее национальные и континентальные разновидности при попытке реализации в реальной миграционной политике дали достаточно разнообразные результаты⁵.

В ЕС она потерпела очевидное поражение, особенно наглядно проявившееся в ходе противодействия последнему миграционному кризису 2015–2016 гг.⁶ В Канаде же собственная версия мультикультурализма продолжает оставаться важным элементом национальной иммиграционной политики⁷. При этом серьезный анализ показывает, что это весьма специфическая разновидность мультикультурализма, исходящая из реальных социально-экономических потребностей страны и достаточно гибкого подхода к их удовлетворению в отличие от европейского аналога.

Например, Законом о мультикультурализме 1988 г. (Multiculturalism Act) его цели определены следующим образом:

- содействие признанию, сохранению и укреплению идентичности для продвижения интеграции;
- оказание помощи иммигрантам и меньшинствам в преодолении препятствий на пути более широкого участия в укреплении общества;
- расширение обмена мнениями между меньшинствами и местным сообществом для снижения риска сегрегации;
- углубление знания официальных языков для широкого участия (в общественной жизни)⁸.

В зависимости от определенного периода развития и конкретных задач канадский мультикультурализм широко использовался для их решения, постоянно балансируя между расширением прав и обязанностей сторон взаимодействия. При этом сохраняется основополагающая роль географического положения и исторического опыта взаимодействия различных групп и национальных меньшинств как краеугольного камня уникальности канадской модели интеграции. По сути, это специфический пример многонационального государства, сохраняющего и/или формирующего на базе диаспор регионы более или менее компактного проживания наций и этнических групп (аборигены, украинцы, духоборы, франкофоны и все остальные).

Уникальность исторического опыта принимающих стран, ограниченность возможности использования опыта даже достаточно успешных стратегий интеграции, тем более стандартных подходов и методик, необходимость выработки

собственной миграционной и интеграционной политики особенно наглядно проявились в последние годы.

Массовый приток беженцев в 2015–2016 гг. серьезно обострил и усугубил проблему, с одной стороны, выдвигая задачу «переваривания» миллиона новых поселенцев и необходимость предотвращения возможности следующих волн, с другой – отвлекая внимание и снижая общественно-политический интерес к накопленным проблемам медленного восстановления национальных рынков труда в ЕС. Кроме того, со всей очевидностью встала проблема углубления противоречий стран – членов ЕС по вопросу приема и перераспределения потока беженцев.

Следует напомнить, что 35,1 млн уроженцев третьих стран уже проживали в ЕС – 28 в 2016 г., а еще 19,3 млн чел. были выходцами из других стран – членов ЕС⁹. При этом среди выходцев из третьих стран 20,7 млн чел. сохраняли гражданство стран, не входящих в ЕС.

Уникальность того или иного национального опыта интеграции мигрантов не отменяет необходимости анализа возможных инструментов и компонентов, на базе которых формируются конкретные национальные модели. Это как минимум полезно для учета чужих ошибок.

Несомненно, наиболее важной и сложной проблемой в этом смысле является проблема коммуникации – освоения мигрантами языка страны приема.

В ряде основных принимающих стран (Австралия, Канада, Великобритания и др.), делающих акцент на привлечение трудовых мигрантов и прежде всего высококвалифицированных специалистов (далее ВКС) для претендентов на въезд, прежде всего необходимо соответствовать определенным критериям, в том числе и по уровню знания языка (балльные системы)¹⁰.

Таким образом, проблема языковой адаптации для трудовых мигрантов в подобных системах, как правило, не стоит. При этом надо иметь в виду, что временная трудовая миграция все больше превращается в «испытательный срок», этап первичной адаптации для последующего перехода в статус постоянных резидентов с перспективой нату-

рализации. Для сопровождающих членов семей и их адаптации в стране пребывания в зависимости от конкретных условий предусмотрена возможность посещения курсов языковой подготовки.

Представляется важным и опыт Южной Кореи по организованному набору малоквалифицированной иностранной рабочей силы¹¹. Особый интерес представляет трансформация страны из экспортера рабочей силы в принимающее общество. В соответствии с межгосударственными соглашениями в странах-донорах по определенным критериям проводится строгий отбор приемлемых кандидатов и осуществляется их первичная языковая и ознакомительная подготовка. После ее завершения и прибытия в Корею проводится более предметное инструктирование трудовых мигрантов.

По большому счету, наиболее востребованные принимающие страны не испытывают потребности также и в организации профессиональной подготовки трудовых мигрантов. Их задача – организация системы отбора и отсева претендентов, обладающих квалификациями, наиболее востребованными на местных рынках труда¹². В основном сети разнообразных подготовительных курсов создаются для беженцев и членов семей трудовых мигрантов. Плотность и эффективность подобных сетей достаточно неравномерна в соответствии с конкретной политикой страны приема.

Первичная адаптация трудовых мигрантов, как и их дальнейшая интеграция, напрямую зависит от ситуации на рынках труда¹³. В последнее время на рынках труда стран – членов ЕС наблюдается формальное улучшение ситуации. В ноябре 2017 г. уровень безработицы составил 7,3% против 8,3% в ноябре 2016 г.¹⁴ Снижается безработица и в наиболее проблемных странах (Греция и Испания) и категориях трудоспособного населения (молодежь).

Вместе с тем сохраняется высокая застойная безработица, медленно снижается доля неактивного населения и прежде всего молодежи (т. н. NEETs). Наблюдается переизбыток выпускников вузов по ряду профессий и соответственный рост несовпадения уровня квалификации предлагаемых рабочих мест и уровня и профиля подготовки вынужденных их

занимать работников, обостряется проблема избыточности образования. Для трудовых мигрантов данные проблемы стоят еще острее¹⁵.

Параллельно работодатели постоянно декларируют нехватку ряда категорий ВКС. Под влиянием подобных запросов правительства меняют акценты в иммиграционной политике. Существенным показателем результативности данной стратегии выступает межстрановое распределение потоков высококвалифицированных специалистов и исследователей. Несмотря на все усилия стран ЕС по привлечению и повышению их доли среди трудовых мигрантов (голубая карта) 70% всех ВКС направляется в четыре англосаксонские страны (США, Великобритания, Канада и Австралия) (данные по ОЭСР)¹⁶.

Не менее злободневной, особенно в современных условиях, становится проблема трудовой адаптации беженцев. Многочисленные исследования свидетельствуют о том, как серьезно различаются скорость и степень интеграции экономических мигрантов и беженцев. Также, несмотря на все попытки формирования общеевропейской политики интеграции беженцев, ее характер серьезно различается от страны к стране¹⁷.

Разница в степени интеграции на рынке труда различных категорий мигрантов обуславливается в первую очередь их мотивацией. Степень занятости беженцев заметно ниже, чем у трудовых мигрантов (прежде всего в Ирландии, Великобритании и Германии)¹⁸.

Однако и положение экономических мигрантов на европейском рынке труда хуже, чем у местного населения: безработица – 12,3% против 7,8% для местного населения. Уровень временной занятости также выше, кроме того, заметно выше использование квалифицированных мигрантов на менее квалифицированных позициях¹⁹.

Исследования также свидетельствуют о том, что интеграция мигрантов и беженцев, в особенности на рынке труда, требует значительного времени²⁰.

Интеграционная политика напрямую связана с иммиграционной политикой, хотя у них и различные задачи.

В их основе во многих странах приема заложен программно-целевой подход, позволяющий оценивать потребности страны в определенном объеме мигрантов, отвечающих набору обязательных требований. Подобный подход позволяет как удовлетворять потребности рынка труда и бизнеса, так и снижать избыточное давление нелегальной миграции. В то же время система требований к претенденту на въезд и тщательный отбор облегчают процесс интеграции трудовых мигрантов и их семей к новым условиям. Кроме того, процесс первичной адаптации дополняется комплексом мер по содействию дальнейшей интеграции в принимающее общество.

Среди таких мер в ЕС можно назвать *соглашение об интеграции*, заключаемое уже после получения мигрантом разрешения на пребывание и работу. В частности, в Италии данный инструмент используется с 2012 г. [Integration Agreement, 2016]. В соответствии с «Регламентом выполнения соглашения об интеграции между иностранным гражданином и Государством» соглашение обязательно для всех иностранцев, прибывших в Италию на срок более одного года и старше 16 лет. Оно заключается на 2 года с возможностью продления на 1 год. В основе лежит система получения (лишения) «кредитов» за участие в процессе интеграции (языковой, культурной и образовательной) – своеобразный клон балльной системы отбора претендентов на постоянную иммиграцию. Подобные соглашения действуют также во Франции и Австрии.

При всем разнообразии национальных подходов и итогов интеграции следует выделить такие принципиальные моменты, как использование программно-целевого подхода, опирающегося на анализ реальных потребностей рынка труда, планирование масштабов приема различных категорий мигрантов, поощрение и поддержка интеграции востребованных категорий иностранцев, меры по адаптации беженцев, получающих легальный статус. Подобный подход призван повысить эффективность соответствующей политики и преодолеть присущую ей в настоящее время фрагментарность.

Примечания

---

¹ Проект ФЗ «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации». Ст. 2. Основные понятия. П. 1. [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=163189#0>

² *Berry J.W.* Immigration, Acculturation, and Adaptation // *Applied Psychology: An International Review*. 1997. 46 (1). P. 5–68; OECD/European Union (2015). Indicators of Immigrant Integration 2015: Settling // OECD Publishing, Paris. <http://dx.doi.org/10.1787/9789264234024-en>; *Малахов В.С.* Интеграция мигрантов: концепции и практики. М.: Мысль, 2015.

³ *Griffith A.* A History of the Department of Immigration. Commonwealth of Australia, 2017. P. 116. <http://www.homeaffairs.gov.au/CorporateInformation/Documents/immigration-history.pdf>

⁴ Интеграция мигрантов: возможна ли она в современном обществе? М.: МГУ, 2015. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Вып. 29. С. 150.

⁵ BBC (2011). State multiculturalism has failed, says David Cameron (5 February 2011). <http://www.bbc.com/news/uk-politics-12371994>

⁶ *Hofmann M.* (November 2016) The emergence of a new foreign migration policy in Europe / Vienna Migration Conference. ICMPD Working Paper 11. International Centre for Migration Policy Development. Vienna, Austria. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.icmpd.org>

⁷ *Griffith A.* (1.11.2017) Building a Mosaic: The Evolution of Canada's Approach to Immigrant Integration. P. 5–7. <http://www.migrationpolicy.org/article/building-mosaic-evolution-canadas-approach-immigrant-integration>

⁸ Canadian Multiculturalism Act 1988. [Электронный ресурс] URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-18.7/page-1.html>

⁹ Eurostat (03.2017) Migration and migrant population statistics. http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Migration_and_migrant_population_statistics

¹⁰ *Комаровский В.В., Веденеева В.Т.* Феномен трудовой миграции в изменяющемся мире. М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 7–17.

¹¹ Там же. С. 18–66.

¹² Здесь возникает другая проблема – признание и подтверждение квалификаций трудовых мигрантов, полученных за рубежом.

¹³ The Employment Committee. The Support Team. Employment Performance Monitor 2017. Europe 2020. INDIC/15/12092017/EN <http://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=115&langId=en>

¹⁴ Eurostat (2017) (1) Unemployment statistics. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Unemployment_statistics

¹⁵ Социально-трудовые отношения: сравнительный анализ западных и российских практик действий на рынке труда. М., 2016. 207 с.

¹⁶ *Kerr Sari Pekkala, Kerr William, Özden Çağlar, Parsons Christopher* (October 2016). Global Talent Flows. / NBER Working Paper. No. 22715.

¹⁷ EU Parliament. Directorate General for Internal Policies. (2016) Labour Market Integration of Refugees: Strategies and good practices. European Commission, 06.07.2016.

¹⁸ *Zwysen W., Demireva N.* Country differences in labour market integration of refugees and economic migrants. Briefing 2016-2. November 2016. http://gemm2020.eu/wp-content/uploads/2016/11/briefing2_country_differences_final.pdf

¹⁹ European Commission (07.06.2016) Europe: Integration Action Plan of Third-Country Nationals launched (07/06/2016) URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/news/europe-integration-action-plan-of-third-country-nationals-launched>. Eurostat (03.2017) Migration and migrant population statistics. http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Migration_and_migrant_population_statistics

²⁰ EU Parliament. Directorate General for Internal Policies. (2016) Labour Market Integration of Refugees: Strategies and good practices.

М.А. Омаров (Москва)

*УНЦ изучения этнополитических
и этнокультурных процессов РГГУ
omarovm@list.ru*

Проблемы миграции и этнических диаспор в современном мире

В современной политической науке проблемой миграции и формированием этнических диаспор исследователи в России начали заниматься сравнительно недавно. Собственно, эта проблема актуализировалась с начала 90-х гг. XX в., после распада страны и образования постсоветских государственных образований.

В бывших союзных республиках резко ухудшилась социально-экономическая и политическая обстановка, не было внятных процедур и правил в миграционной политике, началась неконтролируемая миграция, миллионы людей оказались в непривычных для себя условиях неграждан (как в Прибалтике), а многие русские и русскоязычные граждане бывшей большой и единой страны оказались во враждебной среде, вынуждающей их менять место жительства и среду обитания. Появились «диаспоры катаклизма», как назвал такие этнические сообщества, образовавшиеся в результате дезинтеграции и распада крупных государственных образований, приводящих к изменению политических границ, профессор Калифорнийского университета Р. Брубейкер. Начали появляться работы, посвященные различным аспектам миграции, возможностям адаптации и интеграции диаспоральных сообществ, функционированию и развитию этнических диаспор в современном политическом процессе, их роли во внутренней и внешней политике государства.

Диаспора в переводе с греческого означает «рассеяние» и в самом первоначальном смысле обозначала общность граждан древнегреческих городов-государств, мигрировавших на завоеванные вновь территории с целью колонизации и ассимиляции населения этих территорий.

Собственно, миграция из одного региона в другой существовала всегда, но это не носило такого масштабного характера, который мы наблюдаем в последние десятилетия.

В современное время любые большие перемещения людей, связанные с пересечением государственных границ и мигрирующих по всему миру, характеризующие современный глобализованный мир, все чаще рассматриваются в контексте проблем миграции этнических групп и дальнейшей их диаспоризации (интеграции, ассимиляции, адаптации и т. д.).

Естественно, не всякая этническая общность становится мощной и организованной диаспорой, способной влиять на процессы как в стране пребывания, так и в стране исхода.

Мы здесь специально не будем касаться так называемых внутренних диаспор, т. е. этнических диаспор, состоящих из представителей определенных этносов, являющихся гражданами страны, так как это является достаточно спорной темой как в научном сообществе, так и в экспертных и политических кругах. Подчеркнем для возможных оппонентов лишь тот факт, что «осетинская» или «дагестанская» диаспора, как часто называют эти и другие этнические сообщества, состоящие из граждан страны, как руководители, так и рядовые члены соответствующих национально-культурных объединений, идентифицируют себя так в силу того неопровержимого факта, что они не в полной мере ощущают себя «как дома», т. е. как бы «немного чужими».

Почему и зачем – это другой вопрос, связанный с формированием общероссийской идентичности, проблемами, стоящими перед страной и обществом в данном дискурсе, на который мы будем пытаться ответить в отдельном материале.

Как подчеркивает профессор В. Попков, «феномен современных диаспор содержит в себе до сих пор слабо исследуемое явление наложения друг на друга социальных, этнических и политических пространств, вследствие чего стало возможным воз-

никновение и существование глобальных этнических анклавов, пересекающих границы культур и государств»¹.

Из современных определений понятия «диаспора» наиболее точным нам представляется определение российских исследователей Тощенко Ж.Т. и Чаптыковой Т.И.: «диаспора – устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущая в иноэтническом окружении за пределами своей исторической родины (или вне ареала расселения своего народа) и имеющая социальные институты для развития и функционирования данной общности»².

Деятельность мигрантских сообществ, конфликты между принимающей стороной и мигрантами, вопросы снижения межэтнического и межконфессионального напряжения, возможность интеграции данных этнических сообществ, их опять-таки возможная адаптация – вот вопросы, которые остро встали в последние годы перед всем мировым сообществом, в том числе и перед нашей страной.

За последние 50 лет численность международных мигрантов увеличилась более чем в три раза – если в 1960 г. в мире насчитывалось 75,5 млн чел., проживающих вне страны своего рождения, в 2000 г. – 174,5 млн чел., то к началу 2014 года – более 232 млн человек.

Каждый год Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН и ОЭСР выпускает доклад об уровне миграции в разных странах мира. Согласно представленным в этих докладах данным, с 2000 года количество мигрантов увеличилось на 49 процентов и составляет сейчас 258 млн человек. Около 64 процентов мигрантов проживают в странах с высоким уровнем доходов: в США – 50 млн человек, в Саудовской Аравии, Германии и России – по 12 млн человек, в Великобритании – 9 млн человек.

Все более актуализируется проблема изучения современных вызовов миграции, с которыми сталкивается и наша страна и в результате которой возникают новые диаспоры, существенно меняющие внутри- и внешнеполитический ландшафт.

Если в самом начале своего появления и функционирования диаспоры в иноэтничном культурном и политическом пространстве их основными целями и задачами было сохра-

нение языка, традиций, обычаев, культуры и сохранение этнорелигиозной идентичности, то в последние десятилетия этнические диаспоры как силу резкого усиления этнорелигиозного самосознания, так и в силу их возросших экономических, информационных и политических ресурсов начинают играть заметную роль во внутри- и внешнеполитических процессах.

Этнические диаспоры меняют демографическую структуру, этнический и конфессиональный состав, начиная порою навязывать принимающему их обществу чуждые для него ценности, увеличивая межэтническую и межконфессиональную конфликтность.

Вместе с тем существуют иные подходы, связанные с изучением проблем миграции и функционирования диаспор не только в социокультурном измерении.

В первую очередь, отметим направление, связанное с экономическими и демографическими исследованиями трудовой миграции.

Рассматривая экономико-демографический подход, условно назовем его так, мы никоим образом не отвергаем положения и принципы, исповедуемые его приверженцами. Современные тенденции экономического и демографического развития ведущих стран мира, в том числе и России, выражающиеся в сокращении трудовых ресурсов и в ухудшении демографической ситуации, заставляют нас рассматривать трудовую миграцию как фактор экономического развития страны и компенсацию естественной убыли населения.

За прошедшие после распада СССР годы миграционный прирост в значительной мере компенсировал более половины естественной убыли населения страны. Но тем не менее настоящее время, которое мы переживаем, заставляет нас более трезво смотреть на проблемы миграции и диаспоральных сообществ.

Естественно, что здесь не существует дилеммы между социокультурным и экономико-демографическим подходами при исследовании миграционных проблем. Характерной в этом дуализме является статья профессора экономического факультета МГУ И. Ивахнюк, бывшей коллеги автора насто-

ящей статьи по Научному Совету ФМС РФ (Совету уже *бывшему* – по причине упразднения самой ФМС РФ), «Международная миграция как ресурс развития (замечания в связи с глобальной дискуссией)», опубликованная на сайте «Социологии».

Не подвергаем сомнению основные положения статьи И. Ивахнюк, в которой утверждается, что «в современном мире международная миграция населения, особенно ее экономически обусловленные виды и формы, выступает важным ресурсом развития как для принимающих мигрантов стран, так и для стран происхождения».

При этом отношения, возникающие между двумя группами стран, определяются автором как миграционная взаимозависимость. Осознание миграционной взаимозависимости стимулирует активный поиск механизмов, которые позволили бы придать миграционным потокам более упорядоченный характер и обеспечить тем самым эффективное использование потенциала миграции для стран приема, стран выезда, а также для самих мигрантов.

В статье подвергается сомнению алармистский контекст термина «зависимость» в положениях работ многих исследователей. Сторонниками такого алармистского взгляда на проблемы миграции, по мнению И. Ивахнюк, являются, например, английский исследователь Д. Коулмен, автор концепции третьего демографического перехода, несущего необратимые этнические сдвиги европейскому населению, американский консервативный политик П. Бьюкенен, который сетует на уже сформировавшуюся зависимость Запада от иммиграционного допинга в своей книге с характерным названием «Смерть Запада», российский исследователь Л.Л. Рыбаковский, предостерегающий Россию от «необоснованной переоценки возможности такого варианта демографического развития, при котором динамика населения полностью зависит от внешнего миграционного допинга» и что означает «попадание в миграционную зависимость».

Наоборот, профессор А.Г. Вишневский, утверждающий, что именно иммиграция должна стать ключевым фактором демографического и экономического роста России, представ-

ляет, по мысли автора статьи, более взвешенный подход к данной проблематике.

Точки зрения уважаемых профессоров И. Ивахнюк и А. Вишневого в данном случае мы рассматриваем как наиболее характерные и выражающие, с нашей точки зрения, позиции сторонников экономически-демографического подхода.

На наш взгляд, такая точка зрения и преобладает в Концепции миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, принятой 13 июня 2012 г., в которой основными целями государственной миграционной политики обозначены:

- «стабилизация и увеличение численности постоянного населения Российской Федерации;
- содействие обеспечению потребности экономики Российской Федерации в рабочей силе, модернизации, инновационном развитии и повышении конкурентоспособности ее отраслей».

Собственно, полностью признавая и приветствуя вышеуказанные цели как таковые, считаем, что для достижения этих целей нельзя уповать на миграцию как на основную составляющую.

При существующем дисбалансе распределения населения по территории Российской Федерации (на территории Сибири и Дальнего Востока, которая составляет примерно $\frac{2}{3}$ территории страны, там проживает 8–10% населения страны) до сих пор не решена проблема переселения в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, отсутствуют программы привлечения на постоянное место жительства мигрантов с востребованными в стране профессионально-квалификационными, образовательными, экономическими, демографическими, социокультурными и другими характеристиками, способных успешно адаптироваться и интегрироваться в российское общество.

Сложности в получении разрешения на временное проживание и вида на жительство затрудняют процесс получения гражданства для большинства законопослушных мигрантов.

Тем же самым целям, обозначенным в Концепции государственной миграционной политики, могло бы способство-

вать в значительной степени решение проблем внутренней миграции, меняя вектор межрегиональной миграции с Юга на Восток страны, снимая нагрузку дисбаланса населения с Центра и Московского региона.

События последнего времени, и в Европе, и в России, заставляют нас более трезво подходить к проблемам притока мигрантов, образованию диаспоральных сообществ и все более учащающимся конфликтам между мигрантами и принимающей стороной.

Даже трехмиллионная турецкая диаспора, которая существует в Германии более 50 лет, не может являться примером успешной интеграции в немецкое общество. В Германии существует более 900 мечетей, по последним исследованиям, около 15% немецких турок можно считать фундаменталистами, один из трех турок Германии (более 1 миллиона человек) считает возможным построить общество, основанное на принципах времен пророка Мухаммеда³.

Немецкий профессор Гуннар Хайнзон, предсказавший «великое переселение народов» еще в начале XXI века, предупреждает об опасности доминирования африканцев и арабов в Европе к середине XXI века в своей статье «Как много африканцев устремится в Европу»⁴.

В Швеции с июля 2016 г. миграционное законодательство поменялось. Шведское королевство объявило о закрытии границ. Участвовавшие случаи агрессии со стороны мигрантов, в том числе кровавая бойня, устроенная афганцем в немецком поезде, кровавый теракт в Ницце, теракты в Париже и т. д. – все это привело правительство к мысли о необходимости избавляться от концепции слишком широко открытых дверей.

Теперь получить миграционные права можно будет только в случае воссоединения с семьей. Никаких статусов беженцев, никакого гражданства по факту многолетнего пребывания нелегалом в стране. Беженцы смогут находиться на территории Швеции не более трех лет, для иных категорий мигрантов срок пребывания в стране сокращен до одного года. Также оговаривается, что при попытке перевезти членов своей семьи беженец должен предоставить документы о финансовой состоятельности.

Новый премьер-министр Великобритании Тереза Мэй заявила о том, что стране необходимо уменьшить частоту ежегодной миграции до «десятков тысяч» человек, передает Reuters. По ее словам, британское правительство всегда стремилось уменьшить миграцию в Великобританию и перевести ее на «устойчивый» уровень. «Я считаю, что устойчивый уровень – это десятки тысяч приезжих», – сказала Мэй.

В июне 2016 г. экс-премьер Великобритании Дэвид Кэмерон заявил: «Мы должны остановить миграционные потоки, чтобы они не достигли Великобритании». (http://www.gazeta.ru/social/news/2016/07/20/n_8904071.shtml)

Таких фактов и сообщений, свидетельствующих о серьезных изменениях миграционной политики в сторону ужесточения, можно привести великое множество.

Отсутствие всестороннего анализа всех возможных последствий соприкосновения людей разных традиций, культур, обычаев и миропонимания в одном обществе, отсутствие многовекового опыта согражданства людей с большой культурной дистанцией, политика полной толерантности без учета этнических, традиционных и культурных специфик привели к тем последствиям, которые мы наблюдаем в Европе.

Все больше этнических групп оказываются вне устоявшихся систем координат, мироустройства, традиционных подходов и практик.

Перед большинством новых диаспор стоят те же информационные, коммуникационные, политические, культурологические задачи интеграции и адаптации в новой, чаще в чужой для нее среде.

Вместе с тем, как утверждает ведущий научный сотрудник Института философии, социологии и права Национальной Академии наук Армении, профессор Э. Григорьян, «диаспоры правят миром, устанавливают международные нормы, формируют правительства и государства и даже ставят задачи создания мирового правительства. В широком смысле можно сказать, что последние полвека мировые процессы проходят при экономическом и даже идейном доминировании диаспор»⁵.

Вряд ли мы можем полностью согласиться с профессором Григорьяном, но тем не менее это говорит о серьезности пробле-

мы, перед которой стоят практически все крупные государства мира, на территории которых функционируют влиятельные этнические диаспоры.

Профессор Иерусалимского университета Г. Шеффер предпринял попытку определить численность наиболее известных в мире диаспор. Согласно его расчетам, численность самой большой из так называемых исторических (то есть существующих с давних времен) диаспор – китайской – составляет в настоящее время 35 млн человек, индийской – 9 млн, еврейской и цыганской – по 8 млн, армянской – 5,5 млн, греческой – 4 млн, немецкой – 2,5 млн, диаспоры друзов – 1 млн человек. Среди «современных» диаспор самая крупная, афро-американская, насчитывает 25 млн человек, курдская – 14 млн, ирландская – 10 млн, итальянская – 8 млн, венгерская и польская – по 4,5 млн, турецкая и иранская – по 3,5 млн, японская – 3 млн, ливанская (христианская) – 2,5 млн человек⁶.

Они зачастую могут оказывать существенное влияние на внутри- и внешнеполитические процессы страны проживания. Также особенностью таких диаспор является то, что они могут иметь существенное влияние в «странах исхода». Для координации такой работы создаются специальные министерства и ведомства.

В качестве примера мы взяли этнические диаспоры трех стран, у которых есть доступная информация в открытых источниках на правительственных сайтах. Так, министерство диаспоры Республики Армения «разрабатывает и реализует общеармянские целевые программы развития партнерства Армения–Диаспора, укрепления рейтинга Армении, армянского народа и призвано способствовать деятельности по сохранению армянства, сохранению, защите, развитию и распространению культурного наследия Армении, способствовать усилиям Армении и Диаспоры, направленных на признание государствами и мировым сообществом Геноцида Армян...»⁷.

Министерство диаспоры и информации Израиля отвечает «за связи государства Израиль с еврейской диаспорой и разъяснение политики Израиля на международной арене, в состав министерства включены Государственная рекламная компания и Государственное управление журналистики и

министерство диаспоры и информации работает в тесной связи с посольствами и консульствами Израиля по всему миру и с Сохнутом».

Государственное агентство Грузии по вопросам диаспоры (в статусе министерства) отвечает «за установление и поддержание контактов с грузинской диаспорой за рубежом» (<http://diaspora.gov.ge/>).

Большинство исследователей проблем этнических диаспор подчеркивают наличие способности у таких диаспор к сохранению своей этнорелигиозной идентичности и общинной солидарности, усилению постоянных контактов с организациями и структурами «страны исхода» и страны проживания.

IV Съезд азербайджанцев мира, который (проходит раз в пять лет) состоялся в июле этого года в Баку и на котором председательствовал президент Азербайджана И. Алиев, принявший более 500 представителей диаспоральных организаций из 49 стран мира, призвал к отстаиванию интересов Азербайджана в странах проживания азербайджанских диаспор.

В своем выступлении Ильхам Алиев отметил, что «к сожалению, за рубежом азербайджанцы недостаточно представлены в исполнительных и законодательных органах. Азербайджанское государство не может вмешиваться в этот вопрос, наши диаспоральные организации должны сами заниматься этим... поручаю азербайджанским дипмиссиям по миру поддерживать диаспоры»⁸.

Несомненно, любое государство должно отстаивать, в первую очередь, свои национальные интересы.

Зачастую мы наблюдаем ситуацию, когда этнические диаспоры пытаются активно участвовать и влиять как на внутритриполитическую, так и на внешнеполитическую позицию страны пребывания. Примеры таких попыток усматриваются, в первом случае, в обращении азербайджанской диаспоры к председателю Государственной Думы ФС РФ С.Е. Нарышкину относительно внесенного законопроекта, устанавливающего уголовную ответственность за отрицание «геноцида армян».

Обращение было подписано всеми руководителями российских региональных отделений азербайджанской диаспоры во главе с членом Совета по межнациональным отношениям

при Президенте России А. Маггеррамовым, в котором говорилось, что «мы, граждане России, со своей стороны, продолжим публичное отрицание “геноцида армян” даже в случае принятия такой поправки», что можно расценить как попытку давления на законодательную власть.

Во втором случае такое наблюдалось после так называемой «четырёхдневной войны» в Нагорном Карабахе, когда армянская диаспора активно требовала от российского правительства прекратить поставки российского оружия Азербайджану.

Также мы наблюдали попытки таджикской диаспоры использовать фактор нахождения 201-й военной базы в Таджикистане для получения преференций таджикским мигрантам, причем иногда они добивались определенных успехов.

Такого рода примеров по каждой из крупных диаспор мы можем привести достаточное количество, но суть вопроса от этого не меняется – до каких пределов может пойти государство, чтобы усилить роль этнических диаспор, не будет ли это угрожать собственно национальным интересам страны?

Естественно, Россия, будучи крупнейшей региональной державой, являясь ведущим членом международных организаций – СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, Таможенного Союза, заинтересована в усилении своей роли в евразийской интеграции, что требует от России чрезвычайно деликатного и взвешенного отношения к проблемам миграции и этнических диаспор.

Миграция, особенно нелегальная, как мы видим в странах Евросоюза и в России, несет в себе огромное количество угроз самому существованию государств.

Иммиграционная политика европейских стран привела к тому, что лидеры основных центров силы – Германии, Великобритании и Франции вынуждены были признать, что политика мультикультурализма потерпела провал. Но это обстоятельство не привело к существенному изменению подходов лидеров ЕС, что, в свою очередь, привело к разногласиям среди членов Евросоюза.

В Европе сложилась ситуация, когда культурная дистанция между беженцами и принимающим обществом слишком велика, вследствие чего происходят множественные слу-

чай вопиюще недостойного поведения со стороны беженцев. Вспомним вызвавшие большой общественный резонанс случаи массового новогоднего насилия мигрантов по отношению к жительницам г. Кёльна.

Вместо осуждения такого поведения, мэр города выступила с призывом «одеваться поскромнее, чтобы не провоцировать беженцев на сексуальное насилие».

Собственно, политические решения, принятые без должного анализа и прогноза возможных последствий приема такого огромного количества мигрантов, привели к ситуации, когда в обществе начинают прорастать антимигрантские настроения, часто приводящие к насилию уже по отношению к самим мигрантам.

Во Франции, где процент мигрантов относительно местного населения приближается к 20%, мы наблюдаем, что миграционная политика властей не привела к интеграции мигрантов в местные сообщества, не привела к их адаптации к местным правилам и нормам, когда мигранты зачастую не хотят принять ценностей принимающей стороны.

Изначально политика поселения мигрантов в социальные «гетто» вдали от крупных городов привела к тому, что в образовавшихся этнических анклавах не возникает мотивации интегрироваться и адаптироваться к местным условиям, правилам и традициям.

Сюжет последнего романа Мишеля Уэльбека «Покорность», в котором мусульмане навязывают Франции свои порядки, показывает страхи и предрассудки французского общества, шире – всей Европы, не сумевших воплотить в жизнь интеграционные идеи мультикультурализма.

Сложившаяся тревожная миграционная ситуация в Европе привела к ожидаемому росту популярности правых партий в странах Евросоюза, к росту антимигрантских настроений, а порою и к насилию по отношению к мигрантам. Впервые канцлер Германии Ангела Меркель, которая была инициатором политики открытых дверей для беженцев, признала, что в Европу, вместе с мигрантами проникли и террористы.

В этой связи нам стоит обратить более пристальное внимание на проблемы мигрантов, на возникающие и возможные

конфликты с их участием. Надо признать, что и многовековой российский опыт сосуществования разных конфессий, культур и традиций, да собственно современная российская государственная миграционная политика существенно, и в лучшую сторону, отличаются от европейского опыта.

В основополагающих документах государственного стратегического планирования в сфере межнациональных отношений и миграционной политики государства, таких как «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденная Указом Президента Российской Федерации 19 декабря 2012 г., и «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденная Указом Президента Российской Федерации 13 июня 2012 г., достаточно четко прописаны современные приоритеты, цели, принципы, механизмы и основные направления реализации государственной национальной политики и государственной миграционной политики.

В такой многонациональной стране, как Россия (по переписи 2010 г., в стране проживали представители 193 национальностей), которая занимает второе место в мире по количеству легальных и нелегальных мигрантов в мире, должно быть уделено особое внимание межнациональным отношениям и миграционной ситуации.

Миграционные процессы играют, как прописано в Концепции, значимую роль в экономическом и демографическом развитии страны; в Концепции подчеркнуто, что создание условий для адаптации и интеграции мигрантов, защита их прав и свобод, обеспечение их социальной защищенности являются важными элементами государственной миграционной политики.

В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что и в Концепции внешней политики России развитие двухстороннего и многостороннего сотрудничества с государствами – участниками СНГ является приоритетным направлением российской внешней политики.

Анализируя вышеприведенные факторы, представляется, что необходимость проведения взвешенной и эффективной миграционной политики все более возрастает.

Сложная геополитическая, экономическая и политическая ситуация, сложившаяся в мире и в России, заставляет нас сбалансированно подходить к обозначенным проблемам. Проблемы и вызовы миграции, которые расшатали политическое единство Евросоюза, мы должны решать с учетом позитивного российского опыта и российской специфики.

Учитывая опыт совместного проживания в одной большой стране – в СССР, длительную совместную историю, формирование многих общих ценностей, несмотря на различие традиций и культур, можно утверждать, что Россия в состоянии избежать тех сложностей и проблем, вызываемых притоком больших этнических сообществ, многие из которых трансформируются во влиятельные этнические диаспоры. По отношению как к существующим, так и к формирующимся диаспорам необходимо проводить политику, в первую очередь отстаивающую российские национальные интересы.

Примечания

¹ *Попков В.Д.* Феномен этнических диаспор. М., 2003.

² *Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И.* Диаспора как объект социологического исследования // Социс. М., 1996. № 12.

³ *Стремидловский С.* Турки в Германии – миф об успешной интеграции. [Электронный ресурс] URL: <https://regnum.ru/news/polit/2160328.html>

⁴ *Хайнзон Г.* Как много африканцев устремится в Европу. NewRezume.org Международный интернет-журнал. [Электронный ресурс] URL: <http://newrezume.org/news/2017-04-09-20462>

⁵ *Кондратьева Т.С.* Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия. [Электронный ресурс] URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=48886>

⁶ Там же.

⁷ Министерство Диаспоры Республики Армения. Программы министерства. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mindiaspora.am/ru/index>

⁸ Завершился IV Съезд азербайджанцев мира. 06.06.2016. Xalq qazeti – общественно-политическая газета на азербайджанском языке [Электронный ресурс] URL: <http://www.xalqqazeti.com/ru/news/politics/19841>

В.А. Суворова (Москва)

Государственный университет управления
sailor_mun@mail.ru

Интеграция мигрантов как основа национальной безопасности государства

В последние годы вопросы интеграции все чаще оказываются в фокусе общественного внимания. Являясь сложным социальным процессом, интеграция охватывает все слои и группы населения в различных сферах общественной жизни.

В условиях развития современного мира нарастание проблем в сфере интеграции связано с рядом обстоятельств, прежде всего с глобализацией миграции, под которой понимается увеличение масштабов международной миграции населения, вовлечения большего числа стран мира в миграционное взаимодействие. Миграция как социальное явление имеет объективно обусловленный характер, развивается под влиянием различных факторов, наиболее значимыми из которых являются факторы политического и экономического характера¹.

С одной стороны, миграция способствует экономическому и социальному развитию государств и даже целых регионов мира, восполняет потребности экономик стран трудовыми ресурсами, выступает средством тесной международной коммуникации на человеческом уровне, играет заметную роль в межкультурном обмене между странами и народами. С другой стороны, миграция несет угрозы принимающему обществу. Мигранты привносят в новую среду свою культуру поведения, зачастую противоречащую традициям и ценностям принимающих обществ.

Международная миграция поднимает сложные вопросы об идентичности и ценностях личностей, семей и общин,

а также общества в целом. Во многих странах граждане выражают озабоченность, как правомерную, так и необоснованную, по поводу прибытия людей из других стран и культур. С начала XXI столетия средства массовой информации по всему миру заполнены публикациями о мигрантах и миграции, многие из которых сосредоточены на сенсационных и отрицательных аспектах проблемы².

В связи с ежегодным увеличением количества мигрантов – представителей школьной и студенческой молодежи, детей – отсутствие внимания и целенаправленной адресной интеграционной политики для этой категории лиц со стороны государства в будущем может привести к формированию целого класса лиц, интересы которых не учтены. Такие лица могут стать в дальнейшем причиной возникновения в обществе социальных конфликтов на национальной почве.

Во избежание национальных конфликтов внутри страны в будущем меры по адаптации и интеграции в российское общество мигрантов – детей, подростков, молодежи – должны предприниматься уже сегодня. При разработке механизмов совершенствования политики адаптации и интеграции важно рассматривать миграционные процессы как в целом по стране, так и отдельно анализировать миграционную ситуацию в каждом регионе. Безусловно, в силу неравномерности распределения населения по стране, а также различной интенсивности миграционных процессов по регионам миграционная ситуация в каждом из них различается.

Активно распространена внутренняя образовательная миграция среди студенческой молодежи – граждан России. Молодые люди с высоким потенциалом из различных регионов Российской Федерации специально приезжают в Москву для поступления в вузы, так как считают, что в Москве высшее образование более качественное, чем в регионах, и в Москве больше возможностей для самореализации. Это связано, во-первых, с тем, что в регионах не созданы условия для получения качественного высшего профессионального образования для местных жителей; во-вторых, не работают механизмы удержания молодых людей в регионах; в-третьих, существует отрицательный имидж регионального

образования; в-четвертых, существует недостаточное количество образовательных учреждений в регионах.

Большинство обучающихся мигрантов (как внешних, так и внутренних) не имеют желания возвращаться в те регионы, страны, из которых они приехали на учебу в Москву, и планируют остаться в Москве для построения своей дальнейшей карьеры и жизни (обучение, работа). Это связано с тем, что, во-первых, в регионах меньше возможностей для трудоустройства, заработка и карьерного роста; во-вторых, нет механизмов привлечения активной и дееспособной молодежи в регионы; в-третьих, существует стереотип престижной жизни в московском регионе.

Желание обучающихся мигрантов остаться в Москве можно рассматривать с двух противоположных позиций, отражающих разные миграционные тренды. С одной стороны, это неплохая тенденция, если в Москве по окончании обучения будет оставаться большое количество активной и ориентированной на трудоустройство, на интеграцию в местное сообщество молодежи из российских регионов. Однако необходимо провести анализ возможностей и потребностей столичного региона в молодых кадрах, следует заранее определить емкость рынка московского региона для трудоустройства мигрантов, подготовить социальную структуру для возможной интеграции в нее большого количества молодых людей. С другой стороны, тенденция оставаться в Москве по окончании своего обучения среди молодых мигрантов может привести к изменению социально-профессиональной структуры российских регионов, из которых происходит отток активного и трудоспособного населения.

По нашим данным, большинство представителей принимающего сообщества и обучающихся мигрантов считают, что приезжающие на учебу и длительное проживание в Москву молодые люди должны наряду со своими традициями знать и понимать культуру, обычаи, особенности жизни местного населения.

Данная тенденция связана, во-первых, с тем что, несмотря на глобализационные процессы, протекающие во всех сферах общественной жизни, в том числе и в духовной

сфере, большинство людей все-таки имеют определенную этническую самоидентификацию и не желают ассимилироваться в поликультурной среде; во-вторых, приезжая в новый для проживания и учебы регион, молодые люди желают адаптироваться к окружающей среде и имеют установку на принятие элементов культуры принимающего общества.

С точки зрения педагогов – представителей принимающего сообщества, а также с точки зрения молодых людей, многие мигранты сталкиваются с разнообразными проблемами, трудностями, с которыми им не всегда удается справиться самостоятельно. Это трудности в освоении русского языка (для внешних мигрантов), трудности в управлении своим поведением, эмоциями, недостаточно высокая мотивация к учебе, проблема жилья, трудности в общении с местными сверстниками.

Наличие у мигрантов вышеперечисленных проблем и трудностей связано, во-первых, с возрастными особенностями молодежи, когда молодым людям не всегда удается контролировать собственные эмоции и поведение; во-вторых, с отсутствием организованной работы с мигрантами в образовательных учреждениях.

Наряду с положительным существует и отрицательное отношение к факту приезда молодых людей в Москву из российских регионов и других стран на учебу и длительное проживание. Причинами негативного отношения являются: во-первых, сформированный стереотипный отрицательный образ мигранта (навеянный СМИ и неподтвержденными слухами), во-вторых, недостаточное информационное сопровождение реализуемых мер в рамках миграционной политики РФ.

Поэтому, с одной стороны, важно совершенствовать механизмы адаптации и интеграции мигрантов в малозаселенных регионах страны, однако, в силу большого числа мигрантов, уже находящихся в стране и испытывающих трудности при адаптации и интеграции, важно большое внимание уделять и регионам с самой большой концентрацией приезжих.

Для эффективной интеграции мигрантов – детей и молодежи – в местное сообщество необходимо предусмотреть:

- введение в образовательных учреждениях дополнительных занятий по изучению русского языка для мигрантов;
- организацию тренингов личностного роста, направленных в том числе и на повышение мотивации к учебе;
- проведение психологических тренингов эффективной коммуникации;
- введение для мигрантов дополнительных часов, уроков, занятий в образовательных учреждениях для изучения русской культуры, истории, основ права;
- активную деятельность культурных национальных центров, организаций, позволяющих представителям разных этносов приобщаться к ценностям собственной культуры, не терять связь с представителями своей культуры, не чувствовать потерю культурных корней в крупном полиэтничном городе;
- разработку и проведение информационной кампании (с использованием социальной рекламы, PR-инструментов), направленной на формирование позитивного образа построения жизни в российских регионах, а также на формирование положительного образа мигранта и дружеской принимающей среды поликультурного города;
- принятие мер по осуществлению строгого контроля над миграционными потоками (в том числе и по образовательной миграции);
- работу с целевыми журналистами на постоянной основе для формирования полноценной информационной среды по проблемам миграции.

Таким образом, интеграция мигрантов становится процессом многосторонним и глобальным. Для России проблема социальной и этнокультурной интеграции имеет особое значение, поскольку это многонациональная и многоконфессиональная страна с высокой степенью развития этнического самосознания, что требует выработки интеграционной политики, адекватной современной ситуации в стране, а также тем вызовам и угрозам, которые Россия испытывает на этапе своего развития.

Примечания

---

¹ *Волох В.А.* Исторический опыт интеграционной политики в России // «Адаптация и интеграция мигрантов в принимающее сообщество: проблемы и пути решения»: Сб. материалов науч.-практ. конф. / Под ред. директора Института миграции и межнациональных отношений, д.э.н., проф. А.Б. Паскачева. М.: Изд-во экономико-правовой литературы, 2015. С. 4.

² *Суворова В.А.* Основные направления формирования политики интеграции иммигрантов в принимающее сообщество // Там же.

Ш.С. Сулейманова (Москва)

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
ss.suleymanova@migsu.ru*

Влияние миграционных процессов на межнациональные и межконфессиональные отношения в России

Современная миграция представляет собой сложное явление, влияющее на развитие общества, будь то экономика или политика, национальные отношения или демографические процессы, религия или идеология. Следует отметить, что миграционные потоки – неоднородны по этническому и социальному наполнению, по причинам миграции, по направленности и т. д.

Миграция – процесс естественный. Конфликты возникают не потому, что участники столкновений принадлежат к разным этническим группам или исповедуют разные религии, а из-за бытовых разногласий. Возникновение ссор на бытовой почве между представителями одной нации не привлекает внимание общественности, однако стоит проявиться в споре этническому фактору, как сразу следует болезненная реакция¹.

Специфика и сложность проблемы миграции на постсоветской территории состоят в том, что во времена существования СССР она подпадала под определение внутренней миграции. Теперь, по сути, то же явление рассматривается как внешняя миграция между государствами – участниками СНГ. Вместе с тем активизировались и миграционные процессы между странами Содружества и третьими государствами.

Правительство Российской Федерации относит миграционную политику к приоритетным стратегическим направлениям государственного строительства. Поэтому осуществление государственного контроля над ее выполнением является прерогативой высшего руководства Российской Федерации. Как подчеркивает в своей статье «Россия: национальный вопрос» В.В. Путин, «важно скреплять народы России в такой тип государства-цивилизации, где нет “нацменов”, а принцип распознавания “свой-чужой” определяется общей культурой и общими ценностями»².

Российская Федерация и другие государства – участники СНГ при выработке законодательных мер по регулированию миграционных процессов и мер противодействия незаконной миграции в значительной степени учитывают мировой законодательский опыт в данной сфере, нормы и принципы, содержащиеся в документах ООН по правам человека, в правовых актах других международных организаций.

Сложность правового регулирования миграционных процессов в государствах – участниках СНГ заключается в необходимости сбалансирования противоположных тенденций: с одной стороны, защиты прав и свобод граждан, создания общего экономического пространства, что предполагает беспрепятственное перемещение трудящихся-мигрантов, с другой – необходимости усиления борьбы с преступностью и терроризмом, объективно вынуждающей проводить ограничительную миграционную политику.

Для эффективного межгосударственного взаимодействия стран Содружества в сфере борьбы с незаконной миграцией необходима гармонизация национальных законодательств, регулирующих визовую политику и миграционные процессы.

Основные факторы, вызывающие перемещение населения, известны и остаются прежними: экономический, политический, этнический, экологический. Активные миграционные процессы на территории СНГ, по экспертным оценкам, будут сохраняться как минимум в течение ближайшего десятилетия. При этом будут существовать реальная нагрузка на экономические и социальные инфраструктуры государств –

участников Содружества, конфликтные отношения между коренными жителями и переселенцами и как следствие осложнение криминогенной ситуации в местах концентрации мигрантов.

Следующие группы мигрантов можно выделить среди иностранцев, прибывающих в Россию из дальнего зарубежья: лица, рассчитывающие на получение статуса беженца; обучавшиеся ранее в вузах бывшего СССР и после завершения учебы не пожелавшие вернуться на родину; работавшие по контрактам, срок действия которых истек; так называемые экономические мигранты, проникающие в страну незаконно или с нарушением паспортно-визовых правил с целью заработка и не подпадающие под статус беженца; прибывающие по частным приглашениям, туристическим визам или для учебы и остающиеся в стране незаконно.

Незаконная миграция и сопутствующие ей противоправные факторы подрывают стабильность социума, провоцируют экстремистские выходки и конфликты. Между фактами незаконной регистрации, незаконного использования иностранной рабочей силы и «теневой экономикой» существует очевидная связь. Эту среду питает криминал. Приезжие или «гастролеры» – такова статистика – импортируют, к примеру, в Москву более 20% преступлений. Однако неслучайно отмечается, что у преступности нет национальности и религиозной принадлежности. И с порождением этого беззакония необходимо вести бескомпромиссную борьбу. Выправится ситуация, миграционные процессы станут прозрачными и криминала будет меньше.

Миграционные процессы динамичны, ситуация требует постоянного мониторинга и контроля, анализа и эффективных мер реагирования, предвидения и видения перспективного развития.

Непосредственным следствием межнациональных конфликтов, как в СССР, так и в России, стало появление проблемы беженцев и вынужденных мигрантов. Сотни тысяч людей были вынуждены покинуть места их проживания из-за опасности за свою жизнь и жизнь своих близких. Многие были изгнаны из своих сел и городов либо с помощью прямо-

го насилия, либо благодаря созданию атмосферы, невозможной для обычной повседневной жизни. Следует отметить, что в России находили и находят прибежище не только русские, но и представители всех национальных групп, оказавшихся в безвыходном положении в прежних местах их проживания. С начала 90-х годов массовые потоки беженцев хлынули в Россию из всех «горячих точек»: бежали армяне из Азербайджана, азербайджанцы – из Армении, турки – из Казахстана, осетины – из Грузии, грузины – из Абхазии. И вопрос не в том, кто виновник создания зон этнической напряженности, а в том, как различные по культуре народы могут сосуществовать друг с другом.

Миграция стала своеобразным «троянским конем» обострения межнациональных отношений. Мы недооценили это в определенный период, разрозненно действовали в сфере межнациональных отношений, в сфере миграционной политики. А данные вопросы тесно взаимосвязаны и причин тому много. Одну из них можно обозначить как этнический дальтонизм. И это относится ко всем, в первую очередь к правоохранительным органам, низовому звену, которое практически сталкивается с миграцией, как внутренней, так и внешней, ежедневно. И здесь следует подчеркнуть необходимость проведения в стране этнокультурного ликбеза (того, что делалось и в Советском Союзе, и в Российской империи). Мы все должны понимать, какая она – Россия, какие народы в ней живут, чем отличается гражданин от негражданина – не только по внешнему виду, но и по культуре и другим признакам.

Поставим вопрос: для чего государству необходимо развитие специальной направленности миграционной политики? Для ее эффективности необходимо включение таких регулирующих государственных механизмов, которые были бы идентичными сущностным свойствам, внутренним механизмам, законам коммуникации в целом и миграционной коммуникации как ее специфического вида. Иными словами, в формировании и реализации миграционной политики необходимо достижение коммуникативной и информационной идентичности³.

С помощью информации необходимо на всех уровнях власти, в соответствии с законами развития экономических, политических, социальных, миграционных, информационно-коммуникативных процессов выстраивать адекватную систему политического управления. Первое, что необходимо сделать, – установить определенный уровень юридической подготовки как стражей правопорядка, так и самих граждан, чтобы они понимали, что если они выполняют свои обязательства перед законом, они в безопасности. Второе: необходимо объяснить, что в городах-мегаполисах, таких как Москва, могут жить и работать представители разных национальностей и вероисповеданий. Москва издревле была интернациональным городом. По данным историков, в конце XVI века население Москвы насчитывало около 200 000 человек. И уже в то время в Белокаменной помимо русских жили литовцы и поляки, армяне и грузины, татары, а в Немецкой слободе селились немцы, шведы, голландцы, англичане, французы и испанцы. Сегодня столицу России считают родным городом представители почти 140 наций и народностей.

Разумеется, современная этническая обособленность, этническая дистанция нас не радует. Москва – полиэтнический город, который позволяет самореализоваться представителям любой диаспоры или землячества. Конечно, при условии, что новоселы чтут российские законы, ценят гостеприимство москвичей, уважают историю города-героя, наши традиции и культуру.

Москва во многом пример для России. Это закономерный созидательный итог усилий многих поколений жителей столицы и других наших соотечественников, приумножавших материальные и духовные ценности города-героя. Однако особая роль столицы в общественном мнении часто преувеличивается. Есть сферы экономики, социальная, в том числе миграционная, практика, которые на местах в чем-то лучше реализуются, чем в Москве.

Еще раз отметим, что миграция населения – сложный и довольно противоречивый процесс. В самом общем виде это процесс перемещения населения между различными регионами, населенными пунктами, который завершается из-

менением места их пребывания или проживания. Процесс может оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на общую ситуацию в государстве. Так, с помощью миграции могут решаться демографические проблемы, восполняться недостаток трудовых ресурсов в тех или иных отраслях производств или районах страны. Вместе с тем нелегальная миграция часто тесно связана с криминалом и оказывает неблагоприятное воздействие на внутреннюю обстановку.

Эффективная государственная миграционная политика должна быть составным (и важным) элементом стратегии развития общества. Миграция является одним из многих феноменов, которые составляют социальную среду политической системы и оказывают непосредственное влияние на процессы, проходящие в ее рамках.

Как отмечают эксперты, исключительно важно для России выводить национальные и межконфессиональные отношения из-под диктата политики и идеологии на платформу закона, обеспечивая тем самым их устойчивость и прогнозируемость. Взбудораженность, импульсивность этнонациональной сферы во многом связаны с тем, что она остается вне правового поля. Правовые механизмы способны существенно разгрузить этнонациональные процессы от гипноза их политизации⁴.

В Российской Федерации, безусловно, сделано немало для того, чтобы выстроить эффективную государственную миграционную политику. Однако наряду с этим существуют еще различные проблемы, одной из которых является совершенствование роли институтов гражданского общества в формировании и реализации государственной миграционной политики.

Геополитическое положение России и ее социально-экономические условия привлекательны для иностранных граждан и лиц без гражданства, въезжающих в нашу страну как на законных основаниях, так и нелегально. Особенно привлекательны российские просторы для транснациональных преступных группировок, специализирующихся на незаконной миграции.

Незаконная миграция приобрела глобальный характер и представляет угрозу стабильности и безопасности для всего мирового сообщества.

Миграция, миграционная политика имеют коммуникативную природу и развиваются при обмене информацией, где медиакоммуникации, СМИ играют существенную роль, что ставит актуальную задачу обеспечения средствами политической коммуникации и информации этнической, конфессиональной и информационной идентичности.

Обеспечение единства в формировании эффективной миграционной и информационной политики основано на проявлении объективных механизмов коммуникации и сознательной, целенаправленной системы управления отношениями и технологиями, информационно-коммуникативными процессами.

Коммуникативно-информационный анализ предполагает выработку целенаправленных практических рекомендаций по предупреждению возможных конфликтов при усилении межэтнического и межконфессионального напряжения. При организации миграционной и информационной политики главное – акцентировать внимание на общих фундаментальных ценностях коренного населения и всех диаспор.

Необходимо отметить, что через массовое сознание формируется образ человека, этноса, вероисповедания, культурного наследия. С помощью СМИ можно искусственно возбуждать национальное самосознание масс, у них формируется не только позитивное представление в области межэтнического и межконфессионального взаимодействия, а также и негативное. Именно через СМИ распространяются массовые этнические и расовые предубеждения и установки. В результате в обществе усиливается «фотофобия» и повышается межэтническая и межконфессиональная напряженность⁵.

Бесспорно, обнадеживает и является стратегически важным для государства и его благополучия проводимая Президентом России В.В. Путиным политика, направленная на укрепление межнационального и межконфессионального согласия в стране. Власть инициирует важные мероприятия,

направленные на межнациональное и межконфессиональное согласие в российском обществе.

Принятые государством за последнее время меры по предотвращению межнациональных и межконфессиональных трений и разногласий в обществе начали давать свои положительные плоды. К этому выводу мы приходим, анализируя протекающие в России процессы в области взаимодействия представителей разных национальностей, конфессий, исходя из тех проблем, которые возникали ранее. В определенной степени этому способствовал Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

Стратегия расставила акценты на многих недоговоренностях и недосказанностях некоторых аспектов национальных и конфессиональных проблем, возникающих в российском обществе. Президент России, приняв отмеченную Стратегию, указал чиновникам, общественным деятелям и обществоведам на необходимость прекращения заигрывания с национальной и религиозной темами. Также во исполнение вышеназванного Указа Президента России было издано и распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 июля 2013 г. № 1226-р, опубликованное в «Российской газете».

По мнению профессора В.В. Зорина «Большинство людей узнают о межнациональных отношениях, миграционной ситуации из сообщений СМИ, и в основном эти сообщения носят негативный характер. Средства массовой информации в какой-то мере формируют представление населения о национальной политике, миграционной политике, межконфессиональных отношениях»⁶.

Необходимо отметить и то, что в России существует точка зрения на религиозный экстремизм как на составную часть и идеологическую оболочку политического и национально-этнического экстремизма. В интерпретации возникновения религиозного экстремизма в российской политике присутствует разнообразие мнений: от результата воздействия внешних антироссийских сил, включая использование разведывательных и подрывных служб иностранных государств,

до внутренних причин: тяжелого социально-экономического положения, духовно-нравственного кризиса и т. д.

Опасность религиозной экстремистской деятельности в сознании россиян ассоциируется с событиями социально-культурного и духовного развития России, под воздействием национального опыта прошлых поколений. Определенные взгляды внедряются в массовое сознание при помощи целенаправленной пропагандистско- идеологической деятельности различных политических сил. Такие силы стремятся в ряде случаев навязать собственное понимание проблемы религиозного экстремизма, заведомо, как правило, ангажированное.

Возвращаясь к условиям современной России, отметим, что сложившаяся за прошедшие с момента распада СССР годы политико-правовая база создала теоретическую основу для гармоничного сочетания интересов всех этнонациональных компонентов российского общества, равные условия для их активного участия в политических процессах, обеспечения баланса и потребностей развития как этнического большинства, так и этнических меньшинств. Однако на практике существует ряд вопросов, требующих вмешательства государства с целью повышения качества урегулирования межнациональных и межконфессиональных отношений⁷.

В завершение хотелось бы отметить: мировой опыт показывает, что опасностью разрушения целостности страны является отсутствие своевременного исследования проблем национальных отношений и миграции, грамотного их информационного сопровождения на основе диалога.

Примечания

---

¹ Сулейманова Ш.С., Рябова Е.Л. Миграционные процессы и межнациональные, межконфессиональные отношения в России: взаимовлияние и роль СМИ // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 2 (92). С. 10.

² Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 янв.

³ *Волох В.А.* Влияние медиаполитики на миграционные процессы // Коммуникология. 2014. № 6. С. 56, 63–64.

⁴ *Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А.* Россия в XXI веке: общенациональный ответ на национальный вопрос. М.: Этносоциум, 2016. С. 59–60.

⁵ *Мельников М.* Прикладная конфликтология для журналистов. М., 2006. С. 134.

⁶ *Зорин В.Ю.* СМИ отстают от глубокого понимания межнациональных процессов. 27.11.2013 [Электронный ресурс]: URL: <http://azj.rus4all.ru/expert/20131127/724684291.html>

⁷ *Сулейманова Ш.С., Рябова Е.Л.* Указ. соч. С. 10–11.

Е.В. Фролова (Казань)
Казанский федеральный университет
elenaieup@mail.ru

Принимающее население и мигранты в Республике Татарстан: показатели групповой дистанции и особенности социального взаимодействия

Цель проведенного исследования – характеристика особенностей восприятия представителями принимающего населения Республики Татарстан иноэтнических групп (сообществ мигрантов). Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие научно-исследовательские задачи:

- проанализировать показатели групповой дистанции между принимающим населением и мигрантами;
- охарактеризовать особенности социального взаимодействия между принимающим населением и мигрантами;
- дать оценку интеграционному ресурсу в межэтнических отношениях, в частности в том, что касается адаптации местного населения к присутствию инокультурных мигрантов.

В исследовании приняли участие 1500 человек. Это представители следующих этнических групп: татары (48,7% опрошенных), русские (45,5%), представители иных этнических групп (5,7%).

Исследование охватило следующие населенные пункты Республики Татарстан: Казань, Набережные Челны, Лаишево, Мамадыш, Чистополь, Нижнекамск (включая соответствующие районы). При этом 66,7% опрошенных являются жителями г. Казани.

Исследование проводилось с помощью сочетания количественных и качественных методов, таких как массовый опрос, глубинное интервью, метод фокус-групп.

Говоря о межгрупповой дистанции между принимающим населением и мигрантами следует отметить, что в динамике респонденты стабильно декларируют достаточно лояльное отношение к представителям иноэтничных групп как к «жителям города / населенного пункта» (см. табл. 1).

По сравнению с данными 2016 г. показатели существенно не изменились, несколько улучшилось отношение к группе, условно названной «кавказцы».

Таблица 1

Готовность принять представителей иных этнических групп
в качестве жителей своего населенного пункта
(по результатам исследований 2015, 2016, 2017 гг.), %

Наименование этнической группы	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Народы Кавказа	64,3	69,9	75,3
Народы Средней Азии	65,2	71,8	72,6
Турки	51,9	61,7	62,9
Африканцы	46,8	–	53,9
Украинцы	67,9	74,1	74,3
Цыгане	28,9	35,1	38,9
Сирийцы	40,4	–	45,4

Приведенные данные в динамике показывают стабильное, достаточно позитивное отношение респондентов к приезжим. Хотя готовность принять приезжих в качестве «соседей по дому» значительно ниже, чем готовность принять их в качестве жителей города, в оценках, по сравнению с данными 2015 и 2016 гг., присутствует положительная динамика (см. табл. 1, 2).

Таблица 2

Готовность принять представителей
иных этнических групп в качестве соседей по дому
(по результатам исследований 2015, 2016, 2017 гг.), %

Наименование этнической группы	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Народы Кавказа	47,5	51,1	57,6
Народы Средней Азии	50,3	54,6	57
Турки	38,6	45,9	45,5
Африканцы	32,8	–	37,3
Украинцы	58,7	63,3	65,9
Цыгане	14,2	19,5	21,5
Сирийцы	27,7	–	31,9

Социальная дистанция прогнозируемо увеличивается, когда речь идет о готовности принять представителей иноэтнических групп в более близких социальных ролях.

Так, более чувствительно респонденты относятся к принятию приезжих в роли «друзей» и «родственников» (см. табл. 3, 4).

Таблица 3

Готовность принять представителей иных
этнических групп в качестве друзей
(по результатам исследований 2015, 2016, 2017 гг.), %

Наименование этнической группы	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Народы Кавказа	48,6	58,1	53,6
Народы Средней Азии	46	57,7	51,1
Турки	34,8	48,6	41,3
Африканцы	31,6	–	32,5
Украинцы	59,1	62,8	58,4
Цыгане	15,3	23,8	18,9
Сирийцы	24,3	–	27,7

Таблица 4

Готовность принять представителей
иных этнических групп в качестве родственников
(по результатам исследований 2015, 2016, 2017 гг.), %

Наименование этнической группы	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Народы Кавказа	22,5	30,9	32,3
Народы Средней Азии	21,4	33,5	31,1
Турки	18,2	27,8	24,5
Африканцы	11,9	–	15,9
Украинцы	38,7	43,6	43,5
Цыгане	9,4	12,5	11,1
Сирийцы	10,8	–	16,2

Таким образом, показатели социальной дистанции характеризует следующая тенденция: растет количество респондентов, готовых принять мигрантов в качестве жителей своего населенного пункта, соседей и даже родственников. В последней роли («родственники») «кавказцев» и представителей народов Средней Азии готова принять почти треть опрошенных (в 2015 г. – пятая часть). Однако по сравнению с данными 2016 г. уменьшилось количество респондентов, готовых принять мигрантов в такой социальной роли, как «друг» (см. табл. 3).

Русские и татары в целом солидаризируются в своих оценках.

Существуют региональные различия в отношении к указанным группам. Так, респонденты в Набережных Челнах демонстрируют достаточно высокие показатели социальной дистанции по отношению ко всем указанным группам, за исключением «кавказцев» и «украинцев» (см. табл. 5). В Чистополе и Мамадыше, включая прилегающие районы, противников соседства с представителями иноэтничных групп больше, чем сторонников (см. табл. 5). Прямой зависимости между уровнем благосостояния респондентов и показателями социальной дистанции не выявлено, хотя в Набережных Челнах самая высокая доля респондентов, отмечающих свой низкий уровень благосостояния («денег хватает только на еду») – 14%.

Таблица 5

Готовность принять представителей
иных этнических групп в качестве соседей по дому
(2017 г., по населенным пунктам), %

Наименование этнической группы	Казань	Наб. Челны	Лаишево	Мамадыш	Чистополь	Нижнекамск
Народы Кавказа	58	57,3	82	40	50	58
Народы Средней Азии	57,4	48	90	52	43	63,3
Турки	48,1	27,3	52	42	33	53,3
Африканцы	38,7	16,7	40	40	32	50
Украинцы	66,4	57,3	70	58	69	70
Цыгане	22,1	10	18	6	27	32
Сирийцы	32,9	13,3	36	38	28	42,7

Основным местом контактов с мигрантами для большинства респондентов по-прежнему остаются рынки и торговые точки (около 80% опрошенных отмечают, что именно там сталкиваются с «кавказцами» и представителями народов Средней Азии). Вместе с тем растет число респондентов, которые сталкиваются с мигрантами на работе (см. табл. 6).

Таблица 6

Количество респондентов, сталкивающихся с представителями
иноэтнических групп на рынках и на работе
(по результатам исследований 2015, 2016, 2017 гг.), %

Наименование этнической группы	Встречаются на рынках			Встречаются на работе		
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Народы Кавказа	77,1	84,5	79,9	23,8	30,9	35,6
Народы Средней Азии	79,5	83,8	85,8	25,6	34,5	38,6
Турки	36,7	48,3	42,1	10,6	16,8	13,2
Африканцы	6,8	–	8,7	5,7	–	6,6
Украинцы	18,6	26,5	28,6	27,6	22,9	36,3
Цыгане	43	55,4	59,9	3,5	7,9	8,2
Сирийцы	9	–	8,1	4,3	–	4,2

Из интервью: *«...У меня вот эта узбечка, азербайджанка – они же торгуют, я с ними постоянно общаюсь, мимо когда прохожу. Поздороваясь, мне уж интересно, как у них там, что. Они уж есть, кто зажиточные уже, за счет нас ведь они богатеют. Уже квартиры покупают. Вы не думайте, что эти мигранты все бедные-несчастные, они все богатые, вот кто сапожники здесь работают, у них там все дома, коттеджи с коврами» (жен., татарка, 1958 г. р., Казань).*

Начиная с 2014 г. наблюдалась тенденция к увеличению количества респондентов, считающих, что мигранты абсолютно комфортно себя ощущают в РТ, и к снижению количества тех, кто считает, что мигранты испытывают дискомфорт. В 2017 г. эта тенденция несколько изменилась: количество респондентов, считающих, что мигрантам абсолютно комфортно в РТ, снизилось, но увеличилось количество отметивших позицию «скорее комфортно» (см. табл. 7).

Таблица 7

Как мигранты ощущают себя в РТ?
(по результатам исследований 2014, 2015, 2016, 2017 гг.), %

Уровень комфорта	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Абсолютно комфортно	20,9	21,9	24,1	16,9
Скорее комфортно	51,3	49,8	51,9	59,1
Скорее некомфортно	10,3	10,2	8,2	7,6
Некомфортно	3,3	5,6	1,9	1,5
Затрудняюсь ответить	14,2	12,6	13,9	14,9

Глубинные интервью подтверждают вышеприведенные данные.

Из интервью: *«Да, хорошо, наверное, себя чувствуют. У нас жизнь-то спокойная. Вот знаю, что у одной женщины муж приехал на стройку работать, потом ее привез. Она дворником устроилась, жилье служебное получила. Всю семью перевезли сюда. С этой женщиной вижу иногда, разговари-*

ваю. Так понимаю, они здесь обосновались уже, родни много их переехало сюда. Живут хорошо. На родину не хотят возвращаться» (жен., 75 лет, татарка, Набережные Челны).

«Комфортно. У нас люди приветливые, пока их не разозлишь. Думаю, им живется неплохо. Знаю, что многие зарабатывают хорошо по меркам многих государств (Узбекистана, Киргизии и других): и самим на жизнь хватает, и домой отправляют. Здесь как-никак уровень жизни повыше будет» (муж., 35 лет, татарин, Набережные Челны).

«Судя по их поведению, они чувствуют себя достаточно комфортно. Я сужу по тому, что я вижу в общественных местах, а я с ними в других местах не сталкиваюсь. Они ведут себя уверенно, и чувствуют себя, я думаю, достаточно комфортно... Может быть, их уверенность выросла: поддержка со стороны государства с теми же садиками, школами идет, принимают детей, занимаются с ними, они получают гражданство. Я думаю, что их положение упрочилось, соответственно, и их самоощущение» (жен., русская, 40 лет, Казань).

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что полученные данные свидетельствуют о достаточно высокой степени готовности представителей принимающего сообщества к принятию мигрантов в качестве жителей своего населенного пункта, однако по другим позициям социальная дистанция значимо увеличивается. Можно говорить о том, что готовность местных жителей к включению мигрантов в свое социальное пространство невысока.

Таким образом, сохраняется проблема этнических границ между принимающим населением и мигрантами как на групповом, так и индивидуальном уровне.

Представители принимающего населения при этом считают, что мигранты имеют возможность участвовать в экономической, социальной и культурной жизни своего населенного пункта и чувствуют себя комфортно.

Образование,
патриотическое и духовно-нравственное
воспитание детей и молодежи
в контексте государственной
национальной политики

А.Л. Андреев (Москва)
Федеральный научно-исследовательский
социологический центр РАН
sympathy_06@mail.ru

Преподавание истории в контексте духовно-нравственного воспитания студенчества

Историческое сознание выполняет чрезвычайно важную функцию: оно образует основу национальной идентичности и служит источником образов и представлений, соединяющих разрозненных индивидов в то, что мы называем обществом и народом. Кроме того, исторический опыт во многом определяет и пути его дальнейшего развития. Поскольку прошлое нам в целом известно, а грядущее – нет, именно образы истории формируют своего рода матрицу смыслов, позволяющих осуществить первичную идентификацию вновь возникающих тенденций, явлений и общественно значимых персонажей. И когда в обществе нарастает потребность в рефлексии по поводу своей идентичности (например, в той ситуации, когда, как сегодня на Украине, происходит ее расщепление с образованием своего рода контриденличностей), актуализируется и интерес к истории.

Поэтому выработка навыков понимания истории и ее основательное изучение являются одним из самых важных условий воспитания молодого поколения. Причем, это надо особо подчеркнуть, независимо от того, какую профессию выберут себе те или иные юноши и девушки. Но вот что удивляет: несмотря на то что в последние годы было немало сделано и для противодействия фальсификации истории, и для прояснения недостаточно изученных ее эпизодов, и для по-

пуляризации исторических знаний, и для разработки концепции единого учебника, состояние исторического образования в высшей школе, где, собственно говоря, формируются национальные элиты, осталось вне зоны общественного внимания и тем более широкого обсуждения. То, что систематический курс отечественной истории является обязательным компонентом Федерального стандарта высшего образования, независимо от направления подготовки, надо рассматривать как важное преимущество российской системы образования. Но это в принципе. На практике же надо учитывать, что любые преимущества надо еще уметь реализовывать. А это значит: должна быть организована деятельность по постоянной корректировке текущих образовательных задач, используемых средств и получаемых результатов, основой которой должен быть мониторинг динамики исторического сознания. Только так можно вырастить кадры, способные справляться с вызовами этнических революций, с которыми мы столкнемся (и уже сталкиваемся) в XXI веке.

Разумеется, это более широкая постановка вопроса, чем предельно формализованный «обнадзор». Но ведь развитие образования – это такая сфера, где более всего требуется многофакторное мышление, способное видеть главные тенденции развития на длинных временных горизонтах. Так называемый компетентностный подход в том его варианте, который утвердился в нашей образовательной практике в последние полтора-два десятилетия, мало что дал для модернизации преподавания истории. Прежде всего, конечно, потому, что качество того «продукта», который этим преподаванием создается, невозможно оценивать в компетенциях. Ведь историческое сознание – это не только «знать – уметь – владеть», но еще и «отстаивать», «сочувствовать», «идентифицировать», «устанавливать смыслы», «извлекать уроки»... А в некоторых случаях и осуществлять экзистенциальный выбор. Когда известный специалист по методике преподавания истории на форуме по гражданскому воспитанию сравнивает георгиевскую ленточку с носовым платком – это вряд ли можно объяснить недостаточной компетентностью. Здесь речь должна идти о «картине мира», а кроме того, наверно, и о складе души.

И в том, и в другом случае мы имеем дело не столько с предметами дидактики, сколько с комплексной проблемой социальной и когнитивной психологии, социологии, а в конечном счете также и философии.

В настоящее время наше внимание сконцентрировано на двух звеньях образовательного процесса. Первое из них – текстовые носители компетентностей, к которым могут быть отнесены как учебники и учебные пособия, так и конструируемые по «компетентностным» схемам и правилам программно-дидактические материалы: учебно-методические комплексы (УМК), рабочие программы и пр. Второе – это контрольные инструменты, предназначенные, как считается, для оценки степени усвоения учебного материала, хотя, по сути говоря, они позволяют лишь проверить способность обучаемого к чисто техническому воспроизведению отдельных его фрагментов и не дают представления о том, какая картина истории реально складывается в его сознании. Таким образом, здесь неявно принимается своего рода интерналистская концепция образования: «экран сознания» изучающего историю студента как бы напрямую соотносится с «проектором» – текстуальными «носителями компетенций». Но в отличие от физики и математики изучение исторических процессов всегда опосредовано влиянием социальной среды, жизненной обстановки, альтернативных источников информации и в какой-то мере даже психологическим складом личности. Все это так или иначе необходимо учитывать в плане дидактики, проектируя образовательный процесс таким образом, чтобы, во-первых, эффективно компенсировать различные искажения исторической правды и, во-вторых, дифференцированно актуализировать те пласты исторического сознания, которые создают почву для социальной стабильности и мотивационный фон для динамичного инновационного развития страны.

Для того чтобы концептуально выделить такую образовательную стратегию и указать на ее специфические особенности, следует предложить подходящий для этого термин. Например: «адресная дидактика». Отправным пунктом и одновременно целевым ориентиром адресной дидактики, на

наш взгляд, следует считать комплексный анализ динамики исторического сознания, которую, понятно, надо рассматривать не изолированно, а в контексте других социальных и социокультурных процессов. Используемые ныне педагогические технологии не предусматривают столь широких подходов. Но только так можно выявить «точки напряжения» и действительные проблемы исторического просвещения, понять, на что сегодня следует обратить первостепенное внимание, что нуждается в корректировке и как именно должно строиться преподавание истории – не «вообще», а применительно к конкретному состоянию социума.

Какой же предстает история в сознании младшего поколения российской интеллигенции? Насколько оно ценит исторические знания? Какие взгляды на исторические эпохи и события бытуют ныне в студенческой среде? Ответы на эти вопросы можно получить, обратившись к данным социологических исследований. Так, на протяжении почти двух десятилетий данная тема изучалась Лабораторией социологических исследований НИУ МЭИ – в основном на основе опросов, проводившихся в ведущих московских вузах, но с привлечением сравнительных данных по учебным заведениям, расположенным в ряде других крупных городов страны. Кроме того, довольно богатую информацию, в основном сравнительного плана, можно получить из материалов всероссийских социологических опросов, которые в разные годы проводились Институтом социологии РАН и другими исследовательскими центрами страны.

Начнем с самого общего и, в известной степени, предварительного вопроса: насколько история как общеобразовательный предмет вообще интересует тех юношей и девушек, которые выбрали для себя какую-то другую специальность? Полученные нами ответы говорят о том, что полностью равнодушных к этому предмету среди студентов немного: не более 4% в технических вузах и менее 2% в гуманитарных выразили несогласие с тем, что знать и понимать историю необходимо. Довольно высоки и индикаторы личного интереса к изучению истории: 87% среди будущих инженеров и 93% среди гуманитариев. При этом приблизительно треть полагает, что можно

удовлетвориться объемом знаний в пределах программы, а более половины (59% юношей и около 66% девушек) считают, что этих знаний недостаточно и каждый должен по мере возможностей пополнять свою историческую эрудицию. Делают ли они это на практике? Судя по ответам, да. Почти треть опрошенных сообщили, что для этого они хотя бы периодически обращаются к популярной литературе и исторической публицистике (это больше, чем доля читающих стандартные учебники). Некоторые студенты иногда обращаются к специальным работам и мемуарной литературе, но в целом это чтение особой популярностью не пользуется. Исторические романы ныне тоже не слишком популярны – их любит менее пятой части опрошенных. Лучшим литературным произведением на историческую тему студенты считают «Войну и мир» – этот знаменитый роман отметили в качестве самой любимой книги данного жанра примерно четверть опрошенных. Довольно часто фигурировали в ответах респондентов и такие произведения, как «Капитанская дочка», «Тихий Дон» и «Поднятая целина», «А зори здесь тихие...», «Белая гвардия», «Петр I», «Тарас Бульба» и ряд др. Среди зарубежных авторов популярны Дюма и Ремарк, но в меньшей степени, чем русские классики. Исторические фильмы для молодых людей, конечно, интереснее литературы. Но, вопреки тому, что можно было бы предположить, предпочтение при этом отдается документальному, а не художественному кино. Документальные фильмы на исторические темы смотрят около половины студентов, среди аспирантов же данная цифра доходит до 73%.

Свыше половины опрошенных (в зависимости от курса цифры немного варьируются) указали на то, что обсуждают различные аспекты истории России с родителями, членами семьи и друзьями. Преподаватели в таких разговорах участвуют в 3–4, а аспиранты в 5 раз реже; в последнем случае, впрочем, сказывается то, что в аспирантуре история как таковая не изучается (за исключением, конечно, профильных отделений и факультетов университетов, но их мы сейчас не затрагиваем). При этом собеседники, как правило, демонстрируют близость или единство взглядов, и это говорит о том, что

родственные и дружеские связи в российском социуме в значительной мере предполагают если не единомыслие, то единство ценностных ориентаций. Западные общества, насколько мы можем судить, менее однородны, и различия между поколениями там проявляются сильнее. Беседы на темы истории с представителями иных точек зрения у молодых людей происходят не очень часто, хотя нельзя сказать и того, что они единичны. Активнее всех в такие исторические дискуссии вовлекаются аспиранты (до 42% опрошенных).

Какие же факторы информационного поля влияют на мировоззрение учащихся высшей школы, на их представления об истории? В этом вопросе проявились значительные различия между студентами и аспирантами. Сказывается, разумеется, и накопление жизненного опыта, и навыки аналитического мышления. Согласно самоотчетам наших респондентов, для аспирантов это в первую очередь беседы с родителями и другими членами семьи, личный опыт и дополнительное чтение. Для бакалавриата и магистратуры – преподаватели, учебники и исторические фильмы. Влияние СМИ на студентов также довольно значительно – его признают почти четверть опрошенных, тогда как среди аспирантов назвали данный фактор в качестве существенного менее 8%.

В ходе исследования студентам и аспирантам было задано несколько вопросов, характеризующих эмоционально-ценностное отношение к историческим эпохам, событиям и деятелям. Их формулировка текстуально совпадала с той, которая была использована в ряде всероссийских опросов, что позволяет сравнивать взгляды студенческой молодежи со взглядами россиян в целом. Так, мы поинтересовались точкой зрения наших респондентов на то, что россияне вправе рассматривать как предмет своей национальной гордости. Расстановка их приоритетов оказалась примерно такой же, какой она является в обществе в целом¹. Свыше 58% в технических и 53% в гуманитарных вузах поставили на первое место победу советского народа в Великой Отечественной войне, а около 40% тех и других добавили к этому силу духа россиян. Так же, как и большинство наших сограждан, российская учащаяся молодежь с большим уважением относится к достижениям

отечественной науки и культуры. Однако гордость российской армией среди столичного студенчества примерно в 2 раза ниже, чем в обществе в целом.

Интересно было сопоставить «мнение всей земли» с теми оценками различных периодов истории страны, которые дает учащаяся молодежь. В настоящее время симпатии россиян к различным эпохам отечественной истории практически в равной мере разделились между «развитым социализмом» и нашим временем (после 2000 г.). Остальные же периоды подавляющему большинству не нравятся, причем особенно негативные оценки даются революции и последним полутора десятилетиям XX века («перестройка» и «лихие девяностые»). Симпатии и антипатии студенческой молодежи в целом близки к этому. Но выявилось и заметное отличие: этой части населения совершенно несвойственна ностальгия по периоду правления Брежнева. Похоже, молодые люди вполне комфортно чувствуют себя в условиях современной России: 45% опрошенных предпочитают текущий период истории России всем остальным. Второе, третье и четвертое места, но с большим отрывом, заняли «серебряный век» (19% полученных в ходе опроса ответов), эпоха Петровских преобразований и пушкинская эпоха (по 18%). Отметим, что «серебряный век» и пушкинская эпоха особенно популярны у студентов-гуманитариев. Доля тех, кто хотел бы жить в это время, в 1,5–2 раза превышает долю высказавших то же мнение среди их сверстников, обучающихся по программам инженерного образования.

А как воспринимают студенты преподавание истории и саму историческую науку? Похоже, что уровень преподавания истории нашу молодежь в целом устраивает. Однако обращает на себя внимание, что мастерство школьных учителей они в этом отношении оценили несколько выше, чем вузовских преподавателей. Характеризуя преподавание истории в школе, оценили его как отличное и очень хорошее свыше 60% опрошенных, а в вузах – чуть менее половины. Оценки «плохо» и «очень плохо» и в том и в другом случае проставили примерно 16–17%. При этом приблизительно 30% считают историю наукой, основанной на объективных фактах. Доля студентов, вос-

принимающих ее как чистую мифологию, примерно в 10 раз меньше. В то же время многие (свыше 35%) соглашались с тем, что в исторических нарративах объективное знание переплетается с субъективными взглядами и определенными элементами мифологизации². Следует ли из этого, что любая версия истории имеет право на существование и любая из них может быть предметом преподавания? Примерно четверть опрошенных, так или иначе, склонны с этим согласиться, но большинство все же признают необходимость некоторых общих ориентиров, выраженных в том числе и в едином учебнике истории.

Несмотря на широкое распространение дистанционных и электронных образовательных технологий, в сфере исторического просвещения непосредственное общение с преподавателем сохраняет свой престиж и значение. Видимо, здесь особенно важна личность наставника, его гражданская позиция и внутренний «нравственный стержень», проекция его сложившейся идентичности на формирующуюся идентичность учащихся. Поэтому наметившаяся в последнее время тенденция экономить доли ставки при слиянии студенческих групп в большие потоки, а также тенденция отмены семинарских занятий значительно снижают эффективность воспитательного воздействия.

Между студентами технических и гуманитарных специальностей есть определенные различия. Если для первых живая дискуссия предпочтительнее лекций (53% против 39%), то у вторых эти две формы освоения материала идут практически на равных (соответственно 58 и 57%). Самостоятельное изучение назвали в качестве формы, в наибольшей степени удовлетворяющей познавательные потребности, 30% будущих инженеров и 27% гуманитариев. А вот электронные средства и пособия проигрывают по степени востребованности и классическим лекциям, и семинарам, и самостоятельному изучению исторических проблем. Так, среди обучающихся по инженерным специальностям они уступают по популярности классическим лекциям примерно в 3,5 раза, а среди студентов-гуманитариев в 7 раз.

Если судить по самоотчетам наших респондентов, то занятия по истории они в целом посещают довольно охотно.

Другое дело, как используется ими это время. Четверть студентов, выбравших для себя ту или иную техническую специальность, и более трети гуманитариев регулярно посещают занятия, стараются вникать в материал и читают рекомендованную литературу. Обычно бывают на лекциях и/или семинарах, но не проявляют большой активности (просто слушают): среди первых свыше 60%, среди вторых 53%. Пропустивших большинство занятий в общем объеме нашей выборки оказалось соответственно 10 и 6%. А не посещают занятия в течение семестра, приходят только на зачеты и экзамены около 4%.

Если объективно оценивать уровень исторических знаний, на базе которых формируется общероссийская идентичность молодежи, становится ясно, что он за последние пятнадцать-двадцать лет снизился. Можно сказать, что после 2000 г. в этой области произошла настоящая «гуманитарная катастрофа»: молодые люди с трудом идентифицируют даже очень известных деятелей прошлого, путаются в событиях и эпохах³. Тем не менее свыше 60% наших респондентов считают, что знают этот предмет по крайней мере на среднем уровне, во всяком случае – не хуже своих товарищей. Каждый шестой студент гуманитарного и каждый пятый технического направления подготовки определяет свои знания как недостаточные, скудные. Около 57–58% считают также, что они более или менее ясно представляют себе исторический путь России, хотя признавшихся в том, что у них нет такого представления, тоже оказалось немало – более трети опрошенных.

Усилившиеся в последнее время тенденции интерпретировать историю в угоду политике российские студенты воспринимают довольно настороженно. С правомерностью такого явления, как так называемая историческая политика, соглашаются лишь 6–7%, половина же считает историю делом специалистов, а 25–30% полагают, что историческая истина рождается в диалоге ученых, политиков, очевидцев тех или иных событий и гражданского общества в целом. Молодое поколение в целом идентифицирует себя с российской исторической традицией; считающих же, что наша «официальная история» сильно приукрашена и только зарубежные авторы

могут открыть нам глаза на то, что происходило в действительности, в составе нашей выборки оказалось не более 5–7%. В то же время свыше половины опрошенных нами студентов выступают за диалог и открытое обсуждение. Они готовы согласиться и с негативными оценками отдельных эпизодов российской истории, но только в том случае, если доводы за такую негативную интерпретацию будут действительно неопровержимыми.

Примечания

---

¹ О чем мечтают россияне: идеал и реальность. М.: Весь мир, 2013. С. 37–39.

² Ср.: *Seixas P.* (ed). *Theorizing historical Consciousness*. Toronto: Toronto University Press, 2004. 255 p.

³ *Андреев А.Л.* Культурное пространство студента // Педагогика. 2003. № 10. С. 56–65.

Н.Ф. Донская (Кемерово)
Кемеровская областная библиотека
для детей и юношества
donskay_nataly@mail.ru

Просветительский проект
«Согласие народов. Созвучие культур»:
формирование патриотических ценностей
и интереса к национальным культурам

Среди задач по содействию национально-культурному развитию «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» выделяет в том числе «обеспечение сохранения и приумножения духовного и культурного потенциала многонационального народа Российской Федерации на основе идей единства и дружбы народов, межнационального (межэтнического) согласия, российского патриотизма».

Библиотеки не только являются частью социокультурного пространства. Некоторые исследователи называют библиотеки «гуманистическим символом нации», а значит, их с полным правом можно назвать субъектом формирования культуры межнационального взаимодействия. Это направление в последние годы стало одним из ведущих в деятельности Кемеровской областной библиотеки для детей и юношества. Одной из предпосылок актуализации этого направления стал возросший интерес к поликультурной тематике.

Совершенно очевидно, что любая библиотека должна придерживаться «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» и поддерживать национальные интересы России в различных

сферах деятельности. Но в комплексе государственных мер, направленных на решение проблем в сфере национальных отношений, библиотека, как один из возможных ресурсов социокультурной политики, фактически не рассматривается.

Как отмечает С.В. Кокорина, «в современном отечественном библиотековедении тема формирования культуры межнационального взаимодействия остается недостаточно разработанной в силу ее многоаспектности, сложности и относительной новизны»¹. Также наблюдается недостаточная адаптированность для библиотечной практики. Поэтому потенциал общедоступных библиотек в сфере гармонизации межнациональных отношений используется недостаточно.

И.В. Гудкова выделяет следующие направления работы, отражающие специфику мультикультурной деятельности библиотеки:

- новую модель обслуживания пользователей, проведение различных акций культурного и образовательного плана (конференции, дни национальных культур, семинары, презентации и т. д.);
- набор (обучение) сотрудников для работы с разнообразными мультикультурными сообществами и умение реализовать их информационные, духовные, интеллектуальные, культурные потребности;
- развитие фондов и услуг в соответствии с культурными и духовными потребностями этносов, отражающих культурное и языковое разнообразие, включая цифровые и мультимедийные ресурсы;
- открытие структурных подразделений, информационно-культурных центров, раскрывающих и отражающих уникальность культуры, а также по продвижению иноязычных культур;
- активизацию и координацию деятельности всех типов библиотек по изучению национально-культурного пространства (состава, потребностей и запросов пользователей, наличия национально-культурных объединений);
- развитие общественных связей с национально-культурными организациями, архивами и музеями;

– участие в международных, российских, региональных программах и проектах, нацеленных на упрочение взаимопонимания между народами, по сохранению и развитию самобытной культуры².

В Кемеровской областной библиотеке для детей и юношества выделено специализированное структурное подразделение (отдел страноведения и краеведения), в функции которого входит популяризация знаний о национальных культурах, сформирован фонд литературы на языках народов Кузбасса, России и иностранных языках, а также литературы, посвященной национальным культурам. Библиотека активно сотрудничает с национальными общественными объединениями.

Создание и реализация в 2017 году просветительского проекта «Согласие народов. Созвучие культур» позволило значительно расширить спектр форм и методов библиотечной работы с детской и молодежной аудиторией. А также дало четкую и понятную фиксацию промежуточных и конечных целей и результатов деятельности в направлении формирования культуры межнационального взаимодействия, определило формы деятельности, позволило создать временные организационные структуры (рабочие творческие группы) и объединить усилия социальных партнеров в приоритетных направлениях.

Цель проекта «Согласие народов. Созвучие культур» – популяризация национальных культур и традиций народов Кузбасса; формирование интереса и уважения к культурным ценностям разных народов. Реализация проекта напрямую связана с рядом других важных направлений деятельности библиотеки: гражданско-патриотическим, духовно-нравственным, краеведческим. Без понимания этой взаимосвязи целенаправленная работа невозможна.

Библиотекари говорят о нравственных ценностях, знакомят детей и молодежь с литературным наследием, художественным творчеством, с лучшим, что есть в культуре этих народов. Они представляют интересную, достоверную, современную информацию об особенностях народов, показывают разнообразие проявлений национальных традиций и

в то же время единство всех народов. Главная идея – языки, костюмы, дома, танцы, песни, кухни у всех народов разные. Но ценность любви, верности, мудрости, смелости, чести, силы духа – одинаково высока. И это необходимо донести до сознания молодых. Именно на этой основе успешно формируются основы взаимопонимания, сотрудничества, миролюбия, доброжелательности и уважения.

В проекте выделено три главных составляющих – информационная поддержка национальных общественных объединений, формирование интереса к культурам разных народов через книгу и просветительская работа, направленная на формирование культуры межнационального взаимодействия.

Информационную поддержку обеспечивает ресурс «Народы Кузбасса». Сайт «Народы Кузбасса» является совместным проектом библиотеки и департамента культуры и национальной политики Кемеровской области. Ресурс носит справочно-информационный характер, который обеспечивает доступность сведений о составе, численности, культуре, самоорганизации народов, проживающих на территории нашей области. Представители этих народов создали общественные объединения и творческие коллективы с целью сохранения и популяризации своей национальной культуры. О каждом из народов на сайте представлена информация, содержащая сведения о языке, вероисповедании, бытовых традициях, национальных костюмах, национальных общественных объединениях, творческих коллективах, центрах культуры, действующих на территории Кемеровской области.

Просветительский проект «Согласие народов. Созвучие культур» включает крупные областные мероприятия (областной конкурс; программы выездов в область; встречи с российскими писателями, отражающими в своих произведениях национальный колорит; циклы информационно-просветительских мероприятий для детей и подростков).

Одним из крупных событий проекта является областной конкурс «Национальные традиции в моей семье», который провели департамент культуры и национальной политики Кемеровской области и наша библиотека. Основная цель конкурса: вовлечение родителей и детей в изучение, популя-

ризацию и творческую интерпретацию исторического, духовного и культурного наследия народов Кузбасса и России. Среди участников – телеуты, немцы, башкиры, евреи, кенийцы, осетины, татары и русские. Конкурс вызвал большой общественный резонанс и дал четкие ориентиры не только участникам, но и всем тем, кто следил за конкурсом: традиции своих народов и знание языка действительно передаются из поколения в поколение.

Основная целевая аудитория проекта – дети и молодежь. Это очень требовательная аудитория, которой нужны интерактивные формы знакомства с национальными культурами. Одной из таких современных и популярных форм является квест. Поисковую игру «Этно-квест» библиотека провела в сотрудничестве с другими учреждениями культуры – музеями и музыкальным театром.

Цель игры: популяризация национальных традиций народов, проживающих на территории Кузбасса и России, а также формирование навыков сотрудничества. Самое главное, что нам удалось – показать молодежи, как интересно знакомиться с национальными традициями, искусством, кухней, костюмами и как важно ценить и понимать друг друга.

Площадками для выполнения заданий стали Кемеровская областная библиотека для детей и юношества, Кемеровский областной музей изобразительных искусств, Государственный музыкальный театр Кузбасса имени А.К. Боброва, Кемеровский областной краеведческий музей. Наша библиотека неслучайно выбрала партнеров – одной из задач было показать ресурсы и уникальные возможности учреждений культуры в формировании культуры межнационального взаимодействия.

Участникам предстояло найти артефакты среди уникальных музейных экспонатов и в недоступных обычному посетителю театральных помещениях, выполнить задания организаторов с помощью книжно-иллюстративных изданий. Некоторые факты о народах и их традициях участники узнавали впервые в ходе командной работы. И это вызывало большой интерес. Динамичные интеллектуальные и творческие задания «Этно-квеста» позволили глубже узнать куль-

туру разных народов, а также получить своеобразную прививку «дружбы».

Областной этномарафон «Круг друзей» включает комплекс познавательных мероприятий, посвященный межнациональному взаимодействию: выставку плакатов, театрализованную программу, где в игровой и увлекательной форме дети познают культуру народов своего края; познавательно-творческие программы, в которых они рассказывают детям о жизни, традициях и обычаях разных народов, знакомят детей с национальным фольклором; творческие мастер-классы, где участники могут своими руками сделать сувенир с национальным колоритом. Мероприятия марафона рассчитаны на детей и подростков из малых городов и сел Кузбасса. Областной этномарафон «Круг друзей» в 2017 году охватил 8 территорий (два города и шесть районов Кузбасса). На 60 площадках в библиотеках, школах, детских садах, домах культуры, музеях, школах искусств более 2000 детей и подростков ближе познакомились с национальными культурами и наследием родной страны. Опыт проведения марафона наглядно показал низкий уровень знаний и представлений о национальных культурах у детей и подростков (что еще раз подтверждает негативный фактор, выделенный в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», а именно: недостаточность образовательных и культурно-просветительских мер по воспитанию культуры межнационального общения, изучению истории и традиций народов России...). Но позитивным итогом представляется тот факт, что все площадки этномарафона помогли зародить интерес к культурам разных народов.

Одна из главных составляющих этномарафона – интерактивная выставка плакатов «Народы Кузбасса: Единство разных». Процесс создания плакатов был достаточно долгим и кропотливым. Был переработан большой массив информации, из которого были выбраны краткие, но емкие и интересные факты о народах. Сведения проверены, их достоверность подтверждена. В качестве консультанта выступила кандидат культурологии, специалист по этнографии народов Кузбасса Т.И. Кимеева.

В результате созданы 12 двусторонних плакатов на роллерных конструкциях. Каждый элемент плаката имеет свою логику, выполняет свои задачи. Так слагается логическая цепочка фактов, которые в итоге приводят к созданию целостного представления о народе.

На первом плакате располагается название выставки и общие сведения о численности и национальном составе населения Кузбасса.

Далее десять плакатов, каждый из которых посвящен культуре одного из народов (у нас представлены два коренных и восемь самых многочисленных народов, проживающих на территории Кузбасса). Двенадцатый плакат завершает выставку, содержит выводы и сведения об издателях.

На основных плакатах, посвященных отдельным народам, представлена история пребывания народа в Сибири, сведения о том, как народ попал на территорию Кузбасса, даны места компактного проживания. Обращаем внимание, что на плакате представлена этнографически верная модель народного костюма.

Тщательно отбирались сведения об одном из праздников народа, особенностях жилища, национальных блюдах – ведь эта информация должна заинтересовать и увлечь молодых людей.

Была представлена одна из ярких и интересных личностей в истории народа. Приведена одна пословица на национальном языке, и ее перевод на русский язык выявил глубину народной мудрости.

На обратной стороне плакатов – занимательные факты о культуре и народных промыслах. В оформлении использованы авторские фотографии детей и молодых людей – участников творческих коллективов. Они представляют сценические, стилизованные костюмы. Но в данном случае было важно продемонстрировать, что изучение культуры родного народа – увлечение вполне современное.

Выставку можно посмотреть самостоятельно или принять участие в интерактивной экскурсии с элементами мини-квеста и викторин, то есть выполнить ряд заданий, опираясь на содержание плакатов, и таким образом ближе познакомиться с традициями и культурой народов Кузбасса.

В формировании интереса к культурам разных народов огромную роль играет книга, и в библиотечном проекте ей отводится важная роль.

Библиотекари создали особую форму рекомендательной библиографии – осмотеку (библиотеку ароматов). В стеклянных флаконах заключены фруктово-сладкие и древесно-травяные ароматы, запахи морской свежести и экзотических цветов. Читателям предлагается не только выбрать аромат, но и сыграть в ассоциации. В зависимости от выбранного аромата и возраста читателя библиотекари рекомендуют лучшие образцы отечественной литературы как для юных читателей, так и для взрослых. Ароматы становятся стимулом для чтения книг, авторы которых отображали национальное своеобразие одного из народов.

Творческие встречи с российскими писателями, лауреатами литературных премий Шамилем Идиатуллиным и Евгением Рудашевским, в произведениях которых ярко отражен национальный колорит, еще раз подтвердили огромный потенциал художественной литературы в активной популяризации идей гуманизма, мира и дружбы между народами.

Среди форм работы по проекту – тематические дни, посвященные культуре отдельного народа.

15 ноября 2017 года Владимир Путин и Президент Армении Серж Саргсян дали старт Дням культуры Армении в России. А 18 ноября в библиотеке прошел День армянской культуры «Армения, прекрасен твой народ». В праздничной программе «Армения – страна камней и солнца» сотрудники библиотеки органично соединили выступления юных артистов, интересную информацию о самых важных, символических элементах армянской культуры и истории, увлекательные игры, армянские загадки, мультипликацию.

Видеоряд, включающий картины знаменитого художника Мартироса Сарьяна, фрагменты клипов с изображениями природы, архитектуры, танцоров и музыкантов, помогли почувствовать атмосферу и национальный колорит Армении. По всему периметру премьер-зала раскинулись экспозиции.

С изделиями национального декоративно-прикладного творчества можно было познакомиться на выставке, предо-

ставленной общественной организацией «Армянская община “Урарту”». Председатель этой общины рассказал о Доме русско-армянской дружбы. Активные члены общины – исполнители песен, танца и художественного слова – выступили в концертной программе.

На выставке «Армения! Твой древний голос – как свежий ветер в летний зной...» была представлена обширная информация об Армении и армянском народе. Участники познакомились с книгами, художественными альбомами, пластинками, аудио- и видеодисками, русско-армянской независимой газетой «Ноев ковчег», информационными листовками с интересными фактами.

После окончания концертной программы для гостей библиотеки были организованы мастер-классы по мотивам символов национальной культуры.

Все участники Дня армянской культуры, любясь произведениями армянских классиков, наслаждаясь голосами и пластикой юных исполнителей, слушая мудрое слово руководителей национальных общественных организаций, могли убедиться в том, что главными ценностями армянской культуры, равно как и русской и всех остальных, являются важные для каждого человека любовь к матери и отцу, к родной земле, уважение к традициям и истории своего народа. Основы национальных культур учат прежде всего видеть лучшее в представителях любого народа, проявлять уважение и искренний интерес к ним, стремиться к сотрудничеству и мирному общению.

В целом информационно-просветительский проект «Согласие народов. Созвучие культур» способствует развитию интереса к традициям и культуре разных народов, расширению кругозора детей и формированию доброжелательного, уважительного отношения к людям других национальностей.

Таким образом в результате реализации проекта «Согласие народов. Созвучие культур» были отработаны методики проведения культурно-просветительских мероприятий, направленных на формирование культуры межнационального взаимодействия. Полученный опыт обобщен в виде информационных и методических материалов, транслировался на профессиональных мероприятиях: международной научно-практической конференции «Гармонизация межэтничес-

ских отношений и развитие национальных культур: этнос в пространстве библиотеки» (г. Екатеринбург); на VIII Межрегиональном смотре деятельности этнокультурных центров (г. Красноярск); на Всероссийской научно-практической конференции «Библиотеки в контексте социально-экономических и культурных трансформаций» (г. Кемерово). Около 5000 человек стали участниками проекта. В его рамках прошли 160 культурно-просветительских мероприятий в 11 муниципальных образованиях Кемеровской области. Проект вызвал интерес СМИ (20 информационных сообщений на радио и телевидении, статей и заметок в газетах и журналах, более 100 публикаций в электронных СМИ: на сайтах информагентств, в интернет-изданиях, электронных версиях печатных СМИ).

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., на территории Кемеровской области проживают более 150 народов (этносов, наций, народностей). Для региона с полиэтничным составом особенно важна гармонизации межнациональных отношений. Особая роль в этой работе принадлежит публичным библиотекам – многочисленным, общедоступным, обладающим фондами национальной литературы. На сегодняшний день библиотеки, как и другие учреждения культуры, являются подлинно интернациональными институтами. В работе с многонациональным населением библиотеки не только возрождают интерес к национальной культуре своего народа и представителей других этнических групп, но и формируют четкие социальные ориентиры и духовные ценности – патриотизм, любовь к своей Отчизне, чувство общенациональной гордости.

Примечания

---

¹ *Кокорина С.В.* Формирование культуры межнационального взаимодействия: возможности общедоступных библиотек // Библиосфера. 2014. № 3. С. 16.

² *Гудкова И.Н.* Мультикультурная деятельность библиотек // Вестник ЗабГУ. 2013. № 10. С. 16.

Л.Ф. Кацис (Москва)
*Российский государственный
гуманитарный университет
Batya-94@mail.ru*

Проблемы преподавания теологии авраамических религий в вузах Российской Федерации

Окончательное признание теологии областью знания, появление соответствующей специальности в номенклатуре научных специальностей ВАК завершило формирование всей вертикали, связанной с преподаванием и изучением этой дисциплины.

На сегодня в Российской Федерации существует учебно-методическое объединение, занятое преподаванием теологии в системе среднего образования. Все традиционные конфессии Российской Федерации имеют свои высшие специальные учебные заведения. При этом Русская православная церковь присуждает и свои степени доктора и кандидата богословия.

Именно наличие такой степени заставило разработчиков паспорта специальности «Теология» для ВАКа обратиться к этому заведомо нерусскому термину, чтобы не вступать в обсуждение традиционных русских названий соответствующих специальностей – христианского богословия, иудейского и мусульманского закона и т. д.

Выделение в данном докладе именно авраамических религий из числа традиционных религий Российской Федерации связано с позицией представителей буддизма. Буддийские коллеги полностью толерантно отнеслись к постановке вопроса о признании теологии областью научного знания, участвовали во всех подготовительных процедурах, подписа-

ли все соответствующие протоколы и документы, однако считают, что их представители могут продолжать защищаться по релевантным отраслям философских наук, т. к. понятие теоса для буддизма чуждо.

Однако эта ситуация является наиболее спокойной и вообще не вызывающей проблем. Ведь степень по теологии является обычной ученой степенью и необязательна для защиты даже представителям Русской православной церкви, которые могут продолжать защищаться по своим традиционным богословским специальностям.

Понятно, что представители признанных и известных религий и деноминаций, таких как католицизм или Армяно-григорианская церковь, могут получать свои степени в своих учебных заведениях или университетах, где имеются подобные факультеты вне Российской Федерации, либо (при предъявлении документа о соответствии их работ требованиям теологии соответствующей конфессии, например, от Папского Нунция либо учебных заведений Армянского епископата в Москве, что предусмотрено стандартом специальности) защищаться в специальных диссертационных советах по теологии на территории Российской Федерации.

В свою очередь, исламские ученые могут продолжать защищаться в зарубежных центрах ислама, как это было до введения в РФ соответствующей степени.

Несколько иная ситуация наблюдается у иудеев: здесь принципиальные различия между ортодоксальными направлениями и реформистскими направлениями в иудаизме уже сказались в практике преподавания теологии.

Если в традиционных направлениях ортодоксального иудаизма (хасидском и литовском) преподавание этой специальности ведется в учебных заведениях самих конфессий (имеющих государственную лицензию), то представители прогрессивного иудаизма, имеющие официальную регистрацию на территории РФ и СНГ, организовали обучение своих представителей теологии в рамках Российского государственного гуманитарного университета.

Этот опыт следует признать уникальным, т. к. он реализуется до официального введения предмета «Теология» для

иудеев в рамках стандарта высшего образования «Свободные искусства и науки» в Институте филологии и истории РГГУ.

С 2018–2019 учебного года появляется возможность преподавания теологии для иудеев в рамках собственно специальности «Теология».

Необходимо отметить, что для реформистского или прогрессивного иудаизма получение высшего образования и даже докторской степени по философии было обычной практикой в Российской империи XIX – начала XX в., а в Европе, США и Израиле сохраняется и сегодня без всякого перерыва.

В Российской империи русские евреи, имевшие степени по философии европейских университетов, окончив «раввинские училища», становились казенными раввинами. Их не всегда признавали ортодоксы, однако в ряде случаев они получали всеобщее признание, как, например, московский раввин Я. Мазе.

Сегодня такой практики в Российской Федерации нет. И работа РГГУ в этом направлении совместно с общиной «Дор ле-Дор» (Москва), Всемирным союзом прогрессивного иудаизма, Школой еврейской теологии Университета Потсдама и Гайгер-колледжа оказывается первым случаем восстановления давней традиции.

Необходимо отметить, что с 1991 по 2014 г. в РГГУ существовал «Project Judaica», организованный совместно с Jewish Theological Seminary (New York), однако он не преследовал цели преподавания теологических дисциплин, а был сосредоточен на научном описании и каталогизации еврейских архивов СНГ и общей иудаики. Поэтому Российско-американский учебно-научный центр библеистики и иудаики считается предшественником преподавания иудейской теологии в РГГУ и Российской Федерации в целом быть не может, хотя его преподаватели и ведут базовые лингвистические и общеисторические дисциплины у групп иудейских теологов.

Стоит отметить, что РГГУ традиционно является местом преподавания и православной теологии совместно с общецерковной аспирантурой РПЦ. Понятно, что в РГГУ будет

организовано и преподавание православной теологии для бакалавров, и соответствующая магистратура.

Разумеется, в какой-то момент встанет вопрос и о преподавании исламских дисциплин в РГГУ. И здесь необходимо коснуться достаточно острых проблем, которые все активнее выявляются в самое последнее время, когда стало ясно, что многолетнее противостояние сторонников и противников преподавания теологии в светских вузах закономерно закончилось приведением вузов РФ в традиционный для европейских университетов формат, где эта специальность является абсолютно привычной и нормальной.

Мы не будем вдаваться в глубокие исторические изыскания, касающиеся разницы в отношении к теологии в университетах западного мира и России. Достаточно сказать, что сами российские университеты возникли уже в эпоху Просвещения, когда скорее противостояли духовным учебным заведениям, бывшим до того главными хранителями культуры.

Этот момент во многом определяет позицию тех вполне уважаемых ученых, которые выступают против введения теологии в систему специальностей привычного им, придется сказать, советского университетского образования.

Также заметим, что в той системе новую-старую дисциплину прекрасно представляли «Научный коммунизм» и разные дивидаты «Диалектического» и «Исторического материализма».

Тем не менее мы работаем и существуем в той ситуации, которая исторически сложилась, и противодействовать ей нет никакого смысла, равно как и не учитывать наличие соответствующих напряжений в интеллектуальной и преподавательской среде, которые могут привести к серьезным последствиям.

Прежде всего, это организованное противодействие введению теологии представителями культурологического и религиозно-направлений. Под видом борьбы с «заведомо ненаучными» методами теологии они просто защищают свою диссертационную делянку.

Ведь независимо от того, называть или не называть теологию научной специальностью в смысле ВАК, книги

печатались и печатаются, а исследования в этой области проводились и проводятся, причем публикуются они в исторических, философских и т. д. журналах и издательствах общего профиля.

Сам по себе этот факт не имел бы никакого значения, однако на фоне того, что из иудейской или мусульманской среды какой бы то ни было заметной критики не раздается (собственно говоря, автору данного текста такие случаи вообще неизвестны), то вся атака ведется именно на православие и РПЦ.

И этот вопрос можно было бы оставить без специального внимания. Однако в Российской Федерации имеются и регионы с преобладающим исламским населением, где преподавание исламских теологических дисциплин давно ведется в университетах мусульманских республик. В этом случае критика теологии, направленная именно на РПЦ в условиях отсутствия аналогичной критики двух других авраамических религий, может стать причиной притеснения представителей православия со ссылкой на вполне не исламскую критику теологии, раздающуюся даже из православной среды.

На наш взгляд, необходимо предотвращать подобные ситуации. Ведь разговоры на эту тему ведутся не только в рамках «НГ-Религии» или «Троицкого варианта», но и по каналу «Культура».

Искусственное выделение из обсуждения вопроса о введении теологии в светских вузах из реально сложившегося авраамического контекста в узкоправославный создает также совершенно ненужные напряжения и в православной среде. Поэтому, на наш взгляд, необходима работа по четкому разграничению целей, задач и программ преподавания теологических дисциплин в чисто духовных учебных заведениях и в светских вузах, которые ни при каких условиях не могут готовить практических священнослужителей.

В любом случае в ожидании увеличения количества бюджетных мест в университетах на специальность «Теология» авраамических религий (раз так сложилась реальная ситуация) требует создания равно гармоничного соотношения и между четко религиозно ориентированными студентами

и преподавателями в университетской среде в целом, и во взаимоотношениях между представителями светских наук, давно представленных в университетах, возражающих против теологии, однако часто считающих себя православными либо выраженными атеистами.

Полезно организовать и совместные научные встречи представителей специальностей «Религиоведения» или «Культурологии» с представителями «Теологии», которые совместно обсуждали бы одни и те же проблемы, но на разных секциях и с разных позиций.

Издание материалов подобных конференций с участием, разумеется, представителей всех конфессий, связанных с преподаванием теологии, равно как и выкладывание самих заседаний в Сети, могло бы создать базу для реального и конструктивного, а не конфронтационного обсуждения реально возникших проблем в связи с введением новых дисциплин в университетский куррикулум.

Д.М. Солодовник (Москва)
*Институт стран Азии и Африки
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
msu.iaas@mail.ru*

Роль исламского образования в становлении российской идентичности

После распада СССР начался тяжелый путь для исламской религии: не только поиск своих корней в этом духовном учении, но серьезное идейно-догматическое вмешательство извне, закончившееся гражданской войной на Северном Кавказе и распространением на территории мусульманской России чуждых для нее исламистских школ и течений, в частности ваххабизма (салафизма), характеризующихся радикальными политическими идеями, ставшими в эпоху глобализации одним из проводников этносепаратизма и формирования новых идентичностей, не имеющих традиционных исторических корней. До сих пор главной задачей, стоящей перед всем мусульманским сообществом России, особенно перед ДУМами РФ, духовными исламскими авторитетами, является организация на всех уровнях исламской догматической полемики с радикальным исламизмом. Есть сведения, которые озвучил Р.Р. Сулейманов – эксперт Института национальной стратегии и главный редактор журнала «Мусульманский мир», что салафиты, например, в Поволжье выкладывают в Интернете цитаты из книг дореволюционных татарских богословов для подтверждения того факта, что салафизм (ваххабизм) имеет якобы свои корни и в России¹ (салафизм – это религиозное течение, требующее «чистоты ислама» и «возврата

к источникам», т. е. к эпохе VII века н. э. Главной чертой этого течения является буквалистское толкование Корана и запрет всех догматических и обрядовых нововведений, определенных как «бида»).

В настоящее время явно не хватает современных научно-богословских исследований, посвященных проблемам салафизма (ваххабизма). Для укрепления суверенитета страны сегодня на первый план выходят такие понятия, как: *субъектность народа, национальный и духовный суверенитет*, которые во многом опираются на единое историческое сознание народов России.

Единое историческое сознание – устойчивое явление и зиждется оно в России, в основном, на единстве оценок важнейших исторических событий, отточенных общей тысячелетней судьбой совместного проживания более двухсот наций и народностей с различной конфессиональной принадлежностью. Поэтому сегодня чрезвычайно важно, чтобы все исламское сообщество взяло на себя историческую и нравственную ответственность за национальный и духовный суверенитет России, в том числе и в области исламского образования.

Становление сегодня независимого исламского образования закладывает поистине новые сущностные черты в единое историческое сознание народов России. И здесь огромную роль играет системная государственная политика в области поддержки религиозных конфессий, в частности мусульманской, на которую президент страны возложил задачу «воссоздания отечественной богословской мусульманской школы и создания своей системы религиозного образования»². Очень много сделано на этом пути, хотя еще больше предстоит сделать.

Несмотря на существующую сегодня «дробность» в исламском духовном пространстве, есть основания утверждать, что контроль над ключевыми ДУМами со стороны «исламских радикалов» (ваххабитов-салафитов) миновал³ и самое время сосредоточиться на создании «единого исламского образовательного пространства».

В Совете по исламскому образованию ведутся дискуссии о разработке и содержательной части стандартов россий-

ского исламского образования в средних и высших учебных заведениях. Эти дискуссии не могут быть не связаны с поисками идеологического суверенитета России в исламской сфере. В сентябре 2017 года состоялось открытие Болгарской исламской академии, при которой создан Совет улемов России, орган, который и будет разрабатывать стратегию развития ислама в России и формировать его «мирную модель».

К процессу формирования исламского образования государство подключило светские вузы, где работают отделения исламоведения с ведущими учеными в области исламского права, корановедения, хадисоведения (из Москвы, Санкт-Петербурга, Уфы, Казани, Пятигорска). Думается, что объединив усилия, светские и духовные образовательные учреждения смогут создать свою собственную модель российского ислама с новой системой координат, основанную на историческом преимуществе российской цивилизации, способную стать истоком глубинной трансформации богословской мусульманской мысли всего исламского мира. В этой связи замечательные слова сказал ученый-исламовед с мировым именем – ведущий научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, российский гражданин арабского происхождения Тауфик Ибрагим о том, что у России сейчас есть все условия для того, чтобы освободиться от средневекового консерватизма и показать миру, каким должен быть ислам в XXI веке⁴.

В 2011 году произошло историческое событие в развитии исламского российского образования: был утвержден Государственный образовательный стандарт по «Теологии», в том числе исламский модуль. В 2016 году, согласно приказу Министра образования и науки Российской Федерации, был образован Диссертационный совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук и доктора наук по специальности 26.00.01 «Теология».

Теология – это, по сути, соединение исламского богословия со светским исламоведением. Стандарт по теологии предполагает самое широкое его наполнение религиозно-доктринальной тематикой, а также светскими, необходимыми для каждого религиозного деятеля современными дисципли-

нами. Движение исламского российского образования по пути освоения государственных стандартов по «Теологии», на наш взгляд, есть основа для самой широкой социализации мусульманской молодежи, которая с государственным дипломом будет востребована в разнообразных сферах общественно-социальной и политической жизни страны⁵.

Понятно, что для базовой «богословской части» ГОСа чрезвычайно нужна своя «научно-методическая школа аргументации» против радикальных исламистских идей, основанная на определенном мышлении и ревизии средневековых наслоений и светской школе экзегетики, а также соответственный набор исламских дисциплин, где особое внимание должно быть уделено «тафсиру» (толкованию Корана).

Общеизвестный факт, который предвидел еще в Средние века Мухаммед, о возможности существования внутри исламской религиозной системы 73 фикх, то есть множества течений, сект, отдельных богословских школ, сегодня стал, с одной стороны, признаком силы исламского мировоззрения, а с другой – его слабостью. Сила в этом смысле состоит главным образом в том, что мусульманскому богословию принципиально чужд догматизм, оно априорно открыто к реформаторству и трансформации через дискуссии и поиск своих путей развития. И многие страны и народы создают свои «суверенные» исламские богословские школы, свои «модели ислама», которые традиционно соответствуют их географическим условиям, историческому пути, современному уровню общественно-политического развития и государственно-го устройства.

Один известный хадис содержит историю: «...передавали, что Мухаммед несколько раз выносил решение в спорах о тексте, объявляя, что каждая из сторон права, поскольку он говорил, что “...Коран был ниспослан во множестве вариантов, так читайте же его, как вам легче всего”»⁶. В подтверждение этого хадиса ссылаются на аят: «Читайте же из Корана то, что необременительно для вас»⁷.

Именно поэтому каждая страна вырабатывает свою национальную научно-методическую богословскую школу толкования Корана, Сунны, Хадисов. Это делается для того, что-

бы обезопасить себя от радикальных толкований по одним и тем же вопросам, касающимся главным образом политико-правовых концепций исламской религии.

Учение Пророка Мухаммеда, по мнению многочисленных экспертов, имеет диалектическую природу и «проявляет себя как противоположное социокультурное явление»⁸. В сложной системе «тафсира» в мусульманском богословии сформировался целый институт «насха» (т. е. отмены или замены противоречивых аятов).

В наличии различных мнений по разрешению противоречий кроется слабость исламской религии, которую эксплуатируют исламисты. Исламисты отражают внутриисламскую серьезную идеологическую войну через обращение к отрывкам из Корана и Сунны, которыми оправдывают свои преступления⁹. Эта реальность превратилась сегодня в настоящее испытание для мусульман всего мира и, в частности, для Российской мусульманской уммы.

Исламский терроризм, идейно использующий политико-правовые концепции ислама в своих преступных целях, должен быть полностью делегитимизирован, не только на уровне государственного запрета на деятельность подобных движений, групп, но и на уровне религиозно-доктринальном.

На протяжении многих веков исламская политико-правовая мысль накопила множество внешне противоречивых идей, имеющих отношение к идейной базе исламского радикализма.

Это, в частности, по мнению многих известных экспертов, касается таких трактовок, как:

- единобожия («Таухид»),
- чистоты веры («Такфир»),
- основ власти и политики отношений государства и индивида («Фикх» и «Акыда»)
- применения насилия («джихад»).

Поскольку эти вопросы четко не урегулированы в Коране и Сунне, допускается их интерпретация, носящая зачастую субъективный характер и полностью зависящая от конкретного мусульманского богослова.

Отношение к критериям экстремизма (исламского радикализма) тоже всегда будет субъективно и полностью зависимо от конкретной, этническо-страновой богословской школы.

Следует иметь в виду, что исламская догматика – «Акыда», ее политико-правовые нормы складывались не в условиях сложившейся государственности для сакрализации внутреннего стабильного развития государства и его моральных стандартов, а напротив, она формировалась в ходе жестоких военных действий, сначала гражданских (со своими соотечественниками – арабами), потом с соседними народами, в результате чего был образован Арабский халифат. Поэтому объективно многие нормы представляют собой далекое арабийское средневековье, но они имеют место быть в Писании. Характерно, что главной цементирующей основой нового огромного государства был ислам с его гуманными идеями социальной справедливости и конфессиональной исламской всеобщей солидарности. По сути, эта глобалистская идея «о Всемирной исламской умме» является сегодня мощным интегрирующим элементом радикальных «исламистов» на разных уровнях: локальном, национальном, региональном, мировом, подтверждение чему мы видели в действиях ИГ (организация, запрещенная в РФ). Самым главным способом противодействия наряду с координацией усилий мирового сообщества становится выработка каждой страной собственных конкретных средств для противодействия «исламистским проектам». Мировая исламская мысль повсеместно сосредоточена на выработке своих «моделей ислама» применительно к собственным национально-историческим традициям и особенностям социально-политического и экономического развития отдельных государств. На этом должна быть сосредоточена и мусульманская умма России в лице ее формирующейся богословской школы.

Суверенная модель российского ислама не может не быть органически связанной с историческими особенностями российской цивилизации, историей его возникновения и распространения на территории России. Российский ислам никогда не был воинственным, он формировался изначально как торговый и на Северном Кавказе, и в Поволжье. Формиро-

вание Российской империи шло через политику ограничения, а потом и вовсе запрета Екатериной II «миссионерской» православной деятельности, именно для того, чтобы сохранить огромную многоконфессиональную Империю как единое государство. На территории России не было религиозных войн, хотя были растянувшиеся на 50 лет Кавказские войны, однако они не носили тотального противостояния по религиозному признаку. Это ключевые фундаментальные преимущества нашей российской цивилизации. Участие мусульман в государственном строительстве Российской империи – общеизвестный факт. Они были прекрасными защитниками своего Отечества, не изменяли ему даже тогда, когда противниками являлись их единоверцы. Многие представители дворянства носили мусульманские фамилии – Борис Годунов, Аксаков, Карамзин, Тургенев, Тютчев, Кутузов, Булгаков. Они были потомками мусульманской знати¹⁰.

Россия уже более 1000 лет представляет собой уникальный по мировым меркам образец мирного сосуществования более 200 народов и национальностей. Специфика формирования российской цивилизации связана с развитием на ее территории трех суперэтносов: славян, тюркских и финно-угорских народностей.

Российская цивилизация имеет принципиально важные особенности развития, которые серьезно выделяют ее среди других цивилизаций мира. Она географически, исторически, этнографически представляет собой синтез Европы и Азии, некое новое качество, рожденное слиянием европейского и азиатского начал. Ислам как духовное учение также вобрал в себя именно эти цивилизационные черты, поэтому на каждом этапе своего развития не мог не переосмысливать средневековые арабо-мусульманские компоненты богословской ортодоксии.

Исторически сложившаяся российская специфика такова, что религиозный фактор никогда в нашей стране не являлся единственно значимым фактором развития; только он лишь один никогда не определял гражданскую идентичность.

Сегодня в среде российской уммы серьезно изучается российское наследие мусульманской философской мыс-

ли, суфийские тексты, переиздаются сочинения татарских и кавказских богословов XVIII–XIX века (например, Институт истории Республики Татарстан реализует грандиозный проект – 12 томов «Антологии татарской богословской мысли», 9 томов из которых уже изданы). Российская мусульманская богословская школа имеет сегодня все возможности для создания собственного исламского образования, которое соответствовало бы реалиям современной российской государственности и задачам качественного обновления социально-политического и экономического потенциала страны. Неслучайно во всем мире широко известен хадис Пророка, где Мухаммед говорил, что «Любовь к Родине – часть Веры»¹¹.

Российской исламской мысли пришло время заявить о себе как о самобытной богословской школе, свободной от арабской средневековой парадигмы. Тем более что в мире нет образца «классической богословской школы ислама», как нет и образцового классического мусульманского образования. Классическим может быть только перечень дисциплин, а их содержание определяется мусульманским духовенством каждой страны исходя из ее неповторимой истории, современного социально-политического развития. В России власть и вера никогда не были связаны, именно поэтому не было ни «русской», ни «исламской» теократии. Две религии традиционно составляли некий гуманитарный консенсус в отношении общей цивилизационной политической культуры России. Духовная культура в России не претендовала на «мирскую власть», поэтому не было и нет корней «политического ислама» в стране¹². Миссия религии в России, даже в самые тяжелые атеистические времена, заключалась в помощи власти и народу справляться с историческими вызовами. А они сегодня беспрецедентны! Россия в четвертый раз за столетие совершает акт самостроительства (1917, 1941, 1991 годы и в настоящее время), чтобы остаться в мировой истории как уникальная цивилизация со своим особым местом в равноправном многополярном мире. Но, чтобы выжить, все российское общество должно сосредоточиться на достижении нового качества развития страны, в том числе и в развитии исламской российской мысли и образования.

Примечания

---

¹ URL: http://islamio.ru/news/society/sovremennoe_otchestvennoe_musulmansкое_bogoslovie/?sphrase_id=4803

² URL: <https://ria.ru/religion/20150923/1276197265.html>

³ Независимая газета. 2017. 21 июня.

⁴ *Батыр Р.* Болгарская исламская академия – не место для дискуссий? // Портал Богослов.ру. 2017. 4 июня.

⁵ *Батров Р.* «РПЦ за то, чтобы была утверждена теология, боролась на протяжении 100 лет...» // business-gazeta.ru. 2017. 9 июля.

⁶ *Кулиев Э.* Коран. Перевод смыслов и комментарии. М.: Эксмо, 2012.

⁷ Там же (73 сура, 20 аят).

⁸ *Якупов М.Т.* К проблеме единства ислама и источников ДАИШ в аспекте писания мусульман // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 1.

⁹ *Дабеев И., Дабеев А.* «Исламское государство»: идеология, структура, политическая практика, каналы финансирования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2017.

¹⁰ Исторический опыт Российской империи // Русский исторический журнал. 1999. № 2.

¹¹ *Ланда Р.* Ислам в истории России. М., 1995. С. 160.

¹² *Кимтаев С., Измайлова С.* Прозелитизм в исламе // Исламоведение. 2013. № 1. С. 75–84.

Языковая политика в контексте реализации
«Стратегии государственной
национальной политики Российской Федерации
на период до 2025 года»

П.-К. Броше (*Москва*)
Фонд «*New Rules*»

От статистики до реальности: роль аудиовизуальной продукции в формировании конкретного понятия о мультикультурализме страны

31 октября 2016 г. Президент Российской Федерации Владимир Путин провел в Астрахани заседание Совета по международным отношениям, посвященное актуальным вопросам реализации «Стратегии государственной национальной политики России...» В своем выступлении он отметил, что «для многих людей было бы интересно узнать об этносах и народах, которые населяют нашу страну», поскольку «это такие вещи, с которыми мы не сталкиваемся в быту каждый день...».

Если для поколения 45+ вопрос о мультикультурности России является понятной концепцией (во время СССР постоянно говорилось о многонациональности страны), то для современной молодежи представить Россию как многонациональную страну сложно. К сожалению, большинство информации о жизни других народов преподносится только через новостные сюжеты с криминальной тематикой, крайне редко затрагивается культурная или гуманитарная составляющая.

Сегодня Россия по количеству народов и языков уступает другим странам. Например, в Индонезии более 1100 этнических групп и приблизительно 700 языков, а в Папуа – Новой Гвинее свыше 800 аборигенных языков (почти 10% от общего количества языков в мире). В России насчитывается около 190 народов (194 народа, по данным последней переписи населения в 2010 году). Но поскольку в ходе переписи при ответе на вопрос о национальной принадлежности респондента основную

роль играют его самосознание или самоназвание, хотелось бы разобраться, какие этнокультуры действительно существуют сегодня на территории РФ.

Уникальность России – это не только количество народов, но и разнообразие форм их жизни и культуры. Несмотря на сложную и драматичную историю страны, в ней до сегодняшнего дня сохранилось большое число этнокультур. К сожалению, об этой особенности России, во многом определяющей ее уникальность, почти не говорят ни в стране, ни за ее пределами.

Сегодня нам кажется очень важным разобраться и, отстраняясь от статистики, понять, какие этнокультуры сохранились в нашей стране, как они выглядят в первой четверти XXI века. Мы предлагаем создать современную аудиовизуальную энциклопедию этнокультур России. Каждая энциклопедия – это те знания, которые мы оставим после себя потомкам. Наша задача – не только успеть зафиксировать обряды, обычаи, языки и традиции всех народов России, но и с помощью передовых технологий на современных носителях аудиовизуальной информации сделать это знание интересным, увлекательным и вдохновляющим. Такой киноматериал должен быть создан по самым современным стандартам командой профессионалов, в которой важную роль должны играть этнографы и антропологи. Сегодня только телевидение (федеральное и региональное) способно улучшить ситуацию. Мы планируем на базе собранного материала по согласованию с российскими и зарубежными телеканалами создать фильмы разных форматов:

полнометражные фильмы о народах России под рабочим названием «Мы – россияне» (90 мин);

серии короткометражных фильмов об отдельных этносах в конкретных регионах страны (26 мин);

мини-фильмы для распространения в сети Интернет (до 5 мин).

Фильмы должны быть показаны на федеральных и региональных телеканалах. К выходу каждого фильма будет организована региональная презентация или круглый стол, обязательно с участием Администрации региона, органов местного самоуправления, vip-гостями и представителями этнокультур. Это позволит понять экономические выгоды со-

хранения, поддержания и развития этих этнокультур и, в том числе, будет способствовать развитию регионального туризма и занятости людей.

Также необходимо разработать современный веб-сайт об этнокультурах России. Кроме телевидения и Интернета, фильмы должны демонстрироваться в краеведческих музеях, которые посещают все школьники во всех городах России. Нужно донести до подрастающего поколения, что краеведческие музеи – это не выставка предметов «мертвой» культуры, а часть живой культуры, которая находится рядом, по соседству. В системах ценностей различных народов России немало уникального. На примере Омской области можно заметить, как всего лишь в 70 км от большого города по соседству живут немцы и казахи, которые на протяжении многих лет продолжают чтить свои традиции, свою культуру.

Таким образом, создание проекта «Аудиовизуальная энциклопедия этнокультур России» является настоящим инструментом для того, чтобы каждый народ страны чувствовал себя комфортно в своей культурной среде, мог гордиться ею и понимать, что ее сохранение и развитие может стать конкретным источником дохода. Даже в регионах, где, казалось бы, нет особых достопримечательностей, именно богатство и разнообразие живых этнокультур может стать главной ценностью данного места и обеспечить его туристическую привлекательность.

М.П. Леонова (*Ростов-на-Дону*)

*Культурно-просветительское общество
донских и приазовских греков «Танаис»*

Сохранение греческого языка как одного из элементов этнокультурного и языкового многообразия народов России

Российская Федерация является одним из крупнейших государств мира с полиэтническим составом населения, обладая при этом этнической (русской) и религиозной (православной) доминантами.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, в России проживают представители 193 народов, обладающих отличительными особенностями материальной и духовной культуры.

Этнокультурное и языковое многообразие России является важным элементом ее международного имиджа, неотъемлемой частью мирового духовного наследия, защищено российским государством.

Согласно п. 3 статьи 68 Конституции РФ, всем ее народам гарантируется право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития.

Согласно п. 2 статьи 26 Конституции РФ, «каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества».

Данный постулат еще раз подтверждает Указ Президента РФ от 21 апреля 2014 года № 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, итальянского, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития».

По данным 2010 года, в России используется 277 языков и диалектов, в системе государственного образования – 89 языков, из них 30 – в качестве языка обучения и 59 – в качестве предмета изучения.

Базовым условием сохранения этнокультурной идентичности любого народа является сохранение, употребление и развитие родного языка.

В этой связи Федеральная национально-культурная автономия греков России в своей многогранной деятельности (образовательная; культурно-просветительская; сохранение исторической памяти; возрождение духовных ценностей; социальная помощь и поддержка; международная) большое внимание уделяет развитию национального образования.

Здесь усилия организации сосредоточены в двух направлениях:

- сохранение, изучение и развитие греческого языка в России;
- поддержка изучения русского языка за рубежом, в частности в Греции.

В результате огромной целенаправленной работы, проводимой ФНКА греков России по сохранению, изучению и развитию греческого языка в России и осуществляемой при поддержке российского государства, достигнуты существенные результаты:

- 29 декабря 2016 года приказом № 1677 Министра образования РФ О.Ю. Васильевой учебники греческого языка 5–9 классов, разработанные специалистами кафедры новогреческой филологии Кубанского государственного университета, вошли в федеральный перечень учебников;
- с 2017/2018 учебного года греческий язык стал преподаваться как второй иностранный в российских школах в ряде регионов России в местах компактного проживания греков: в Ставропольском, Краснодарском краях, в Республике Крым;
- при Федеральном агентстве по делам национальностей Российской Федерации была создана рабочая группа по сохранению, развитию и популяризации греческого языка на территории РФ;

– в школах Российской Федерации и при греческих общинах продолжается обучение детей греческому языку кружковым методом.

Приятно констатировать, что интерес к изучению греческого языка проявляет и система высшего образования РФ. В ряде крупнейших российских вузов (МГУ, МГИМО, Кубанский государственный университет, Крымский федеральный университет имени Вернадского и др.) действуют кафедры греческого языка.

Во многих средних и высших учебных заведениях России греческий язык преподается факультативно; курируются вопросы по открытию кафедр греческого языка; открываются отделения новогреческого языка при других кафедрах. Так, отделение новогреческого языка открыто на кафедре лингвистики и журналистики Ростовского государственного экономического университета.

При греческих общинах проводятся занятия по греческому языку для слушателей разных возрастов. Проводятся олимпиады всероссийского и всемирного масштаба на знание греческого языка и истории Греции среди школьников и молодежи. Реализуются программы по подготовке преподавателей новогреческого языка, финансируется издание методических материалов и учебников. Налажено сотрудничество с вузами Греции. Осуществляется поддержка ученых и исследователей, работающих по греческой тематике.

При поддержке ОО ФНКА греков России в сотрудничестве с ведущими российскими вузами проводятся Международные научно-практические конференции с участием ученых из России, Греции, Кипра.

Среди реализованных инициатив – научно-практические конференции: «Роль греков в истории России» в г. Таганроге, «Нематериальные памятники христианского культурного наследия в современной Турции» в Европарламенте, Международная конференция «Аристотелевские чтения» в г. Ростове-на-Дону и др.

Популяризация национального языка и культуры проводится на фестивалях, форумах, конкурсах, выставках, ор-

ганизованных как по инициативе ФНКА греков России, так и на всероссийских межнациональных мероприятиях.

В октябре 2017 года представители ФНКА греков России приняли участие в форуме-диалоге «Языковая политика: общероссийская экспертиза», который состоялся в Москве в Федеральном агентстве по делам национальностей, где выступили с презентацией деятельности ФНКА греков России как примера работы российского национально-культурного объединения.

Важным аспектом образовательной деятельности Федеральной национально-культурной автономии греков России является поддержка изучения и развития русского языка, являющегося основой духовного единства многонациональной России.

В связи с этим большая работа проводится по популяризации и укреплению позиций русского языка за рубежом, в частности в Греции:

- поддерживается отделение русской филологии и славяноведения Афинского национального университета, находившееся на грани закрытия, где сегодня обучается 400 студентов;
- проводятся международные научные конференции с участием ведущих филологов из разных стран:
  - в ноябре 2016 года при поддержке ФНКА греков России в сотрудничестве с Афинским национальным университетом и Южным федеральным университетом (г. Ростов-на-Дону) в г. Афины (Греция) была проведена Международная научная конференция «Язык как средство межкультурной коммуникации»;
  - в марте 2017 года в г. Ростове-на-Дону прошла Международная научная конференция «Язык и культура: межкультурная антропология», посвященная 50-летию кафедры русского языка для иностранных учащихся.

В форуме приняли участие ведущие филологи из Греции. ФНКА греков России содействует развитию программ дополнительного образования по русскому языку для иностранных учащихся.

В октябре 2017 года группа студентов отделения русской филологии и славяноведения Афинского национального

университета им. Каподистрии стали слушателями месячной программы дополнительного образования по русскому языку Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета.

Сегодня русский язык особенно популярен и востребован в Греции. Учитывая данное обстоятельство, при поддержке Федеральной национально-культурной автономии греков России, на основании подписанного в 2016 г. меморандума о сотрудничестве на факультете философии Салоникского университета им. Аристотеля – одного из крупнейших высших учебных заведений на Балканах – создана кафедра русского языка и культуры.

Цель создания кафедры – развитие дидактической и исследовательской работы, направленной на изучение и преподавание русского языка, истории и культуры, а также укрепление связей между Грецией и Россией для создания ядра русских исследований в Университете им. Аристотеля в г. Салоники. Торжественное открытие кафедры состоялось 5 октября 2017 г. в актовом зале Университета им. Аристотеля.

Учебная программа кафедры предусматривает преподавание двух дисциплин по истории России и русской литературе и двух дисциплин по русскому языку. Пройти курс обучения смогут студенты всех факультетов Университета.

Приоритетным направлением научных исследований является выпуск учебного материала для грекоязычных студентов в сотрудничестве со специалистами из университетов Греции и России.

Поддерживается деятельность Общества распространения русского языка и культуры в г. Салоники, созданного представителями русской диаспоры в Греции. Поддерживаются проекты по изданию книг греческих поэтов и писателей на русском языке.

М.М. Магомедханов (Махачкала)

*Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН
mkhan@yandex.ru*

Этноязыковая политика в Дагестане: советский опыт и современные реалии

Последние два века в истории Дагестана отмечены радикальными преобразованиями в общественно-политической, экономической и культурной жизни народов края. Изменилась и без того сложная палитра этнической структуры населения Дагестана, особенно в приморской и степной его части, обозначились новые, динамичные векторы этнокультурных и этноязыковых процессов.

XIX век вошел в историю Кавказа как век России. Политика сплочения этнически разнородного населения Российской империи вокруг идей государственности и гражданственности, «единства царя и народа» имела соответствующее своему времени пропагандистское, просветительское, экономическое обеспечение. Русский язык становился определяющим фактором формирования в национальных окраинах сознания причастности к политической, экономической и культурной жизни России.

К концу XIX – началу XX в. интеллектуальную элиту Дагестана представляли не только последователи арабомусульманской культурной традиции, но и интегрированная в русскую культурную среду, европейски образованная генерация просветителей, студенчества, офицеров, служащих, чиновников, буржуазии.

Важное место в духовной и культурной жизни народов Дагестана занимала религия. В начале XX в. и первые годы советской власти на Северном Кавказе практически каждый родитель имел возможность дать ребенку начальное религиозное

образование, обучить его грамоте, письму. Для этого в крупных поселениях имелись, в зависимости от состава населения, или мечеть, или церковно-приходская школа, или синагога.

Советский период национально-языкового строительства в Дагестане отмечен появлением сети учебных заведений, ростом городского населения, развитием промышленности, усилением миграционной активности населения, расширением сфер функционирования и повышением уровня знания русского языка. Наряду с этим, в 1920–1950 гг. были созданы невиданные ранее условия для расширения социально-культурных функций национальных языков, поднятия их престижа, повышения уровня национально-художественного сознания их носителей. Для ряда народов СССР была создана новая письменность, а старописьменные языки были переведены на латинскую (1928 г.), затем на русскую (1937 г.) графическую основу. Создавались новые учебники, открывались ликбезы, общеобразовательные школы, средние и высшие специальные учебные заведения, национальные СМИ, писательские союзы, художественные коллективы, театры и т. д.

С 1960-х гг. в национальной политике КПСС и советского правительства наметился явный крен в сторону сужения, а в отдельных сферах (делопроизводство, обучение на родных языках и др.) и свертывания социальных функций национальных языков. Все это сопровождалось насаждением идей и лозунгов о скорейшем наступлении коммунизма, о слиянии наций и языков, пропагандой «стерильного» от национально-религиозного содержания «морального кодекса строителя коммунизма» и т. п.

С 1980-х годов начался перевод школ на русский язык обучения сначала с многонациональным, а затем и мононациональным контингентом учащихся. Тогда же наметилась тенденция падения уровня преподавания родных языков и литературы. В научной и публицистической литературе пропагандировались тезисы о всемерном развитии национальных языков и культур, указывалось на рост числа писателей и их сочинений, на увеличение из года в год театральных постановок, коллективов художественной самодеятельности и т. д. Делалось это вне контекста состояния языковой компетенции «национального» читателя и зрителя. Между тем реалии эт-

ноязыковой жизни уже не вписывались в устоявшуюся идею о неуклонном развитии, взаимодействии и взаимообогащении национальных языков и культур советских народов.

Присущее предшествующему периоду советской истории гармоничное взаимодействие национальных и русского языков, выражавшееся в том, что каждый из языков занимал соответствующие своим демографическим, коммуникативным, образовательно-культурным и иным ресурсам функциональные сферы и ниши, с 1980-х годов начало меняться в сторону свертывания сфер употребления национальных языков. Вместо утверждения гуманистического, одинаково бережного отношения к родным и русскому языкам, в общественное сознание людей прямо или исподволь «внедрялись» предубеждения о бесперспективности национальных языков, о том, что «за пределами аула родной языку не нужен» и т. п. Следствием постепенного вытеснения национальных языков из таких общественно значимых сфер функционирования, как образование, делопроизводство, государственная власть, публичная политика, явилось падение социального престижа национальных языков, ослабление их роли в сфере художественной культуры, литературы, СМИ.

В советское время отношение к росту национального самосознания было двоякое. С одной стороны, в этом видели достижение национальной политики КПСС, заботящейся о развитии материальной и духовной культуры наций и народностей, а с другой – феномен, содержащий в себе опасность национализма.

«Справедливый подход к явлениям естественной ассимиляции, – говорилось в одном из центральных изданий 1987 г., – несовместим с навязыванием сохранения самобытности даже в том случае, если это навязывание предпринимается с самыми лучшими гуманистическими побуждениями, стремлением к тому, чтобы какие-то этносы или их отдельные части не исчезли с этнической карты мира»¹.

В «застойные» годы вновь прозвучали знакомые предостережения об «идеологической дисциплине», «бдительности», напоминания об утере «социально-классовых позиций»... Словно до 1917 года у наших народов не было ничего,

кроме войн и междоусобиц, грабительских набегов и межнациональных распрей, будто наши предки не умели ни читать, ни писать, ни наслаждаться поэтическим образом и музыкальной гармонией. Сколь категоричны и однозначны, запелляционны и равнодушны были все-таки в своих приговорах незадачливые судьи нашего национального духовного достояния! И это была горькая правда. Но была и другая правда, правда посильней и убедительней. Она состояла в том, что подавляющее множество так называемых малых народов получило возможность осознать самих себя, понять свою национальную культуру, «обрести» свою художественную классику, лишь обратившись к своему неизведанному прошлому и обнаружив в нем духовное богатство, о наличии которого эти народы и не подозревали. Безусловно, это была заслуга культурной революции².

Добавим к этому, что политика КПСС, нацеленная на «расцвет и сближение всех наций и народностей СССР», не была фикцией.

Из промышленно развитых областей России и Украины в Среднюю Азию, Закавказье и Северный Кавказ перемещались капиталы и промышленные технологии, инженеры и квалифицированные рабочие, для работы в национальных окраинах из центральных областей Российской Федерации в добровольно-принудительном порядке направлялись учителя, врачи, ученые. В целом в политическом сознании советских людей доминировали интернационалистские установки.

В первые два десятилетия после распада СССР национальная политика в Российской Федерации проводилась в условиях межэтнических конфликтов или «гашения» на краткосрочную перспективу текущих проблем. Подчеркнем, в этой связи, что в тот период дагестанцы, руководство республики во главе с М.М. Магомедовым не только удержали этнополитическую ситуацию в Дагестане, отношения Республики Дагестан с сопредельными субъектами Российской Федерации и Федеральном центром в режиме управляемости, но и подтвердили свою верность идеалам российского единства и российской государственности. Снижению общественно-политической напряженности вокруг этноязыковых проблем способствовало принятие Закона «О языках народов Российской Федерации» (с измене-

ниями и дополнениями, внесенными Федеральным законом от 24 июля 1998 года). Закон провозглашает равенство языков, статус русского языка как государственного языка Российской Федерации, действующего на всей территории страны, право национальных республик устанавливать свои государственные языки. В 1990-е и последующие годы в РФ был также принят ряд федеральных законов, которые прямо или косвенно регламентируют национально-языковую сферу жизни россиян. Это Законы «Об образовании», «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», Федеральный закон «О национально-культурной автономии», Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» и др.

Народы России, как и каждый ее гражданин, имеют право свободно выбирать язык общения и воспитания; создавать письменность и развивать литературную форму родного языка и т. д. Нет также правовых ограничений для развития или создания средств массовой информации на любых языках, для получения государственной поддержки на книгопечатание и издание литературы на языках народов РФ, на проведение научных исследований в области сохранения, изучения и развития языков и т. д.

Таким образом, федеральные законы дают широкие правовые полномочия национальным республикам сохранять и развивать этноязыковое многообразие.

В этнологической литературе не раз отмечалась роль языка в этнической мобилизации. Язык является одновременно и основанием, и признаком, и символом этнической идентичности. Как показывает дагестанский опыт, в качестве средства этнической мобилизации может быть использовано любое средство общения, в том числе и язык, причем не обязательно родной («этнический»). Примечательно, что в 1990-е годы в Дагестане политические декларации национальных движений делались, главным образом, на русском языке или через русскоязычные СМИ. Так, например, газета «Дидойские вести», откровенно нацеленная на этническую мобилизацию цезов (дидойцев), выходит на русском и дидойском языках. Кумыкская газета «Ёлдаш», периодически актуализирующая этнополитическую проблематику, имеет русское приложение «Времена» и т. д. Использование языка

как средства этнической мобилизации в политических, националистических, сепаратистских и иных целях может быть эффективным тогда, когда существует дискриминация по этноязыковому признаку.

Известный тезис о том, что любой из языков народов мира, в том числе бесписьменный, имеет потенциальные возможности развития до наивысших социально-коммуникативных и социально-культурных уровней, не следует понимать буквально. Существуют еще и демографические, экономические, социолингвистические и другие реалии, которые не всем и не всегда удается приводить в соответствие с привлекательными теоретическими моделями или виртуальными схемами управления этноязыковыми процессами. Попытки вызвать вокруг сугубо культурологических сюжетов общественно-политический резонанс и реальная забота о сохранении этнокультурного и языкового многообразия Дагестана – это совершенно разные вещи. Существование коммуникативной и социально-политической иерархии языков – это объективная, заложенная в самой природе народонаселения данность. Наивно полагать, что на республиканском или федеральном уровнях могут быть поддержаны проекты по возложению на языки народов Дагестана заведомо непосильных функций (например, создание для всех без исключения народов Дагестана «национальных» театров, телекомпаний и т. п.). Понятно и то, что в наши дни культурные запросы и языковые ориентации россиян не могут замыкаться в сугубо этнических границах, что социально-культурный облик народов России много богаче структурирующих этот облик этноязыковых компонентов.

Важность полномасштабного функционирования русского языка для культурной интеграции и политической консолидации россиян в регионах России понимают не меньше, чем в федеральном центре³. Опасения относительно ослабления социальных позиций русского языка и грядущей «угрозы культурно-языковой, а затем и политической дезинтеграции России как многонационального государства с русским культурным ядром» представляются беспочвенными. Языкового барьера как сколько-нибудь серьезной социальной проблемы в республиках Северного Кавказа не существует благодаря русскому языку, по меньшей мере, более века.

По замечанию академика В.А. Тишкова, в предпринимаемых с начала 1990-х годов мерах по оздоровлению языковой жизни народов России, в практике реализации национально-языковой политики государства имеется немало коллизий и сложностей, требующих своего решения⁴. Сегодня из республик Северного Кавказа наиболее урбанизированной является Северная Осетия (около 65% городского населения). Наименьшая доля городского населения в Чеченской Республике (около 35%). Хотя для Дагестана этот показатель составляет всего примерно 44,6% от 2 млн 957,6 тыс. населения (данные на 1 января 2012 г.), влияние фактора урбанизации на динамику языковых процессов ощущается здесь сильнее, чем в других субъектах России. Так, например, в Чеченской Республике и Ингушетии большую часть сельского и городского населения составляют соответственно чеченцы и ингуши, тогда как в Дагестане ни одна из национальностей, представленных в его этнической структуре, не составляет и трети населения республики. Несмотря на высокие темпы роста городского населения, абсолютная численность сельского населения не уменьшается. И это создает иллюзии о неисчерпаемом потенциале дагестанского села в смысле сохранения национальных языков. Между тем рост абсолютной численности сельского населения происходит не в горной зоне, а в равнинных районах Дагестана и ведет не к гомогенизации, а к дальнейшему смешению этнического состава населения республики. Дело в том, что большая часть населения Республики Дагестан живет в равнинной и предгорной части, в условиях исключительного этнического смешения, причем около половины – в городах, этническая мозаичность которых приближается к теоретически возможному максимуму. Около миллиона дагестанцев живут за пределами Республики Дагестан (в пределах РФ, Азербайджане и др. странах СНГ).

Применительно к столь сложному (даже на фоне многонационального Северного Кавказа) по этнодемографической и этноязыковой конфигурации региону, как Дагестан, механизмы, способы реализации концепции национально-языковой политики не могут быть однотипными и одномерными. Разумеется, только на федеральном уровне могут быть определены приоритетные и единые для всей страны принципы и на-

правления национально-языковой политики. Речь здесь идет об актуальности идей, теоретических обобщений, методических разработок, основанных на анализе дагестанских реалий, адаптированных к дагестанской этноязыковой специфике.

В заключение хочется отметить, что благодаря принятой Указом Президента РФ Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года созданы благоприятные условия для активизации всестороннего сотрудничества народов России, развития их национальных языков и культур, а это – те факторы, которые должны привести к укреплению государственного единства и целостности России, сохранению этнокультурной самобытности ее народов, сочетанию общегосударственных интересов и интересов России, обеспечению конституционных прав и свобод российских граждан – представителей разных национальностей и народностей.

Примечания

---

¹ Вопросы совершенствования национальных процессов в СССР. М., 1987. С. 18.

² *Гамзатов Г.Г.* Дагестанский феномен Возрождения XVIII–XIX вв. Махачкала, 2000. С. 9, 14.

³ *Магомедов М.И.* Русский язык в многоязычном Дагестане: функциональная характеристика. М.: Наука, 2010.

⁴ *Тишков В.А.* Концептуальная эволюция национальной политики в России. Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии». М., 1996. № 100. С. 25.

А.Б. Шлуинский (Москва)
Институт языкознания РАН
ashl@yandex.ru

Сохранение языкового разнообразия России: актуальные задачи

Как известно, в настоящее время во всем мире на повестке дня стоит задача сохранения языкового разнообразия. Так, по оценке последнего издания авторитетного справочника «Этнолог»¹, треть из приблизительно 7000 языков мира находится под угрозой исчезновения; при этом оценка этого статуса для каждого языка производится с учетом целого ряда социолингвистических параметров. Сходную оценку – около 2500 языков под угрозой исчезновения – дает «Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения»². Россия не является исключением: в недавно вышедшей энциклопедии³ к числу языков малочисленных народов России отнесены 63 языка, тогда как к числу более крупных языков России – только 29, причем в качестве условного порога взята 50-тысячная численность носителей, притом что малые языки, имеющие десятки тысяч носителей, находятся в подавляющем меньшинстве. Более типична ситуация, когда число носителей исчисляется сотнями, если не десятками человек, и постоянно сокращается. В то же время все языки России, вне зависимости от количества их носителей, являются достоянием многонационального государства.

Приходится констатировать, что чем более малочисленным по количеству носителей является язык, тем меньше у него сфер употребления и тем более безальтернативным кажется отказ от него. При этом представлена и грустная корреляция: если язык находится под угрозой исчезновения, как правило, его носители и с других точек зрения находятся в неблагоприятной социальной ситуации.

В этой ситуации необходимы комплексные меры по сохранению языкового разнообразия в государстве, учитывающие одновременно задачу сохранения самих малых языков, интересы их носителей и мнение специалистов. Ниже перечисляются такие актуальные задачи, перечень которых был выработан в том числе по результатам обсуждения на секции «Родные языки народов России» форума «Языковая политика» в октябре 2017 г.

Прежде всего, должно быть организовано и проведено общероссийское обследование жизнеспособности языков, аналогичное обследованию ЮНЕСКО, предложенному в «Атласе языков мира, находящихся под угрозой исчезновения», но отражающее современное состояние, построенное на прозрачных принципах и с более точным учетом данных прицельно по языкам России.

Необходима пропаганда пользы дву- и многоязычия в российском обществе – в СМИ, в сфере образования и администрации. Многочисленные современные исследования показывают, что дети-билингвы развиваются быстрее (и, в частности, в дальнейшем лучше усваивают другие иностранные языки), но по-прежнему бытует предрассудок о том, что для изучения открывающего путь к образованию и карьере русского языка нужно оставить национальный язык. Важнейшей задачей является кампания по ликвидации этого предрассудка и формированию позитивного отношения в обществе к владению национальными языками и к самим этим языкам.

Необходимо создание интернет-ресурсов и современной мультимедийной среды на малых языках России и развитие интернет-ресурсов и современной мультимедийной среды на более крупных национальных языках России. В общественном представлении должно стать возможным сочетание национальных языков, в том числе языков коренных малочисленных народов, с современными электронными технологиями – интернет-ресурсами, чатами и смс-сообщениями, фильмами и видеороликами. Необходима кампания по ликвидации предрассудка о том, что использование малых языков возможно только в условиях традиционного хозяйства.

Следует вернуться к вопросу о ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств, в том числе в отношении языков коренных малочисленных народов России. Необходимо ускорить принятие законов субъектов Рос-

сийской Федерации о языках в тех случаях, когда эти законы еще не приняты.

Ряд задач связан со сферой школьного образования. В качестве экстренной практической меры поддержки национальных языков России необходимо финансирование экспертизы школьных учебников по национальным языкам для включения в федеральный реестр из средств федерального бюджета. Соответствующая поправка должна быть внесена в Порядок формирования федерального перечня учебников (Приложение к приказу Минобрнауки РФ № 870 от 18.07.2016). Эта мера станет радикальным облегчением организации преподавания национальных языков России в школах. Необходимо изменение базисного учебного плана школ с русским языком обучения таким образом, чтобы на национальные языки как предмет отводилось достаточное (существенно большее, чем в настоящее время) количество часов. В настоящее время часов на национальные языки отводится так мало, что их преподавание часто оказывается неэффективным, особенно если речь идет о языках, фактически не усваиваемых детьми естественным путем в семьях.

Другой ряд задач связан со сферой высшего образования. Необходима разработка федерального государственного образовательного стандарта по специальности «Родной язык и литература» в рамках образовательных программ бакалавриата и магистратуры. Ранее, до присоединения России к Болонскому процессу, такая специальность существовала в системе высшего образования, а ныне оказалась утрачена. Как по данной специальности после ее введения, так и по специальности «Филология» в случае специализации на национальных языках и литературах Российской Федерации необходимо закрепить обоснованные контрольные цифры приема. Должен быть также поставлен и проработан вопрос о подготовке кадров высшей квалификации (кандидатов и докторов наук) по методике преподавания национальных языков по каждой языковой группе. Необходима поддержка инициатив по переподготовке кадров – преподавателей национальных языков, в частности в форме курсов повышения квалификации для получения двойной квалификации – учителя русского языка и литературы и учителя родного языка и литературы.

Необходима поддержка многих частных региональных инициатив, касающихся развития и повышения престижа нацио-

нальных языков и привлечения к ним общественного внимания. К ним относятся, в частности, во-первых, создание и издание учебной литературы по национальным языкам, в том числе переводов учебников для начальных классов на национальные языки, если это необходимо, а также двуязычных учебников; во-вторых, издание художественной литературы на национальных языках России, а также перевод художественной литературы и мультимедийной продукции (в частности, кинофильмов) на национальные языки и с национальных языков на русский язык и соседние национальные языки. Но возможны и многие другие инициативы, такие как студенческие олимпиады по национальным языкам или учреждение премий в областях, связанных с национальными языками; создание тематических рубрик в газетах.

Наконец, необходима социально-экономическая помощь от государства местным активистам, выступающим за сохранение языков коренных малочисленных народов России. Многие частные инициативы фактически оказываются нереализованными прежде всего в силу неблагоприятных социально-бытовых обстоятельств, в которых оказываются активисты и целые языковые сообщества наиболее уязвимых языков.

Должна быть также поставлена и проработана проблема статуса иностранных языков на территории России, основной ареал распространения которых находится за пределами России и которые в то же время имеют на территории России обширные диаспоры носителей как среди граждан РФ (новогреческий или армянский), так и мигрантов (таджикский). Для многих языков Азии и Африки количество их носителей, находящихся в России временно или постоянно, вообще достоверно неизвестно.

Примечания

---

¹ *Simons G.F., Charles D. Fennig (eds.). Ethnologue: Languages of the World. Twentieth edition. Dallas, Texas: SIL International, 2017. Online version: <http://www.ethnologue.com>*

² *Moseley, Christopher (ed.). Atlas of the World's Languages in Danger. 3rd edn. Paris: UNESCO Publishing, 2010. Online version: <http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas>*

³ *Михальченко В.Ю. (гл. ред.). Язык и общество. М.: Азбуковник, 2016.*

А43

Актуальные вопросы реализации «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»: Материалы Всероссийской экспертно-аналитической конференции. Москва, 19 декабря 2017 г. / Редкол.: М.М. Магомедов, А.Б. Безбородов, О.В. Павленко, М.А. Омаров, С.В. Баах. М.: РГГУ, 2017. 296 с.
ISBN 978-5-7281-1927-2

В сборник вошли статьи, написанные по материалам конференции, состоявшейся в РГГУ 19 декабря 2017 г. Программа конференции включала проведение двух пленарных заседаний и секций: «Сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России», «Социокультурная адаптация и интеграция иностранных граждан в российское общество», «Образование, патриотическое и духовно-нравственное воспитание детей и молодежи в контексте государственной национальной политики», «Языковая политика в контексте реализации “Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года”».

Для руководителей и сотрудников федеральных, региональных и муниципальных профильных комитетов и комиссий, руководителей и членов общественных организаций, научных сотрудников, преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется актуальными проблемами реализации Стратегии государственной национальной политики России.

УДК 323.1(470+571)(08)
ББК 66.3(2Рос)я43

Научное издание

Актуальные вопросы
реализации
«Стратегии государственной
национальной политики
Российской Федерации
на период до 2025 года»

Материалы Всероссийской
экспертно-аналитической
конференции

Подписано в печать 25.12.2017.
Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 17,6. Уч.-изд. л. 18,5.
Тираж 500 экз. Заказ № 195

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru